СМОЛЕНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
1918

Известия Смоленского государственного университета

Научный журнал
Выходит 4 раза в год

№ 1(69), 2025

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель и издатель

Смоленский государственный университет

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
Рег № ПИ № ФС77-85683 от 28.07.23
Подписной индекс ПН182 (Почта России)

Редакционный совет

М.Н. Артеменков (*Смоленск, председатель*), И.В. Романова (*Смоленск, заместитель председателя*), В.А. Волков (*Москва*), А.Б. Каменский (*Москва*), В.С. Кошелев (*Минск, Республика Беларусь*), А. Молнар (*Дебрецен, Венгрия*), Л.В. Рацибурская (*Нижний Новгород*), Ф.Б. Успенский (*Москва*), Н.А. Фатеева (*Москва*), З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*), И.Р. Чикалова (*Минск, Республика Беларусь*)

Редакционная коллегия

И.В. Романова (*гл. редактор*), А.В. Тихонова (*зам. гл. редактора*), Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, С.Ю. Артемова, Л.И. Ивонина, Д.Е. Комаров, А.В. Королькова, Л.В. Павлова, Т.Г. Попова, О.Е. Похаленков, А.М. Ранчин, Ю.Л. Цветков

16+

Адрес редакции и издателя

214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Карасик В.И. Семиотика признаний Ованеса Григоряна.....4
Андреев С.Н. Соотношение разноуровневых признаков в армянском тексте.13
Потапова Е.В. Жанр послания в «армянском тексте» русской поэзии.....22
Федоренко В.В. Путевые очерки Е.Н. Клетновой: жанровые особенности, образ автора, язык.....38
Суханова И.Г. Экфрасис как механизм создания диалога автора и читателя в интермедиальном тексте.....51
Алексеева М.И. Юридический медиадискурс как результат взаимодействия юридического дискурса с пространством СМИ и медиа.....64
Новикова Т.С. Субстандарт в художественных текстах второй половины XX – начала XXI века 75
Ли Лусы Паремии об отце в русской и китайской лингвокультурах 88
Стрельцов А.А. Использование геральдических терминов в англо- и франкоязычной художественной литературе XIX и XX веков и способы их перевода на русский язык.....102
Бочкарев А.И. Метакомические характеристики ценностного концепта ‘intelligence’ в англоязычном экранном юморе.....117
Мишнова А.В. Функционирование терминов и номенов стандартизированного лингводидактического тестирования.....128

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Волоскова М.Н. Приходы и общины старообрядцев Белокриницкой иерархии, не приемлющих «Окружное послание» 1862 года, на территории Российской империи во второй половине XIX века.....142
Мартинкевич И.А. Структурно-функциональная характеристика системы социального обеспечения БССР (1943–1945 годы) 153
Ивонина Л.И. Цивилизационная миссия Габсбургской монархии на ее восточных границах.....170
Дайнеко И.В. Чарльз Джеймс Фокс и внешняя политика Великобритании в годы второй антифранцузской коалиции 184
Карпушева В.А., Козлова К.В., Минкова К.В. Арктический вектор в парадипломатии Гренландии и Фарерских островов.....195

Сведения об авторах.....213

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.И. Карасик

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина Москва, Россия

Смоленский государственный университет Смоленск, Россия

УДК 81'27

DOI 10.35785/2072-9464-2025-69-1-4-12

СЕМИОТИКА ПРИЗНАНИЙ ОВАНЕСА ГРИГОРЯНА[1]

Ключевые слова: *Ованес Григорян; семиотика; образ; лирический герой; интертекстуальность.*

Рассматриваются знаковые характеристики стихотворений современного армянского поэта Ованеса Григоряна в переводах на русский язык. В основу работы положена модель осмысления поэтического текста, которая схематически сводится к характеристикам знака (семантика, прагматика, синтактика), особенностям художественного дискурса (эстетически релевантная интерпретация реальности, акцентированное выражение личности автора, многомерная символизация мира) и специфике поэтического мировосприятия (фасцинативная значимость содержания и формы текста). Установлено, что ключевыми темами творчества О. Григоряна являются признания в любви к своему народу и своей стране, размышления о смысле жизни и судьбе человека. Его лирический герой не боится вести прямой разговор с Создателем и порой ставит перед Творцом трудные вопросы. В текстах О. Григоряна можно увидеть сюрреалистические символы, в которых критически оценивается наша эпоха. Поэт подчеркивает, что народ все понимает правильно. Запоминаются его короткие философские верлибры. Его образы допускают множественное толкование и приобретают энигматический смысл. В его стилистике преобладает ирония, порой переходящая в гротеск. Стихотворения поэта интертекстуально соотносятся с Библией, мировой литературой и традициями армянской культуры.

Целью данной работы является описание и объяснение знаковых характеристик стихотворений известного современного армянского поэта

[1] Публикация подготовлена за счет гранта РНФ № 22-18-00339 «Электронный ресурс "Армянский текст русской поэзии": репрезентация локального текста русской литературы».

Ованеса Григоряна (1945–2013). Назначение поэзии – выход на особый уровень эмоционального осмысления реальности, на постижение символической связи между различными явлениями и событиями и выражение этой связи в подчеркнуто личном отношении к миру. Проблемы семиотики поэтических текстов неоднократно привлекали к себе внимание исследователей [Барт, 1989; Жолковский, Щеглов, 1996; Золян, 1985; Кучумова, 2021; Лотман, 1996; Масленникова, 2004; Миловидов, 2003; Новиков, 2001; Степанов, Пальванова, 2023; Эко, 2006]. Осмысление поэтического знака схематически сводится к характеристикам знака (семантика, прагматика, синтактика), особенностям художественного дискурса (эстетически релевантная интерпретация реальности, акцентированное выражение личности автора, многомерная символизация мира) и специфике поэтического мировосприятия (фасцинативная значимость содержания и формы текста).

Тексты стихотворений взяты на сайте «Голос Армении» [https://www.golosarmenii.am]. Стихотворения Ованеса Григоряна приводятся в переводе Альберта Налбандяна.

Судьба человека и его Родины является ключевой в произведениях О. Григоряна.

1945
Мы – ровесники с миром.
В один год родились;
то падая, то поднимаясь,
вместе учились ходить.
Вместе в тряпичный мячик играли,
Вместе бегали в драных штанишках,
вместе нас на улице моя мать находила,
мы вместе в одном и том же корыте
ревели от мыла…
Вместе от голода ныли…
Пролетали дни, проходили,
мы вместе на ноги встали.
Так мы друг с другом свыклись,
Так привязались друг к другу,
слились воедино,
что если выстрелы грянут,
если в мир полетят
пули, то в сердце мое
неизбежно вонзится первая пуля.

Это стихотворение отражает биографию поэта – он родился в год окончания Великой Отечественной войны и вместе со всем народом пережил трудности послевоенного времени. Важным в тексте является контраст личного местоимения первого лица во множественном и единственном числе: поколение (мы) и лирический герой (я). Мать героя – это воплощение всех матерей. Поэт настолько неразрывно ассоциирует себя со своими сверстниками, что проро-

чески признается в своей неизбежной гибели в случае повторения войны. Заключительные строки перекликаются с известными словами Г. Гейне: «Если мир треснет, трещина пройдет через сердце поэта».

Осмысление жизни и смерти по праву считается одной из важнейших экзистенциальных тем человечества. Поэт находит яркий символический образ для выражения своего отношения к этой теме.

Жажда жизни

Когда был малышом я, маленьким ребенком,
Смерть представлялась мне такой простой;
Казалось, если и придет она,
Я быстро убегу,
Я поднимусь на крышу,
И этот старичок
Мне снизу пальцем пригрозит
И все, уйдет, исчезнет.
Сейчас я вырос,
Теперь мне многое доступно;
И понял я, что тот старик и легче
и скорей меня взлетит на крышу,
и невозможно будет убежать…
– Я все, все сделаю:
все, что я знал, на ветер брошу,
воспоминанья все и дни прекрасные мои.
Спалю в огне свои все книги
(Там сказано, что невозможно убежать от смерти)…
Лишь только б раз один Ребенком снова стать.
И вновь поверить,
Что если смерть придет,
Я убегу, взберусь на крышу,
И смерть – тот старичок,
Мне снизу пальцем пригрозит
И все, уйдет, исчезнет…...

Смерть в восприятии поэта – это не страшный ангел, а старик, приходящий к тем, кого он должен забрать. От него можно убежать, взобравшись на высокую крышу. Образ такой крыши в сознании ребенка приобретает символическую значимость: крыша как спасение. С годами лирический герой пришел к пониманию того, что убежать от этого старика невозможно. И здесь возникает новый сюжет – просьба о чуде: если снова стать Ребенком, то этот старик уйдет, лишь погрозив снизу пальцем. Но за такое чудо нужно заплатить – отказаться от всех своих знаний, прекрасных прожитых дней и написанных книг. Заметим, что в армянском языке нет категории рода, поэтому образ смерти легко осмысливается как старик. Этимологически слова «смерть» и «մահ» [mah] восходят к единой индоевропейской основе. Перед нами перекличка со многими текстами – с Экклезиастом, Новым Заветом и хрестоматийно известным стихотворением Дилана Томаса.

And Death shall have no Dominion

And death shall have no dominion.
Dead men naked they shall be one
With the man in the wind and the west moon;
When their bones are picked clean and the clean bones gone,
They shall have stars at elbow and foot;
Though they go mad they shall be sane,
Though they sink through the sea they shall rise again;
Though lovers be lost love shall not;
And death shall have no dominion.

Не будет смерть владычицей Вселенной.
Нагие мертвецы единожды воскреснут
В потомках, при порывах ветра, в подлунности ночей.
Их прах очистится, предельно станет честным,
Как звезды в оконечностях своих лучей.
Сойдут они с ума, но разум возвратится,
Волна накроет их, но вознесутся птицей.
Любимые погибнут – любовь же уцелеет…
Не будет смерть владычицей Вселенной.
(Перевод А. Булынко)
(https://stihi.ru/2013/11/17/5168)

Семиотическая синтактика стихотворения Ованеса Григоряна напоминает и о миниатюре Самуила Маршака.

Бессмертие

Года четыре был я бессмертен.
Года четыре был я беспечен,
Ибо не знал я о будущей смерти,
Ибо не знал я, что век мой не вечен.
Вы, что умеете жить настоящим,
В смерть, как бессмертные дети, не верьте.
Миг этот будет всегда предстоящим –
Даже за час, за мгновенье до смерти.
(https://www.culture.ru/poems/42847/bessmertie)

В стихотворении О. Григоряна можно увидеть антитезу жизни и смерти в образах ребенка и старика, при этом ребенок оказывается сильнее своего противника.

Запоминается короткое и очень горькое стихотворение, в котором поэт ведет диалог с Создателем:

И Господь пожелал написать
БЛАГОДЕНСТВИЕ
на твоей земле – из конца в конец,
но, увы, это слишком длинное слово
не влезло в границы твоей земли…
И Господь пожелал написать
УМИРОТВОРЕННОСТЬ,
но, увы,

это слово тоже оказалось длинным
и даже его половинка
не влезла в границы твоей земли…
Что оставалось Господу?
Оставалось короткое слово БОЛЬ,
оставалось короткое слово СКОРБЬ,
оставалось короткое слово ПЛАЧ,
потому что только они и могли
уместиться на этом клочке земли…

В этом тексте четко выражен контраст между должным и данным существованием человечества вообще и армянского народа в частности. Контраст, как можно заметить, является важным семиотическим средством в поэтическом мире О. Григоряна. Человек, любимое чадо Творца, как оказалось, обречен на вечные страдания.

Заслуживает внимания короткое философское стихотворение.

На вольную тему

В сочинении на вольную тему
«Кем я стану, когда вырасту?»
маленький царевич
написал одну-единственную строчку:
«Царем, хочу я этого или нет».

Поэта, как можно заметить, волнует тема непременности судьбы. Считается, что власть притягательна. Но лирический герой текста, маленький царевич, хорошо понимает, что значит бремя власти. И при этом он не отрекается от власти, он принимает ее как высокую обязанность.

Стихотворения Ованеса Григоряна – верлибр, очень трудный жанр, в котором нет традиционных формальных опор для выражения смысла – канонических размеров и рифм. Смысл в этих текстах предельно уплотнен.

В неожиданном ракурсе перед нами раскрывается библейский сюжет изгнания из рая.

Адам

Мне не было так обидно, когда нагишом я оказался на улице ночью, в какой-то стране каменистой, без гроша, без специальности, без акций, без собственности, без каких-либо прав и без счета в банке... Это все ничего... Но обидно и горько мне стало, когда в учрежденье, ведущем учет безработных, надо мной от души посмеялись, узнав, что я изгнан был с прежней работы за одно лишь несчастное яблоко...

В этом сюрреалистическом совмещении библейского сказания и современного фантастического рассказа о попаданцах раскрывается тема запрета. Оказывается, первоначальный запрет, с которого началась история человечества, вызывает хохот у служащих учреждения, ведущего учет безработных. Читатель должен ответить на вопрос: кем же на самом деле являются эти служащие?

Запоминается признание в любви к родной стране.

Армения

Это моя страна. Она настолько мала, что, уезжая вдаль, я без труда беру ее с собой. Она мала, как новорожденное дитя. Она мала, как престарелая мать. На карте мира едва различимой слезинкой светится мой Севан. Это моя страна. Она настолько мала, что я упрятал ее в сердце, чтобы не потерять.

Мы понимаем, что слезинка в сердце – это бесконечно разворачивающийся символ страданий и горя, выпавших на долю древнего народа.

В стихотворениях О. Григоряна четко выражена едкая критика в адрес политиков.

Полицейская хроника

Внимание,
еще одно любопытное сообщение:
на исходе двадцатого века,
в четырнадцать часов пятнадцать минут,
армянский народ вышел из своей страны
и не вернулся…
Приметы: древний, многострадальный,
талантливый, трудолюбивый, терпеливый,
в глазах – бесконечная грусть,
в сердце – глубокие трещины…
Просим всех, кто его видел,
срочно сообщить об этом в парламент,
которому на несколько дней
нужен народ
в связи с приближением новых выборов…

Антитеза народа и парламента не требует комментария. Вместе с тем в текстах поэта показано, что народ все правильно понимает.

Демократия

Медведь гонял велосипед,
попугай декламировал стихи,
обезьяны строили глазки дрессировщице,
эквилибрист проворно скакал по канату…
Потом все неожиданно изменилось,
и теперь
медведь декламирует стихи,
попугай гоняет велосипед,
обезьяны скачут по канату,
эквилибрист строит глазки дрессировщице…
– Что-то изменилось в нашем городе, –
заметил, смеясь, клоун.
– Что-то, смеясь, изменил этот клоун, –
заметил народ…

Поэт ставит перед читателями вопрос: кто же этот клоун? Ответ не столь однозначен, как может показаться на первый взгляд.

Образы О. Григоряна допускают множественное толкование и становятся энигматическими символами.

Город чемоданов

В этом городе давно нет очередей,
кроме тех магазинов, где продают чемоданы.
Спрос на большие и вместительные,
хотя средние и маленькие тоже не залеживаются.
Есть даже чемоданы для новорожденных.
Влюбленные приходят на свидание с чемоданами,
в которых есть все необходимое, чтобы тут же
отправиться в дорогу. Даже здания здесь чемоданоподобны:
стоят кучкой, точно в зале ожидания.
В большой моде нынче женские зады в форме чемоданов,
а у мужчин – такой же формы туловища.
Покойников кладут в удлиненные чемоданы,
похожие на гробы, желают счастливого пути
и осторожно, заботливо предают земле,
как багаж, который спустя какое-то время
будет в обязательном порядке получен обратно.
А по вечерам люди садятся у окна, как в поезде
или в самолете, и, чуть сдвинув занавеску,
мечтательно смотрят на смутно виднеющиеся вдалеке
контуры Больших и Малых чемоданов,
и болит у них душа за этот
давным-давно утраченный
драгоценный багаж…

(https://litresp.ru/chitat/ru)

В сюрреалистическом мире ключевой образ разрастается и становится знаком нашего бытия. Обиходная тональность повествования добавляет горечь в этот гротеск.

Нельзя не согласиться со словами Наталии Гомцян о поэте:

«Ованес Григорян был самым ироничным шутником, но никогда не был циником. За маской мрачного шутника скрывалась такая нежная и чуткая душа, от проявления которой хотелось и грустить, и плакать. Он вызывал неотразимую симпатию у всех, кто его видел и знал. Разгадка тайны – в нем самом. В нем видели Личность, зримое воплощение утонченной духовности. Это выражено и в его поэзии, которая не расстается с жизнью. Рожденная любовью к ней, она остается с людьми» (https://www.golosarmenii.am/article/179416/poet-ot-zemli-i-nebes).

Резюмирую.

Основные знаковые характеристики стихотворений Ованеса Григоряна – это поэтически выраженные признания в любви к своему народу и

своей стране. Его лирический герой не боится вести прямой разговор с Создателем и порой ставит перед Творцом трудные вопросы. В его стилистике преобладает ирония, порой переходящая в гротеск. Стихотворения поэта интертекстуально соотносятся с Библией, мировой литературой и традициями армянской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

Золян С.Т. О соотношении языкового и поэтического смыслов. Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1985. 104 с.

Кучумова Г.В. Современный поэтический дискурс: языковая природа герметизма // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 99–108.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Масленникова Е.М. Поэтический текст: динамика смысла: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. 192 с.

Миловидов В.А. Введение в семиологию. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. 176 с.

Новиков Л.А. Структура эстетического знака и остраннение // Новиков Л.А. Избранные труды. Т. II: Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: РУДН, 2001. С. 56–77.

Степанов М.С., Пальванова Е.М. Семиотическая адекватность поэтического перевода: к определению понятий // Вопросы прикладной лингвистики. 2023. № 50. С. 107–129.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию: пер. с итал. СПб.: Симпозиум, 2006. 544 с.

Lidov D. Sign // Encyclopedia of Semiotics. New York, Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 572–575.

https://www.golosarmenii.am/article/179416/poet-ot-zemli-i-nebes.

V.I. Karasik
PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of General and Russian Linguistics,
Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia;
Chief Researcher,
Scientific and Educational Center
«Smolensk Center for Quantitative Philology»,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Semiotics of Hovhannes Grrigoryan's Confessions

The paper deals with the iconic characteristics of the poems of the contemporary Armenian poet Hovhannes Grigoryan in translations into Russian. The work is based on the model of comprehension of the poetic text, which is schematically reduced to the characteristics of the sign (semantics, pragmatics, syntactics), peculiarities of artistic discourse (aesthetically relevant interpretation of

reality, accentuated expression of the author's personality, multidimensional symbolization of the world) and the specificity of poetic worldview (fascination of the content and form of the text). The analysis shows that the key themes of O. Grigoryan's works are the declarations of love for his people and his country, reflections on the meaning of life and the destiny of man. His lyrical hero is not afraid to have a direct conversation with the Creator and sometimes puts difficult questions before the Creator. His stylistics is dominated by irony, sometimes turning into grotesque. The poet's poems intertextually correlate with the Bible, world literature and traditions of Armenian culture.

Keywords: *Hovhannes Grigoryan; semiotics; image; lyrical hero; intertextuality.*

REFERENCES

Barthes R. Selected Works: Semiotics. Poetics [Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika]. Translated from French. Moscow: Progress, 1989. 616 p. (in Russian).

Eco U. Absent Structure. Introduction to semiology [Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu]. Translated from Italian. Saint Petersburg: Symposium, 2006. 544 p. (in Russian).

Kuchumova G.V. Modern poetic discourse: the linguistic nature of hermeticism [Sovremennyj poeticheskij diskurs: yazykovaya priroda germetizma]. *Issues of Perm University. Russian and foreign philology*. 2021. Vol.13. Issue 1. Pp. 99–108 (in Russian).

Lidov D. Sign. *Encyclopedia of Semiotics*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1998. Pp. 572–575 (in English).

Lotman Y.M. Inside the Thinking Worlds. Man - text - semiosphere – history [Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya]. Moscow: Languages of Russian Culture, 1996. 464 p. (in Russian).

Maslennikova E.M. Poetic text: the dynamics of meaning [Poeticheskij tekst: dinamika smysla]. *Monograph*. Tver: Tver State University, 2004. 192 p. (in Russian).

Milovidov V.A. Introduction to Semiology [Vvedenie v semiologiyu]. Tver: Tver State University, 2003. 176 p. (in Russian).

Novikov L.A. Structure of the Aesthetic Sign and Defamiliarisation [Struktura esteticheskogo znaka i ostrannenie]. *Novikov L.A. Selected Works.* Vol. II. Aesthetic Aspects of Language. Miscellanea. Moscow: RUDN, 2001. Pp. 56–77 (in Russian).

Stepanov M.S., Palvanova E.M. Semiotic adequacy of poetic translation: to the definition of concepts [Semioticheskaya adekvatnost' poeticheskogo perevoda: k opredeleniyu ponyatij]. *Journal of Applied Linguistics*. 2023. No 50. Pp. 107–129 (in Russian).

Zholkovsky A.K., Shcheglov Y.K. Works on Poetics of Expression [Raboty po poetike vyrazitel'nosti]. Moscow: Progress, 1996. 344 p. (in Russian).

Zolyan S.T. On the Correlation of Linguistic and Poetic Meanings [O sootnoshenii yazykovogo i poeticheskogo smyslov]. Yerevan: Yerevan State University Press, 1985. 104 p. (in Russian).

https://www.golosarmenii.am/article/179416/poet-ot-zemli-i-nebes (in Russian).

С.Н. Андреев

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81'32

DOI 10.35785/2072-9464-2025-69-1-13-22

СООТНОШЕНИЕ РАЗНОУРОВНЕВЫХ ПРИЗНАКОВ В АРМЯНСКОМ ТЕКСТЕ[1]

Ключевые слова: *армянский текст; тематические классы слов; части речи; соотношение; многомерное шкалирование; модель*.

В статье рассматривается соотношение ряда формальных и семантических признаков, входящих в модель армянского текста, которая реализована в русской поэзии. В качестве формальных характеристик к исследованию привлекаются основные части речи, соотношения которых определяют вид описания (статический, динамический), номинальность текста и степень (интенсивность) описания. Кроме них к анализу привлекаются тематические признаки, включающие важные для армянского текста классы: тематические группы религиозной, военной, экзистенциальной лексики, а также параметры, характеризующие ландшафт страны. Соотношение признаков рассматривается в динамическом аспекте – во времени. Изучаются особенности взаимодействия признаков на различных этапах развития армянского текста.

В качестве материала используется выборка из корпуса поэтических текстов про Армению, созданного в рамках проекта «Электронный ресурс "Армянский текст русской поэзии": репрезентация локального текста русской литературы». В ходе квантитативного анализа применяются меры сходства и расстояния, оценки статистической значимости результатов, а также многомерное шкалирование.

В результате анализа была установлена степень сходства и различия между периодами развития армянского текста, осуществлена группировка признаков модели армянского текста в макроклассы.

Системный анализ текстов, объединенных по общности локуса (страны, региона, города, села и др.), позволяет отразить специфику художественной репрезентации истории, культурных особенностей, традиций, ментальности сообщества данной территории, его географической среды [Топоров, 1995; Абашев, 2014; Шурупова, 2014]. Кроме того, исследование

[1]Исследование выполнено за счет финансирования РНФ в рамках проекта 22-18-00339 «Электронный ресурс "Армянский текст русской поэзии": репрезентация локального текста русской литературы».

локальных текстов помогает определить общие тенденции в изменении характера описания образа места в литературе во времени. В последнем случае особую роль приобретает сопоставительный анализ частот лингвистических единиц описания и характера их распределения в текстах, посвященных одному и тому же локусу, но написанных в разное время.

Для изучения особенностей художественной репрезентации образа места, который формируется у авторов в разные периоды развития локального текста, и определения степени устойчивости этого художественного образа необходимо использовать как формальные, так и содержательные параметры.

Для описания модели армянского текста используется весьма широкая парадигма признаков [Андреев В., 2023; Андреев С., 2023; Бубнова, 2023; Кешфидинов, Шафранская, 2023; Павлова, Романова, 2023; Павлова, Романова, 2024; Потапова, 2023; Шафранская, Кешфидинов, 2022].

В данном исследовании будет рассматриваться как общая структура описания (статика-динамика, степень номинальности, уровень описательности), так и ряд важных для армянского текста в русской литературе лексико-семантических признаков – темы религии, войны, экзистенции, а также тема ландшафта.

В качестве материала были взяты стихотворные произведения, которые вошли в корпус текстов, созданный в рамках проекта 22-18-00339 «Электронный ресурс “Армянский текст русской поэзии”: репрезентация локального текста русской литературы», поддержанного РНФ. Из этого корпуса была образована выборка методом случайных чисел, ее объем составил 10% от списка корпуса. Она включает 48 произведений 42 авторов.

Все произведения разбиты на четыре периода.

1 период (П-1): XIX век.

2 период (П-2): начало XX века.

3 период (П-3): 20–80-е годы XX века.

4 период (П-4): 90-е годы XX века – XXI век.

Первый период соответствует раннему этапу развития армянской темы в русской литературе, второй период, относящийся к Серебряному веку русской поэзии, – это время трагических событий в Армении. Третий и четвертый периоды – советский и постсоветский, соответствуют нахождению республики в составе СССР и существованию как самостоятельного государства.

В каждом из периодов были определены частоты указанных выше параметров и проведены все дальнейшие расчеты, что позволило сопоставить характер изменений в описании Армении.

Посредством подсчета частеречных характеристик слов были получены данные, приведенные в таблице 1. В ней представлены относительные частоты, которые получаются при делении абсолютных частот трех частей речи (прилагательных – ПЛГ, существительных – СУЩ и глаголов – ГЛ) на

общее количество слов в выборке или в соответствующем периоде. Данные принимаются в расчете на 100 слов, то есть умножаются на 100.

Таблица 1

Относительные частоты частей речи в стихах

ЧР	П-1	П-2	П-3	П-4	ВСЕГО
ПЛГ	9,96	11,86	12,71	10,10	44,63
СУЩ	34,21	35,04	30,68	31,36	131,29
ГЛ	17,82	14,79	14,05	14,29	60,95

Как видно из этой таблицы, в целом соотношение между частями речи следующее: СУЩ и ПЛГ соотносятся как 1 : 0,34, а СУЩ и ГЛ как 1 : 0,46, то есть трем существительным приблизительно соответствует 1 прилагательное, двум существительным – очень приблизительно один глагол.

По табличным данным видно, что в сопоставлении с ПЛГ в П-1 превалирует ГЛ, но затем наблюдается равновесие этих ЧР. СУЩ практически везде имеет выраженное превосходство над ГЛ, особенно в П-1. Возникает вопрос: есть ли какое-либо отклонение в этих соотношениях от традиционной картины описания, от «нормы», существующей в русской литературе? М.Л. Гаспаров приводит данные процентного содержания существительных, глаголов и прилагательных в русской поэзии. По его подсчетам, существительные составляют 43%, глаголы – 22% и прилагательные – 15% от всех слов в стихах [Гаспаров, 2012].

Для того чтобы определить, действительно ли отличаются полученные для армянского текста данные от нормы, рассчитанной М.Л. Гаспаровым, можно использовать критерий, предложенный в работах Г. Альтмана и его коллег [Naumann et al., 2012]. Для определения степени номинальности (соотношение глаголов и существительных) используется формула:

$$u = \frac{p(V) - E(p)}{\sqrt{p(1-p)/(N+V)}},$$

где p – доля глаголов, $E(p)$ – ожидаемая для языка доля глаголов, $p(V)$ – наблюдаемая доля глаголов в тексте относительно существительного, N и V – количество существительных и глаголов в тексте. При определении соотношения прилагательных и глаголов в формуле учитываются уже частоты прилагательных и глаголов, ожидаемая и наблюдаемая доля прилагательных относительно глаголов.

Для уровня статистической значимости $p = 0{,}05$ и при количестве степеней свободы $df = \infty$ все случаи, когда $|u| \leq 1{,}96$ не демонстрируют статистически значимых отклонений наблюдаемого соотношения от общеязыкового, то есть ожидаемого.

При $u < -1{,}96$ количество глаголов (либо прилагательных во втором случае) значимо ниже, чем ожидаемый уровень, при $u > 1{,}64$ – значимо выше, чем ожидаемый уровень.

В таблице 2 приводятся результаты вычисления этого критерия.

Таблица 2

Соотношение ЧР в армянском тексте и в норме в русской поэзии

Период	ПЛГ-ГЛ	ГЛ-СУЩ	ПЛГ-СУЩ
П-1	–1,97	0,24	–1,96
П-2	1,79	–2,41	–0,35
П-3	3,60	–1,71	2,53
П-4	0,40	–1,41	–0,86
Средняя выборки	2,088	–2,63	0,00

Судя по таблице, соотношение ПЛГ и ГЛ, отражающее статику / динамику описания, в ряде случаев свидетельствует об отклонении от нормы. Так, в первом периоде имеет место явный крен в сторону динамичности описания (количество прилагательных относительно глаголов значимо ниже нормы). В третьем периоде эта картина полностью меняется на обратную: здесь пропорция прилагательных относительно глаголов выше нормы, что означает описательный стиль. Во втором периоде можно говорить только о тенденции к описательности.

Соотношение ГЛ – СУЩ для первого периода находится в рамках нормы, зато во втором периоде номинальность текстов резко растет. Количество глаголов относительно существительных значительно меньше, чем в норме. Эта же тенденция наблюдается и в третьем периоде.

Соотношение ПЛГ – СУЩ (интенсивность описания) оказалось отличным от нормы в первом и в третьем периодах. Причем в первом периоде речь идет о падении интенсивности описания по сравнению с нормой, а в третьем – о росте интенсивности.

Тематические классы лексики. В текстах об Армении были подсчитаны лексические единицы, которые отражают актуальные для армянского локального текста темы религии, войны, жизни и смерти, что объясняется историческими, политическими и культурными особенностями жизни страны. Данные темы имеют важное значение в восприятии Армении русскими поэтами [Аннинский, 1993; Амирханян, Павлова, Романова, 2020]. Еще одним важным аспектом для локальных текстов представляется характер описания места, его ландшафтных особенностей.

Религиозный, военный, экзистенциальный классы лексических единиц и их значение для армянского текста рассматривались нами ранее [Ан-

дреев, 2023]. Ландшафтные особенности в этом исследовании отражены темами Флора, Фауна, а также характером структуры поверхности (твердая, каменная структура) и темой Водная стихия [Андреев, 2024].

Ниже приводится список используемых признаков, после двоеточия даются примеры.

Религиозная лексика (Религия): *Бог, священный, душа, креститься, библейский, воскресить, рай, храм, христианство* и др.

Военная лексика (Воен. тема): *битва, бой, войска, сражаться, полк, солдаты, война* и др.

Экзистенциальная лексика (Экзист): *смерть, жизнь, смертный, погибель, пасть, подыхать, сраженный, родиться, оживить, воскресение* и др.

Флора (ФЛР): *цветы, розы, кусты, виноград, сад*.

Фауна (ФНА): *голубка, соловей, конь, верблюд, бабочка*.

Твердая структура (каменная структура) (ТКС): *камень, гранит, базальт, туф* и др., а также лексические единицы, имплицирующие наличие твердой каменной структуры (*скала, нагорье, утес, ущелье, перевал, гора* и др.).

***Водная среда / стихия*:** *вода, озеро, река, родник, поток, потоп и др.*

Лексические единицы двух последних классов являются важными «пространственными конфигурантами», которые использовались (среди прочих) как важные маркеры различных типов ландшафта [Калуцков, 2008]. Более детальное описание признаков ландшафта в армянских текстах дается в статье [Андреев, 2024].

В таблице 3 приводятся количественные данные. В ней помещены относительные частоты, которые были получены путем деления числа слов данных тематических групп на общее количество слов и умножены на 1000.

Таблица 3

Частоты тематических групп лексики

Признак	П-1	П-2	П-3	П-4
Религия	19,66	18,65	5,41	20
Воен. тема	30,8	37,97	5,41	10
Экзист.	36,43	26,56	6,25	20,6
ТКС	6,55	21,32	20,8	25,33
ВСХ	6,55	6	17,05	11,33
ФЛР	3,93	12,66	13,73	8,67
ФНА	4,59	6,66	11,65	8,67

Для определения соотношений между признаками и основных тенденций, лежащих в основе их возможного взаимодействия, мы применили метод многомерного шкалирования, который позволяет трансформировать

матрицу расстояний между объектами (здесь в их роли выступают признаки) из многомерного пространства в пространство меньшей размерности, в данном случае в двумерное [Embleton et al., 2023; Wheeler, 2005; Wheeler et al., 2020].

В результате была получена схема расположения признаков на плоскости, исходя из их соотношений (степени сходства и различия) во времени.

Мера стресса имеет величину *Phi* = 0,0001, количество итераций равно трем. Все это говорит об успешности преобразования. На рисунке 1 показана группировка признаков на плоскости (в двух измерениях).

Рис. 1. Группировка признаков

Основные различия в расположении признаков наблюдаются по горизонтальной оси, в то время как по вертикальной оси есть только одно существенное различие – это ТКС и все остальные темы.

Судя по расстояниям между признаками, можно выделить два многоэлементных кластера. Один из них (К-1) включает темы живой природы (Флору и Фауну) и водную стихию. Условно сюда можно отнести и ТКС. Другим кластером можно считать группу Экзистенция и Военная тема (К-2). Эти два кластера достаточно различаются между собой и составляют наиболее сильно выраженную оппозицию. Из всех признаков они в наибольшей степени удалены друг от друга.

Оставшийся класс (Религия) не объединяется ни с одним другим и является одноэлементным кластером. При этом он находится в положении своего рода центроида, занимает срединное положение и удален от всех других кластеров приблизительно на одинаковое расстояние. Военная тема и Экзистенция относительно близки друг к другу по горизонтальной оси, но несколько различаются по оси вертикальной, так же как и ТКС к ПК-1.

Полученные соотношения позволяют определить основные тенденции в описании данного локуса, которые состоят в переходе от динамического описания к статическому с постоянно высокой номинальностью, которая, впрочем, не выходит за рамки нормы. Зато описание в плане соотношения статики и динамики достаточно отличается от нормы, принятой в русской литературе. Также значительные отличия от нормы определяются в интенсивности описания. В обоих случаях отклонения от нормы имеет место превалирование статичности.

У тематических признаков сформировано три основных кластера: тематический класс религиозной лексики, одинаково удаленный от других, класс войны-экзистенции и класс природной среды. Указанные кластеры образуют три параметра, характеризующие динамику изменения модели армянского текста.

Дальнейшее направление анализа может состоять в том, чтобы увеличить количество признаков, включив в исследование дополнительные характеристики. Еще одним важным направлением исследования будет привлечение к сопоставительному анализу локальных текстов, посвященных другим локусам.

ЛИТЕРАТУРА

Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. М.: Директ-Медиа, 2014. 486 с.

Амирханян М.Д., Павлова Л.В., Романова И.В. Реконструкция «армянского» текста в русской поэзии XX века (опыт компьютерного исследования) // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2(50). С. 5–21.

Андреев В.С. Категоризация пространства в «Армянском тексте» Александра Кулебякина // Квантитативная филология. 2023. № 2(6). С. 37–46. DOI: 10.35785/2782-4195-2023-2-37-46.

Андреев С.Н. Соотношение религиозной и военной лексики в армянском тексте: квантитативный подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, вып. 8. С. 2505–2510.

Андреев С.Н. Атрибутивная структура лирических циклов «Ангел Армении» Сергея Городецкого и «Армения» Осипа Мандельштама // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 2(62). С. 28–38.

Андреев С.Н. Статика и динамика описания: ландшафт Армении // Квантитативная филология. 2024. № 2(8). С. 29–43.

Аннинский Л.А. Лучина и свеча // Дружба народов. 1993. № 2. С. 169–186.

Бубнова Н.В. Модель макро- и микроструктуры словаря имен собственных электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии» // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 4(64). С. 58–67.

Гаспаров М.Л. Фонетика, морфология и синтаксис в борьбе за стих // Гаспаров М.Л. Избранные труды. В 4 т. Т. 4. М., 2012. С. 325–334.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

Кешфидинов Ш.Р., Шафранская Э.Ф. Армянская кошениль и красный цвет Армении в русской словесности // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 4(64). С. 21–40.

Павлова Л.В., Романова И.В. Образно-мотивные ситуации «сарьяновского» корпуса русской поэзии // Известия Смоленского государственного университета. 2024. № 1(65). С. 20–34.

Павлова Л.В., Романова И.В. Созвучие Сарьяна и Армении в восприятии русских поэтов // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 1(61). С. 5–18.

Потапова Е.В. «Армянский» vs «грузинский» локальные тексты: к вопросу о генезисе и путях развития // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 4(64). С. 41–57.

Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 259–367.

Шафранская Э.Ф., Кешфидинов Ш.Р. Буквы Маштоца – паттерн армянского текста // Вопросы филологии. 2022. № 4(80). С. 31–35.

Шурупова О.С. Провинция в русской и английской литературе (городские сверхтексты). Тамбов: Бизнес – Наука – Общество, 2014. 178 с.

Embleton Sh., Uritescu D., Wheeler E.S. Too much of a good thing // Quantitative Approaches to Universality and Individuality in Language. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2023. P. 37–48. DOI: 10.1515/9783110763560-004.

Naumann S., Popescu I.-I., Altmann G. Aspects of nominal style // Glottometrics. 2012. Vol. 23. P. 23–55.

Wheeler E.S. Multidimentional scaling for linguistics // Quantitaticve linguistics. An international handbook. Berlin: De Gruyter, 2005. P. 548–553.

Wheeler E.S., Embleton Sh., Uritescu D. Language identification by simple character profiles // Words and Numbers. In memory of Peter Grzybek (1957–2019). Lüdenscheid: RAM-Verlag, 2020. P. 44–52.

S.N. Andreev
PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of English,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Relationship of Multi-Level Features in the Armenian Text

This work pertains to the direction in philology, which sets the task of studying the features of description in works of art of a given locus and creating an image of a place in them. As a result of the analysis of such works, it is supposed to identify the main features that form the model of a given locus, and to identify their relationships.

This article examines the relationship of a number of formal and semantic features included in the model of the Armenian text, which is realized in Russian poetry. As formal characteristics, the main parts of speech are involved in the study, the relationships of which determine the type of description (static, dynamic), the nominality of the text and the degree (intensity) of the description. In addition to them, thematic features are involved in the analysis, including classes important for the Armenian text: thematic groups of religious, military, existential vocabulary, as well as parameters reflecting the landscape of this country.

The material used is a sample from the corpus of poetic texts about Armenia, created within the framework of the project «Electronic resource "Armenian text of Russian poetry": representation of the local text of Russian literature». During the

quantitative analysis, measures of similarity and distance, assessment of the statistical significance of the results, as well as multidimensional scaling are used.

As a result of the analysis, the degree of similarity and difference between different periods of the development of the Armenian text was established, and the features of the Armenian text model were grouped into macroclasses.

Keywords: *Armenian text; thematic classes of words; parts of speech; correlation; multidimensional scaling; model.*

REFERENCES

Abashev V.V. Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the twentieth century [Perm' kak tekst. Perm' v russkoj kul'ture i literature XX veka]. Moscow: Direct-Media, 2014. 486 p. (in Russian).

Amirkhanyan M.D., Pavlova L.V., Romanova I.V. Reconstruction of the «Armenian» text in Russian poetry of the twentieth century (experience of computer research) [Rekonstrukciya «armyanskogo» teksta v russkoj poehzii XX veka (opyt komp'yuternogo issledovaniya)]. *Issues of Smolensk State University*. 2020. No. 2 (50). Pp. 5–21 (in Russian).

Andreev V.S. Categorization of Space in Alexander Kulebyakin's «Armenian Text» [Kategorizaciya prostranstva v «Armyanskom tekste» Aleksandra Kulebyakina]. *Quantitative Philology.* 2023. No. 2 (6). Pp. 37–46. DOI 10.35785/2782-4195-2023-2-37-46. (in Russian).

Andreev S.N. Correlation of religious and military vocabulary in the Armenian text: a quantitative approach [Sootnoshenie religioznoi i voennoi leksiki v armianskom tekste: kvantitativnyi podkhod]. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 2023. Vol. 16, Issue 8. Pp. 2505–2510 (in Russian).

Andreev S.N. Attributive structure of the lyric cycles «Angel of Armenia» by Sergei Gorodetsky and «Armenia» by Osip Mandelstam [Atributivnaya struktura liricheskikh ciklov «Angel Armenii» Sergeya Gorodeckogo i «Armeniya» Osipa Mandel'shtama]. *Bulletin of Smolensk State University*. 2023. No. 2 (62). Pp. 28–38 (in Russian).

Andreev S.N. Statics and dynamics of description: the landscape of Armenia [Statika i dinamika opisaniya: landshaft Armenii]. Quantitative Philology. 2024. No. 2 (8). Pp. 29–43 (in Russian).

Anninsky L.A. Torch and candle [Luchina i svecha]. *Friendship of peoples*. 1993. No. 2. Pp. 169–186 (in Russian).

Bubnova N.V. Model of macro- and microstructure of the dictionary of proper names of the electronic resource «Armenian text of Russian poetry» [Model' makro- i mikrostruktury slovaria imen sobstvennykh elektronnogo resursa «Armianskii tekst russkoi poezii»]. *Issues of Smolensk State University*, 2023, No. 4(64). Pp. 58–67 (in Russian).

Gasparov, M.L. Phonetics, morphology and syntax in the struggle for verse [Fonetika, morfologiya i sintaksis v bor'be za stih.] Moscow, Leningrad: Gasparov. Selected works in 4 vol. 2012. Vol. 4. Moscow: Languages of Slavic culture. Pp. 325–334 (in Russian).

Kalutskov V.N. Landscape in cultural geography [Landshaft v kul'turnoj geografii]. Moscow: Moscow State University, 2016. 138 p. (in Russian).

Keshfidinov Sh.R., Shafranskaia E.F. Armenian cochineal and the red color of Armenia in Russian literature [Armianskaia koshenil' i krasnyi tsvet Armenii v russkoi slovesnosti]. *Issues of Smolensk State University*. 2023, No. 4(64). Pp. 21–40 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. Obrazno-motivniye situatsii «saryanovskogo» korpusa russkoy poesii [Figurative and motivational situations of the «Saryanov» corpus of Russian poetry]. *Issues of Smolensk State University*, 2024, No. 1(65). Pp. 20–34 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. The consonance of Saryan and Armenia in the perception of Russian poets [Sozvuchie Sar'iana i Armenii v vospriiatii russkikh poetov]. *Issues of Smolensk State University,* 2023, No. 1(61). Pp. 5–8 (in Russian).

Potapova E.V. «Armenian » VS «Georgian» local texts: on the question of genesis and ways of development [«Armianskii» VS «gruzinskii» lokal'nye teksty: k voprosu o genezise i putiakh razvitiia]. *Issues of Smolensk State University*, 2023, No. 4(64). Pp. 41–57 (in Russian).

Toporov V.N. Petersburg and the «Petersburg Text of Russian Literature» (Introduction to the Topic) [Peterburg i «Peterburgskij tekst russkoj literaturY» (Vvedenie v temu)]. *Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of the Mythopoeic: Selected Works.* Moscow: Publishing Group «Progress» – «Culture», 1995. Pp. 259–367 (in Russian).

Shafranskaya E.F., Keshfidinov S.R. The letters of Mashtots – the pattern of the Armenian text [Bukvy Mashtotsa – pattern armianskogo teksta]. *Questions of Philology*, 2022. No. 4(80). Pp. 31–35 (in Russian).

Shurupova O.S. Province in Russian and English Literature (Urban Supertexts) [Provinciya v russkoj i anglijskoj literature (gorodskie sverkhteksty)]. Tambov: Business – Science – Society, 2014. 178 p. (in Russian).

Embleton Sh., Uritescu D. and Wheeler E.S. Too much of a good thing. In: Quantitative Approaches to Universality and Individuality in Language, Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2023. Pp. 37–48 (in English).

Naumann S., Popescu I.-I., Altmann G. Aspects of nominal style. *Glottometrics*. 2012. V. 23. Pp. 23–55 (in English).

Wheeler E.S. Multidimentional scaling for linguistics. *Quantitaticve linguistics*. An international handbook. Berlin: De Gruyter, 2005. Pp. 548–553 (in English).

Wheeler E.S., Embleton Sh., Uritescu D. Language identification by simple character profiles. *Words and Numbers. In memory of Peter Grzybek (1957-2019).* Lüdenscheid: RAM-Verlag. 2020. Pp. 44–52 (in English).

Е.В. Потапова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 8.82.1

DOI 10.35785/2072-9464-2025-69-1-22-38

ЖАНР ПОСЛАНИЯ В «АРМЯНСКОМ ТЕКСТЕ» РУССКОЙ ПОЭЗИИ[1]

Ключевые слова: *послание; ода; армянский текст; локальный текст; кавказский текст.*

Статья посвящена жанру послания в рамках «армянского текста» русской словесности. При работе с текстами автор исследования классифицирует адресатов посланий на фиктивных, обобщенных и реальных и да-

[1] Публикация подготовлена за счет гранта РНФ № 22-18-00339 «Электронный ресурс “Армянский текст русской поэзии”: репрезентация локального текста русской литературы».

лее рассматривает каждый текст через призму этой парадигмы. Выделяются основные мотивы и сюжетные ситуации, сопутствующие посланиям, анализируется их связь с пространством Армении и самоопределением лирического субъекта в представленном локальном тексте, а также их динамика в зависимости от типа адресации. На примере жанра послания рассматривается «лермонтовская линия» локального текста. С помощью программы «Гипертекстовый поиск слов-спутников в поэтическом тексте» выводы подтверждаются количественными данными.

Методология и материал исследования. «Армянский текст» русской поэзии привлекал внимание исследователей в разных аспектах: лексическое наполнение [Павлова, Романова, 2020], колористика внутри поэтических текстов [Павлова, Романова, 2022; Кешфидинов, Шафранская, 2023], разнообразный ономастикон корпуса текстов [Бубнова, 2022], паттерны, входящие в основу локального текста [Шафранская, 2022a], количественные исследования [Амирханян, Павлова, Романова, 2020], а также компаративные исследования – сравнение поэзии и прозы об Армении [Шафранская, 2022b] или сопоставление «армянского текста» с «грузинским» в аспекте генезиса и развития [Потапова, 2023].

В пространстве множества работ, посвященных локальному «армянскому тексту», отсутствуют какие-либо масштабные исследования жанровой специфики этого литературного феномена, и предложенное исследование ставит перед собой задачу заполнения данной лакуны. Материал исследования – стихотворения авторов преимущественно конца XIX века, а также XX и начала XXI века, в которых так или иначе представлен «армянский текст» русской поэзии и которые можно отнести к жанру послания. Важно отметить критерии выборки текстов. Для нас принципиально важно сочетание в тексте-послании двух характеристик: 1) апеллятивный тип субъектной организации (термин И.В. Романовой), когда в центре внимания оказывается фигура Другого и местоимения 2-го лица; 2) наличие адресата, не равного всей читательской аудитории [Артемова, 2011, *95*]. Адресат может быть выражен в заглавии, первых строках текста либо посвящении, при этом посвящение не всегда совпадает с адресацией. Важно отметить, что наличие посвящения – черта многих стихотворений «армянского текста», которые при этом не являются посланиями и, соответственно, выходят за рамки статьи. Примером является стихотворение М.Л. Матусовского с показательным заглавием «Аршавиру Торосяну». В этом тексте отсутствует непосредственное обращение к человеку, имя которого вынесено в заголовочный комплекс. Лирический субъект рассуждает о нем в третьем лице, поэтому мы относим этот текст скорее к жанру посвящения:

Он и впрямь в характер трав проник,
Их секреты запросто решая.
Кто же *он*, поэт или травник, –
Разве в этом разница большая?!
Я всю жизнь скитаться с *ним* готов,
Поражаясь близости к природе
И гордясь, что имена цветов
У армян – лишь только в женском роде.
(Здесь и далее курсив наш. – *Е. П.*)
[Матусовский, 1992, *99*]

Когда выборка стихотворений была сформирована, стало очевидно, что бо́льшую ее часть составляют тексты авторов, неизвестных широкой публике. Главным образом это авторы, печатавшиеся в начале XIX века в одном из самых известных литературных журналов – «Армянском вестнике». Среди них – Христофор Бахчисарайцев, Екатерина Алексеева, Юрий Веселовский, Сергей Пирвердиев и др. Кроме того, в «Армянском вестнике» печатались и более известные читателям авторы первого ряда – В. Брюсов и С. Городецкий. В середине XX века строки об Армении в жанре послания принадлежали перу Михаила Дудина, а ближе к XXI веку жанр послания, отсылающий читателя к пространству Армении, появился и в творчестве Виктора Коноплева.

С.Ю. Артемова, говоря о жанре послания в классическую эпоху, делила адресатов на реальных, обобщенных и фиктивных [Артемова, 2008, *165*]. Далее мы будем опираться именно на эту классификацию, поскольку в «армянском тексте» есть все три варианта: в стихотворениях с реальным адресатом лирическое «я» обычно обращается к армянскому поэту или художнику; в качестве обобщенного адресата выступает армянский народ (в корпусе есть целых три текста с одинаковым названием «Армянскому народу» – В. Звягинцевой, Ю. Веселовского и Я. Барановского), поэт (С. Заров) или ребенок (С. Пирвердиев); к фиктивным адресатам можно отнести саму Армению (В. Брюсов, С. Городецкий, Х. Бахчисарайцев, Е. Алексеева и другие), Арарат (В. Брюсов), Ереван (И. Зенов) и Музу (М. Матусовский).

При поиске стихотворений, которые бы безоговорочно могли быть отнесены к жанру послания, мы отметили закономерность: тексты с реальным адресатом составляют лишь половину всей выборки, другая половина – адресат обобщенный и, что еще чаще, фиктивный.

Фиктивный адресат. Одним из главных принципов смещения жанрового канона послания С.Ю. Артемова считает вариацию адресата: количество посланий с условным, или фиктивным, адресатом в XX веке значительно возрастает. Исследователь объясняет это «осознанием экзистенциального кризиса и невозможности разговора с “другим”, хотя при этом необходимость диалога в послании остается» [Артемова, 2008, *166*]. Иллюстрацией данной концепции становится «армянский текст» русской поэзии, ведь в жанре послания в рамках этого сверхтекстового образования главным фиктивным адресатом выступает

сама Армения. Такие тексты составляют четверть всей нашей выборки: исторические события не могли не повлиять на самосознание русского поэта, и, не имея возможности обратиться к армянскому народу напрямую, он эксплицировал это в обращении к условному адресату. С литературной точки зрения появление многочисленных посланий с таким адресатом ознаменовано одноименным текстом В.Я. Брюсова, который представил читательской аудитории образ Армении как адресата в 1915 году в «Армянском вестнике». В этом тексте Армения буквально воскрешает лирического героя Брюсова, становится для него живительной силой, способной «выпрямить» его «перед грозой»:

Но там, где я искал гробницы
Я целый мир живой обрел:
Запели, в сретенье денницы,
Давно истлевшие цевницы, –
И смерти луг – в цветах расцвел.

Не мертвым голосом былины, –
Живым приветствием любви
Окрестно дрогнули долины,
И древний мир, как зов единый,
Мне грянул грозное: «Живи!»
[Брюсов, 1973, *237*]

Герой приобщается к миру Армении, соотнося свое возрождение с природным жизненным циклом: «И, как дождем омытый колос, / Я выпрямляюсь под грозой!» [Там же]. Все последующие тексты с таким названием у современных Брюсову поэтов публиковались в этом же журнале, но одним-двумя годами позже, в связи с чем исследование невольно сталкивается с гипотезой влияния «сильного текста» (под этим словосочетанием понимается понятие «strong poem», принадлежащее Х. Блуму [Bloom, 1975, *234*]) Брюсова на творчество других поэтов – С. Городецкого, Х. Бахчисарайцева, К. Саянского и Е. Алексеевой. В пользу этой теории говорят и сами тексты, ведь в них ключевым является мотив *воскресения* и *мученичества*, только экстраполируются данные мотивы уже не на лирического субъекта, как у Брюсова, а на сам локус. Мотивировки вполне понятны и объяснимы историческими событиями – геноцидом армян:

Уходит скорбь во мглу веков...
Испита чаша искупленья...
И жизнь и солнце шлют свой зов,
Поют о чуде воскресенья.
[Бахчисарайцев, 1917, *15*]

Армения! *Страдалица* святая!
Это твоя заря, – она к тебе идет!
Это тебе свободу обещая,
Она горит таинственно сияя!
Проснись, Армения! – *твоя заря встает*!..
(Цит. по: [Не убий, 1996, *74*])

Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
И воскресенья весть услышать над тобой.
Армения, звенящая огнем и кровью!
Армения, не побежденная судьбой!
[Городецкий, 1974, *317*]

Мотивы воскресения и мученичества неразрывно связаны с мотивом смерти, им предшествующей, что отразилось в тексте К. Саянского, где возрождение жизни еще не наступило:

О Армения! сердце мое
Словно сердце у сына родного –
Бьется, *стонет над трупом твоим*
И само разорваться готово!
(Цит. по: [Не убий, 1996, *80*])

Такая репрезентация Армении как «святой страдалицы» и «великой мученицы» (название стихотворения К. Саянского) не является уникальной в рамках «кавказского текста» русской литературы – похожее описание будет соответствовать образу Грузии, например, в неоконченном романе А.А. Шишкова «Кетевана, или Грузия в 1812 году»: «отделенная от единоверных ей Християн гранитной стеною Кавказа», она «не могла простерть к ним молящих рук, когда дикие племена ее терзали» [Шишков, 1835, *2*]. Описание созвучно образу Армении в тексте Е. Алексеевой «Зинворам»: «В безумной тоске простирает / К вам длани измученных рук...» (цит. по: [Не убий, 1996, *68*]). Более того, антропоморфность такого локуса может быть связана не только с мученичеством и страданием. Например, в тексте В.Ф. Одоевского «Брак Грузии с русским царством» страна представлена как невеста, в тексте Веры Звягинцевой «грузинская земля» названа «красавицей, волшебницей, принцессой» [Звягинцева, 1964, *41*], а в послании В. Брюсова «К Арарату» (1916) поэт опять же не пишет на злободневную тему геноцида, но восхваляет Арарат, сравнивая его с «властелином окрестных гор», на который смотрит село Алагяз:

А против Арарата, слева,
В снегах, алея, Алагяз,
Короной венчанная дева,
Со старика не сводит глаз.
[Брюсов 1973, *242*]

Если говорить о текстах с фиктивным адресатом, которые написаны позднее, следует отметить стихотворения «Еревану» (1978) И. Зенова и «Муза, воспой суету ереванских базаров» (1950, впервые опубликовано в 1970) М. Дудина. Поскольку в XX веке сам жанр послания претерпевает значительные сдвиги, «текст, опираясь на жанровое ожидание читателя, одновременно разрушает его, предоставляя всякий раз новую жанровую модель, не совпадающую с исторически сложившейся, но вытекающую из нее» [Артемова, 2008, *167*], оба стихотворения иллюстрируют этот феномен. Стихи Михаила Дудина, написанные пятистопным дактилем и содер-

жащие апеллятивную конструкцию в первом стихе, невольно уводят читателя в ассоциации с гомеровским эпосом, пентаметром и античной традицией, только вместо битв поэт воспевает бытовой колорит Армении:

Муза, воспой суету ереванских базаров,
Грохот повозок и тяжесть гранатных плодов.
Воздух шашлычных и рыжую медь самоваров,
Столпотворенье мясных и фруктовых рядов.
[Матусовский, 1970, *100*]

Еще один маркер «разрушения жанрового ожидания» читателя видится в этом тексте в самом обращении к Музе, которое, особенно в традиции XIX века, неразрывно связывало лирического субъекта текста с темой самоопределения поэта.

Схожее можно увидеть и в послании «Еревану» Ивана Зенова: сначала герой говорит о том, что Ереван для него – «новая тетрадь», заполнять которую он будет «своей рукой», но после мы узнаем, что этот город уже давно «вошел» в его сознание другим текстом:

А для меня ты –
Новая тетрадь,
Заполню я ее
Своей рукою.
<…>
В меня вошел ты
Прочно, навсегда.
Взволнованным вошел
Стихотвореньем,
Вошел, как входят
Ночью поезда,
Будя народ
Стремительным
Явленьем.
[Зенов, 1978, *37–39*]

В текстах этой литературной эпохи мифологизация локуса словно смещается: от обращения к историческому контексту авторы переходят либо к литературным образцам, либо к метарефлексии собственно внутри текста.

Совершенно иная ситуация с текстами XXI века. Поэт Виктор Коноплев также написал послание «Армении», но в нем читатель уже не увидит мотивов мученичества и воскресения. Этот текст – идиллическая зарисовка пейзажа Армении:

Чем заслужил я этот дар –
Быть очарованным тобою,
Пить воздух, сладкий как нектар,
И называть своей, родною?

Я пригвожден к твоим камням,
Они дороже злата мира,
Покорен ветрам и дождям,
в руках народа-ювелира.
[Коноплев, *URL*]

Обобщенный адресат. Когда речь идет о так называемом «обобщенном» адресате, на первый план выходят стихотворения с показательным заглавием «Армянскому народу». В нашей выборке есть три текста-послания «Армянскому народу», принадлежащие перу Я. Барановского, Ю. Веселовского и В. Звягинцевой. Стихотворение Барановского написано и опубликовано в «Армянском вестнике» в 1916 году, в то время как текст Веселовского гораздо раньше – в 1878-м. В обоих текстах ключевым является не столько воспевание свободы Армении, сколько ее предвкушение, ощущаемое накануне освобождения:

Но *близок яркий день свободы*,
Тот день, что кажется мечтой, –
Он даст армянскому народу,
Что завоевано борьбой!..
(Барановский, цит. по: [Русские писатели об Армении, 1946, *101*])

Когда свобода оживится
И время славное придет,
Народ армянский устремится
На притеснителей вперед.
(Веселовский, цит. по: [Русские писатели об Армении, 1946, *68*])

Схожую интенцию можно отметить и в тексте с другим обобщенным адресатом (он именно обобщенный, поскольку под ашугом понимается не конкретный певец, а поэт как таковой) – обращение к певцу в тексте «Не плачь, ашуг» (1916) С. Зарова:

Не плачь, ашуг, *настанут дни свободы*
Повержен будет курд и властелин осман.
Смотри, певец, блистают неба своды,
То свет зари и счастья для армян...
[Заров, 1916, *4*]

Что закономерно, текст с аналогичным названием «Армянскому народу» пишет и Вера Звягинцева, только уже в 60-е годы. К этому моменту из послания с таким заголовочным комплексом исчезает бравурный пафос и усиливается рефлексия над уже совершившимся историческим *прошлым*:

Ты свободен и весел сейчас
В отчем доме и в братском краю,
Но твоих сыновей всякий раз
По газельей печалинке глаз
Безошибочно я узнаю.
[Звягинцева, 1964, *43*]

Похожая рефлексия о *прошлом*, а не трагическом для предшественников поэта *настоящем* присутствует и в тексте Сергея Городецкого «Братьям-армянам»:

Тени страшного былого
Никогда не тронут снова
Айастан Советский наш.
Неприступною твердыней
Он навек воздвигнут ныне,
Южных далей верный страж…
[Городецкий, 1974, *317*]

Этот текст уже значительно отличается от посланий начала XX века. Такая очевидная смена тональности еще раз подтверждает высказывание Елены Васильевны Чубуковой о том, что послание «как жанр отличалось исключительной “отзывчивостью” на требования времени» [Чубукова, 1984, *200*].

Отдельно в рамках обобщенной адресации нам следует выделять так называемую лермонтовскую линию «армянского текста».

Обобщенный адресат и «лермонтовская линия» внутри текстов об Армении. Н.Е. Меднис классифицировала сверхтексты русской литературы на локальные и персональные [Меднис, *URL*], мы же вслед за О.В. Зыряновым [Зырянов, 2015] добавляем к этой классификации «рецептивную» линию – группы текстов, сформировавшиеся не вокруг персоналии или локуса, а вокруг «сильного текста», повлиявшего на творчество многих других авторов [Потапова, 2023]. «Армянский текст» русской поэзии достаточно неоднороден и многогранен, и в нем, помимо собственно локальной составляющей, присутствует и рецептивная (например, когда после текста В.Я. Брюсова в корпусе появляются тексты с мотивом *воскресения*). Помимо рецепции внутри корпуса текстов можно найти и переосмысление текстов авторов Золотого века, одним из которых для «армянского текста» будет М.Ю. Лермонтов. Например, в тексте Сергея Пирвердиева «Ребенку» (1917), опубликованном в «Армянском вестнике», отчетливо видится влияние одноименного текста Лермонтова:

О, милое, прелестное дитя,
Склонись ко мне головкою невинной...
Я так люблю твой голос голубиный
И поцелуи в алые уста...
Не правда ли, вся жизнь твоя – мечта,
И жгучих слез твои не знали глазки?..
И может быть смиренное дитя,
Ты любишь слушать только, только сказки?
Ах, знаю сказку страшную и я,
Она смущает детскую беспечность.
Ее родили скалы и поля,
Где люди плачут тягостную вечность!..
И там есть дети, милое дитя,
Угрюмые, бездомные созданья...
У них поблекли алые уста
От голода, от жажды и страданья...

У них нет матерей и нет отцов...
Они в глуши безвестной одичали
И детский лепет, детскую любовь,
Все, все, что было свято, потеряли...
Они забыли звуки всех молитв, –
Свидетели угроз и страшных битв...
О, милое дитя, неправда ль ты
Их любишь за страдальческую долю.
За горечь слез, за рабскую неволю
И подарить им хочешь ты цветы
И поцелуя трепетную нежность?..
Не правда ль, будешь Бога ты молить?..
Он любит так детей... И может быть
Им возвратит Он счастье и беспечность...
[Пирвердиев, 1917, *11*]

Тексты Пирвердиева и Лермонтова соотносятся как на лексическом уровне (*милый, люблю, глазки, молитва, детский, мечта*), так и на синтаксическом (вопросительные конструкции, в том числе *Не правда ль?*). Кроме того, в тексте есть явная реминисценция из «Нищего»: «У них поблекли алые уста / От голода, от жажды и страданья...» [Там же].

Таблица 1

Соответствия между одноименными текстами Лермонтова и Пирвердиева

«Ребенку» М. Лермонтова	«Ребенку» С. Пирвердиева
Как милы мне твои улыбки молодые…	О, милое, прелестное дитя…
О, если б знало ты, как я тебя люблю!	Я так люблю твой голос голубиный
Не слишком часто ль я твои целую глазки?	И жгучих слез твои не знали глазки?..
Молитву детскую она тебе шептала…	Она смущает детскую беспечность
	Они забыли звуки всех молитв
Не правда ль, говорят… / Ты на нее похож?	Не правда ль, будешь Бога ты молить?..
Но верные мечты тот образ сохранили…	Не правда ли, вся жизнь твоя – мечта…

Отчетливо видно, что коммуникативная установка у представленных стихотворений совершенно разная: если у Лермонтова это «лирическая новелла» [Ермоленко, 1996, *382*], не лишенная сюжета и драматургии, один из образцов зрелого творчества поэта, к тому моменту уже преодолевшего богоборческий пафос и максимализм юности, тонкое обращение, лишенное какой-либо дидактики и обнажающее трепет перед объектом послания («О грезах юности томим воспоминаньем, / С отрадой тайною и тайным содроганьем…» [Лермонтов, 1954, *161*]), то текст Пирвердиева явно использует

диалогическую установку послания как возможность воздействия на адресата, призыва молиться за других детей, оказавшихся в месте, где «люди плачут тягостную вечность» [Пирвердиев, 1917, *11*].

Другое стихотворение, интересное с точки зрения «лермонтовской линии» в текстах об Армении, – «Старый армянин к маленькому сыну» (1887) Ю. Веселовского. Заголовочный комплекс данного текста явно отсылает нас к жанру послания, но отступлением от него становится воплощение реальной диалогической структуры, а не просто сообщения адресата – в тексте есть ответ «маленького сына» на наставления отца:

– Ты расти, сынок мой милый,
На войну пойдем,
Собирай свои ты силы
Для борьбы с врагом.
И когда промчатся годы,
Взяв тяжелый меч,
Ты пойди искать свободы
Среди грозных сеч.
Пусть исчезнет угнетенье...
Что ж, сынок, молчишь?
Иль боишься ты сраженья
И пред ним дрожишь?
– Нет, отец, прошло то время,
Я пойду с тобой;
В руки меч, а ногу в стремя,
И помчимся в бой.
Не боюсь я супостата
И его полков –
У подошвы Арарата
Умереть готов!
Так, мой сын! Промчатся годы,
Мы вперед пойдем, –
Мы пойдем искать свободы
Среди сеч с врагом...
(Цит. по: [Русские писатели об Армении, 1946, *67–68*])

Со стиховедческой точки зрения этот текст в первую очередь ассоциируется с лермонтовской «Казачьей колыбельной песней» (1838) – оба текста написаны чередованием четырехстопного хорея с женскими рифмами и трехстопного хорея с мужскими:

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой – старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.
[Лермонтов, 1954, *140*]

Такая метрическая формула, безусловно, не является в русской лирике окказиональной, но, по тонкому наблюдению М.Л. Гаспарова, почти в каждом стихотворении с такой же схемой «присутствует сознательная отсылка к лермонтовскому образцу» [Гаспаров, 2012, *214*]. Например, по такой же схеме написана «Колыбельная» Ахматовой:

Младший сын был ростом с пальчик, –
Как тебя унять,
Спи, мой тихий, спи, мой мальчик,
Я дурная мать.

[Ахматова, 1998, *251*]

Текст Веселовского нельзя всецело отнести к жанру колыбельной, хотя ее определяющей чертой было наличие «контраста пассивного “сна” в настоящем и радостно-деятельного будущего в ожидании» [Гаспаров, 2012, *216*], что здесь, несомненно, присутствует, но пассивный сон заменяется категорией детства в целом. В наблюдениях М.Л. Гаспарова указывается, что сама форма колыбельной допускала «возможность переадресовки», а в дальнейшем и «выхода» из рамок колыбельной традиции и «взаимодействия со смежными». Думается, что «Старый армянин к маленькому сыну» – уникальный образец взаимодействия традиции колыбельной и жанра послания в русской лирике, реализующей «коммуникацию вопреки», способной воплотить переживания, вызванные экзистенциальным кризисом и историческими потрясениями, это попытка восстановления «идеальной коммуникации» [Артемова, 2011, *87*].

Реальный адресат. При обращении к реальному адресату многие элементы «армянского текста» также поддаются уместной классификации: адресатов можно разделить на две основные группы – поэты (Сильва Капутикян, Ованес Туманян, Аветик Исаакян и др.) и художники (Мартирос Сарьян, Акоп Акопян и др.).

Тексты с реальным адресатом датируются уже не началом века, когда поэтов волнуют в первую очередь исторические события, а серединой прошлого столетия. Этим и будет обусловлено наличие совершенно иных мотивных комплексов, воплощенных такими авторами, как Галина Ветчинкина, Сергей Городецкий, Михаил Дудин, Николай Тихонов и др.

Данные тексты можно классифицировать как послания дружеские, но их главная особенность – преломление читательского ожидания, сформированного жанровой традицией XVIII–XIX веков. А.В. Маркин справедливо указывает, что для эпохи конца XVIII века и дружеских посланий характерна ситуация, при которой «в роли адресата чаще выступает друг поэта, это позволяет широко вводить разговорные интонации, придавать общению оттенок интимности, что соответствует установке сентиментализма на “малую”, “неофициальную” эмоцию» [Маркин, 1989, *20*]. Тем не менее в «армянском тексте» отечественной поэзии слом жанрового «горизонта ожидания» читателя

достигается включением в текст дружеского послания пространных философических размышлений и включением адресата в контекст мировой судьбы. Показательна в этом отношении строка Михаила Дудина («Левону Мкртчяну») о том, что «жизнь летит, все на пути сминая…» [Дудин, 1988, *375*], которая невольно отсылает читателя к державинской реке времен, что «уносит все дела людей». Обратимся еще к нескольким примерам.

Украшенный и этим полотном,
Сезона беглой радостью, плодами,
Которые искусными руками
Ты даришь вечности…
[Гатов, 1936, *29*]

В армянской новой жизни начат
Твоим напевом яркий след!
[Брюсов, 1973, *300*]

Ваш подвиг ясен и велик,
Как откровенье человека,
Отображающего лик
Судьбы Армении и века.
[Дудин, 1987, *277*]

Интонация адресанта становится не бытовой и интимной, а одической:

…создал новое созвездие
Ты на армянских небесах.
[Брюсов, 1973, *300*]

Безусловно, жанры послания и оды многими исследователями правомерно противопоставляются. Однако в посланиях реальному адресату в рамках «армянского текста» наглядно иллюстрируется смещение лирических жанровых канонов, изученных в работах С.Ю. Артемовой. Исследовательница, говоря о развитии жанров послания и оды в предвоенное время XX века, делает вывод, который напрямую соотносится с нашим материалом: «В оде пишущий напрямую обращается к объекту воспевания (что было присуще посланию), а в послании пишущий утаивает имя адресата и воспевает его черты (неважно, красоту или жестокость), обращаясь к высокому слогу (что было присуще оде)» [Артемова, 2012, *19*].

В рамках представленной статьи мы пришли к выводу о том, что тематику и модус художественности послания в «армянском тексте» определяет не только собственно дата написания текста, его исторический контекст, но и тип адресации, ему присущий, – каждому из них соответствуют определенные настроения, эмоции и установки.

1. Реальный адресат – экзистенциальные размышления и превозношение адресата (отсутствие перехода на «бытовой» интимный язык, типичный для жанра дружеского послания); развивается во второй половине XX века.

2. Обобщенный адресат – осмысление участи родной страны, гражданский пафос (первая треть XX века); осмысление свободы как факта (вторая половина XX века); ориентация на лермонтовские тексты.

3. Фиктивный адресат – мотив воскресения / воскрешения (первая треть XX века); установка на бытописание в более поздних текстах и игра с контекстами.

Важно сказать и о таком аспекте художественного текста, как фокализация: лирический субъект при трех типах адресации фокусируется на самых разных вещах – от обобщенных суждений о судьбе Армении до бытовых деталей, «шашлычных» и «меди самовара», от призыва молиться за детей Армении в страшное время геноцида до включения армянских художников и поэтов в контекст размышлений о «реке времен» и одической традиции.

Представленные выводы подтверждены нами с помощью программы «Гипертекстовый поиск слов-спутников в поэтическом тексте». Мы обратились к словарю частотности каждой из групп посланий по адресату, и в результате для каждой группы определились собственные лексические доминанты:
еальный адресат – «душа» и «судьба»;
бобщенный адресат – «народ» и «память»;
иктивный адресат – «Армения» и «страна».

Поводя итог, следует сказать, что пространство «армянского текста» невероятно разнородно и изучение жанровых процессов внутри него – важная исследовательская задача, которая может быть рассмотрена в разных направлениях. Одним из перспективных направлений видится обращение к жанру посвящения или колыбельной, что и будет представлено в наших последующих работах.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханян М.Д., Павлова Л.В., Романова И.В. Реконструкция «армянского» текста в русской поэзии XX века (опыт компьютерного исследования) // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2(50). С. 5–21.

Артемова С.Ю. Коммуникация вопреки: о трансформации жанра лирического послания // Новый филологический вестник. 2011. № 1(16). С. 87–95.

Артемова С.Ю. Взаимосвязь оды и послания в жанровой системе лирики XX века // Жанры в историко-литературном процессе: сб. науч. статей. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. С. 39–51.

Артемова С.Ю. Поэтическое послание: бытование и смещение жанра // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. Выпуск «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2008. № 14. С. 164–167.

Ахматова А.А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1: Стихотворения 1904–1944. М.: Эллис Лак, 1998. 988 с.

Бахчисарайцев Х. Армении // Армянский вестник. 1917. № 41–42 (22 октября). С. 15.

Брюсов В.Я. Собрание сочинений. В 7 т. М.: Худож. лит., 1973. Т. 2. 494 с.

Бубнова Н.В. Проект словаря имен собственных электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии» // Громовские чтения. Вып. IV: Проблемы современной региональной

лексикографии: сборник материалов международной научной конференции. Кострома, 2022. С. 392–399.

Гаспаров М.Л. Метр и смысл. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 416 с.

Гатов А. Закон Тяготения. М.: Худож. лит., 1936. 136 с.

Городецкий С.М. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1974. 638 с.

Дудин М.А. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2: Время. Стихотворения и поэмы 1963–1986. М.: Современник, 1987. 445 с.

Ермоленко С.И. Лирика М.Ю. Лермонтова: жанровые процессы. Екатеринбург: УрГПУ, 1996. 422 с.

Звягинцева В.К. Моя Армения. Стихи, избранные переводы. Ереван: Армянское гос. изд-во, 1964. 166 с.

Зенов И.З. На посту разлук. Ереван: Советакан грох, 1978. 111 с.

Коноплев В.В. Армении // Армения как состояние души. URL: https://stihi.ru/2023/02/11/7707 (дата обращения: 07.04.2024).

Лермонтов М.Ю. Сочинения. В 6 т. М.–Л.: АН СССР, 1954. Т. 2: Стихотворения. 1832–1841. 388 с.

Маркин А.В. Дружеское послание в русской поэзии 1820–1830-х годов и романтизм // Проблемы стиля и жанра в русской литературе XIX – начала XX века. Свердловск, 1989. С. 18–26.

Матусовский М.Л. Горечь: книга стихотворений. М.: Советский писатель, 1992. 192 с.

Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. URL: http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35 (дата обращения: 04.05.2023).

Не убий. Геноцид армян и русская поэзия. 1895–1918 / сост., ред. и вступ. очерк М.Д. Амирханяна. Ереван: Национальная АН Республики Армения, Музей-институт геноцида армян, 1996. 123 с.

Павлова Л.В., Романова И.В. «Армянский» текст русской поэзии: (интерпретация данных программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // Новый филологический вестник. 2020. № 4(55). С. 212–225.

Павлова Л.В., Романова И.В. «Цветная» составляющая частотного словаря «армянского текста» // Litera. 2022. № 12. С. 20–32.

Пирвердиев С. Ребенку // Армянский вестник. 1917. № 5. 29 января. С. 11.

Потапова Е.В. «Армянский» VS «грузинский» локальные тексты: к вопросу о генезисе и путях развития // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 4(64). С. 38–54.

Русские писатели об Армении: сборник / сост. С. Арешян, Н. Туманян. Ереван: Армгиз, 1946. 236 с.

Шафранская Э.Ф. Армянский текст: дети Иова // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2022. № 3. С. 511–520.

Шафранская Э.Ф. Армянский текст: стихи и проза // Филологические науки. Медиа. Текст. Редактирование. 2022. № 6. С. 135–143.

Кешфидинов Ш.Р., Шафранская Э.Ф. Армянская кошениль и красный цвет Армении // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 4(64). С. 19–34.

Чубукова Е.В. Жанр послания в творчестве Пушкина-лицеиста // Русская литература. 1984. № 1. С. 198–209.

Шишков А.А. Сочинения и переводы капитана А.А. Шишкова. В 4 т. Т. 3. СПб.: Тип. Императорской Российской академии, 1835. 144 с.

Эткинд А.М. Кривое горе: Память о непогребенных / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.

Bloom H. Poetry, Revisionism, Repression // Critical Inquiry. 1975. Vol. 2, № 2. P. 233–251.

E.V. Potapova
MA in Philology,
Research Intern,
Scientific and Educational Center
«Smolensk Center for Quantitative Philology»,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

The Genre of the Message in the «Armenian Text» of Russian poetry

The article is devoted to the genre of the message within the framework of the «Armenian text» of Russian literature. When working with texts, the author of the study classifies the recipients of messages into fictitious, generalized and real, and then examines each text through the prism of this paradigm. The main motives and plot situations accompanying the messages are highlighted, their connection with the space of Armenia and the self-determination of the lyrical subject in the presented local text, as well as their dynamics depending on the type of addressing. Using the example of the message genre, the «Lermontov line» of a local text is considered. Using the program «Hypertext Search for Companion Words in Poetic Text», the conclusions are confirmed by quantitative data.

Keywords: *message; ode; Armenian text; local text; Caucasian text*.

REFERENCES

Amirkhanian M.D., Pavlova L.V., Romanova I.V. Reconstruction of the «Armenian» Text in the Russian Poetry of the XX Century (Computer Research Experience) [Rekonstruktsiia «armianskogo» teksta v russkoi poezii XX veka (opyt komp'iuternogo issledovaniia)]. *Issues of Smolensk State University.* 2020, No. 2(50). Pp. 5–21 (in Russian).

Artemova S.Iu. Communication in spite of: on the transformation of the genre of lyrical message [Kommunikatsiia vopreki: o transformatsii zhanra liricheskogo poslaniia]. *The New Philological Bulletin.* 2011, No. 1(16). Pp. 87–95 (in Russian).

Artemova S.Iu. The relationship between the ode and the message in the genre system of twentieth-century lyrics [Vzaimosviaz' ody i poslaniia v zhanrovoi sisteme liriki 20 veka]. *Genres in the historical and literary process: Collection of scientific articles.* Saint Petersburg: A.S. Pushkin Leningrad State University, 2013. Pp. 39–51 (in Russian).

Artemova S.Iu. The poetic message genre: living and shifting of genre [Poeticheskoe poslanie: bytovanie i smeshchenie zhanra]. *Issues of Tver State University*. *Series: Philology.* 2008. No. 14. Pp. 164–167 (in Russian).

Akhmatova A.A. Composition of writings. Poems of 1904–1944 [Sobranie sochinenii. Stikhotvoreniia 1904–1944]. Moscow: Ellis Lak, 1998. Vol. 1. 988 p. (in Russian).

Bakhchisaraitsev Kh. To Armenia [Armenii]. *Armenian Bulletin,* No. 41–42, 1917. P. 15 (in Russian).

Bryusov V.Ya. Composition of writings: in 7 volumes [Sobranie sochinenii v 7 tom.]. Moscow: Imaginative literature, Vol. 2, 1973. 494 p. (in Russian).

Bubnova N.V. The project of the dictionary of proper names of the electronic resource «Armenian text of Russian poetry» [Proekt slovarya imyon sobstvennyh elektronnogo resursa «Armyanskij tekst russkoj poezii»]. *Gromov Readings. Vol. IV. Problems of modern regional lexicography: collection of*

materials of the international scientific conference. Kostroma, September 15–16, 2022. Pp. 392–399 (in Russian).

Gasparov M.L. Meter and Meaning [Metr i smysl]. Moscow: Fortuna EL, 2012. 416 p. (in Russian).

Gatov A. [Zakon Tiagoteniia]. Moscow: Art literature, 1936. 136 p. (in Russian).

Gorodetsky S.M. Poems [Stihotvoreniyaipoemy]. Leningrad: Soviet writer, 1974. 638 p. (in Russian).

Dudin M.A. Composition of writings. The Time. Poems of 1963–1986 [Sobranie sochinenii. Vremia. Stikhotvoreniia i poemy 1963–1986]. Moscow: Sovremennik, 1987. 445 p. (in Russian).

Ermolenko S.I. Lermontov's lyrics: genre processes [Lirika M. Iu. Lermontova: zhanrovye protsessy]. Ekaterinburg: UrGPU, 1996. 422 p. (in Russian).

Zvyagintseva V.K. My Armenia. Poems, selected translations [Moya Armeniya. Stihi, izbrannye perevody]. Erevan: Armenian state publ. house, 1964. 166 p. (in Russian).

Zenov I.Z. At the post of separation [Na postu razluk]. Erevan: Sovetakan grokh, 1978. 111 p. (in Russian).

Konoplev V.V. Armenia as a state of mind [Armeniia kak sostoianie dushi]. Available at: https://stihi.ru/2023/02/11/7707 (accessed on April 7, 2024) (in Russian).

Lermontov M.Yu. Composition of writings: in 6 volumes. Poems of 1832–1841. [Sochineniia: v 6 t. Stikhotvoreniia. 1832–1841.]. Moscow; Leningrad, 1954. Vol. 2. 388 p. (in Russian).

Markin A.V. The Friendly message genre in Russian poetry of the 1820s and 1830s and Romanticism [Druzheskoe poslanie v russkoi poezii 1820–1830-kh godov i romantizm]. *Problems of style and genre in Russian literature of the 19–20 century*. Sverdlovsk, 1983. Pp. 18–26 (in Russian).

Matusovskii M.L. Bitterness: a book of poems [Gorech': kniga stikhotvorenii]. Moscow: Soviet writer, 1992. 192 p. (in Russian).

Mednis N.E. Supertexts in Russian literature [Sverhteksty v russkoj literature]. Available at: http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35 (accessed on April 7, 2024) (in Russian).

Do not kill. The Armenian Genocide and Russian Poetry. 1895–1918 [Ne ubii. Genotsid armian i russkaia poeziia. 1895–1918]. Erevan: National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Armenian Genocide Museum-Institute, 1996. 123 p. (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. «Armenian» Text of Russian Poetry (Interpretation of Software Data «Hypertext Search for Companion-words in Author's Texts») [«Armianskii» tekst russkoi poezii (interpretatsiia dannykh programmnogo kompleksa «Gipertekstovyi poisk slov-sputnikov v avtorskikh tekstakh»)]. *The New Philological Bulletin*. 2020. No 4(66). Pp. 212–225 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. «Color» component of the frequency dictionary of the «Armenian text» [«Cvetnaya» sostavlyayushchaya chastotnogo slovarya «armyanskogo teksta»]. *Litera.* 2022. No. 12. Pp. 20–32 (in Russian).

Pirverdiev S. To the child [Rebenku]. *Armenian Bulletin,* No. 5, 1917. P. 12. (in Russian).

Bakhchisaraitsev Kh. To Armenia [Armenii]. *Armenian Bulletin,* No. 41–42, 1917. P. 15 (in Russian).

Potapova E.V. (2023) «Armenian» VS «Georgian» local texts: on the problem of genesis and ways of evolution [«Armianskii» VS «gruzinskii» lokal'nye teksty: k voprosu o genezise i putiakh razvitiia]. *Issues of Smolensk State University*, No. 4(64). Pp. 38–54 (in Russian).

Russian writers about Armenia: Collection [Russkie pisateli ob Armenii: Sbornik]. Erevan: Armengiz, 1946. 236 p. (in Russian).

Shafranskaya E.F. Armenian text: Job's children [Armyanskij tekst: deti Iova]. *Polylinguality and transcultural practices*. 2022, No. 3. Pp. 511–520 (in Russian).

Shafranskaya E.F. Armenian Text: Poetry and Prose [Armyanskij tekst: stihi i proza]. *Philological sciences. Media. Text. Editing*. 2022. No. 6, Pp. 135–143 (in Russian).

Keshfidinov Sh.R., Shafranskaia E. F. (2023) Armenian Cochineal and the Red Color of Armenia in Russian Literature [Armianskaia koshenil' i krasnyi tsvet Armenii]. *Issues of Smolensk State University*, No. 4(64). Pp. 19–34 (in Russian).

Chubukova E.V. (1984) The genre of the Message in the works of Pushkin the Lyceum student [Zhanr poslaniia v tvorchestve Pushkina-litseista]. *Russian Literature*, No. 1. Pp. 198–209 (in Russian).

Shishkov A.A. The writings and translations of Captain A. A. Shishkov: in 4 volumes [Sochineniya i perevody kapitana A.A. SHishkova: v 4 t.]. Saint Peterburg: Printing house of the Imperial Russian Academy, 1835. Vol. 3, 144 p. (in Russian).

Bloom H. Poetry, Revisionism, Repression. Critical Inquiry. Vol. 2, No. 2. Pp. 233–251 (in English).

В.В. Федоренко

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2025-69-1-38-50

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ Е.Н. КЛЕТНОВОЙ: ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ОБРАЗ АВТОРА, ЯЗЫК

Ключевые слова: *Екатерина Клетнова; путевой очерк; литературное путешествие; образ автора; языковая композиция; Осетия; христианство; язычество; «женский вопрос».*

В статье исследованы жанровые особенности цикла путевых очерков Е.Н. Клетновой об Осетии, в который вошли произведения «Лампада горного ущелья», «В горах Осетии» и «По рудной Осетии». Сделан анализ образа автора с точки зрения проекции личности творца и конструирующего текст принципа. Рассмотрены проблематика и идеи, волнующие Е.Н. Клетнову, ее самовосприятие и отношение к «женскому вопросу». Исследовано речевое выражение автора, в частности лексические и стилистические особенности очерков. В качестве текстообразующего концепта описана языковая композиция осетинского цикла, основанная на взаимодействии словесных рядов научного, публицистического и художественного стилей.

На 80–90-е годы XIX века пришелся бум странствий, путешествий и поездок с «корреспондентским билетом», результатом которых стало огромное количество «путевых очерков», «новых экскурсий» и т.п., а в журналах даже появился раздел «Путешествия». Тем не менее исследователи лишь в последние десятилетия активно начинают обращаться к изучению творчества писателей «второго ряда», наряду с писателями-классиками развивавших этот жанр [Скибина, 2014, *90*].

Жанр путешествий актуализировался в 80-е годы XIX столетия при переходе литературы от «классического реализма» к эпохе «модерна», так как оказался «наименее условным способом освоения по-новому увиденной жизни» [Роболи, 1926, *72*]. По мнению некоторых исследователей, в это

время жанр путевого очерка занимает центральное место в журнальной беллетристике, а у писателей «второго ряда» он находится на пике творческих исканий и дает толчок к выработке собственного эстетического зрения [Скибина, 2014, *95*].

Как раз на рубеже XIX и XX веков создает художественные произведения Екатерина Николаевна Клетнова (1869–1938) – переводчица, поэт, драматург, прозаик. Благодаря многочисленным драматическим переводам либретто на высоком профессиональном уровне уже в молодые годы она стала членом Общества драматических писателей и оперных композиторов [Свирская, 2024]. Ее стихи, рассказы, очерки публиковались в различных журналах и газетах: «Светлый луч», «Русская земля», «Дневник писателя», «Русский народный голос», «Светлый путь», «Исторический вестник» и т.д. [Павлова, 2017].

Помимо литературы, Клетнова внесла огромный вклад в развитие культурной, исторической и научной жизни как Смоленского региона, так и страны в целом: «Е.Н. Клетнову отличали широта и разнообразие научных интересов. Она занималась геологией и по материалам изучения местного края написала статью “Полезные ископаемые Смоленской губернии”. В круг ее научных интересов входила этнография. Она собрала большую коллекцию тканей и опубликовала работу “Символика народных украс Смоленского края”. Она собирала произведения устно-поэтического народного творчества, предания об Отечественной войне 1812 года, которые легли в основу ее книги “Отечественная война в преданиях и сказаниях Вяземского уезда”. Археологические раскопки она проводила на Смядыни в Смоленске, в Гнездове, у себя на родине в Вяземском уезде. Результаты изучения верований древних славян она изложила в статье “Остатки змеиного культа в пределах Смоленской губернии”» [Будаев, 2003, *212*].

После отъезда Клетновой в 1924 году в Чехословакию в России ее имя было забыто вплоть до конца XX века. В 1999 году в Вязьме состоялась первая научная конференция о жизни и деятельности Е.Н. Клетновой, положившая начало традиционным Клетновским чтениям. По результатам конференций регулярно издаются сборники статей [Родной Смоленщине, 1999; Е.Н. Клетнова. Неизвестные страницы жизни и деятельности, 2008; Вязьма сквозь войны, 2015; Наш двадцатый век, 2017; Научная и культурная жизнь Смоленщины, 2020].

Знакомство с содержанием сборников материалов Клетновских чтений показывает, что достижения Клетновой-ученого получили широкое признание в научном сообществе, однако еще одна грань ее незаурядной личности – талант литератора – до сих пор освещена недостаточно. Библиография статей о литературном творчестве Клетновой крайне мала: статьи Т.К. Пастернак [Пастернак, 2015; 2016; 2017а; 2017б; 2017в; 2017г], статьи Л.В. Павловой [Павлова, 2017; 2018], две статьи, созданные совместно этими исследовательницами [Павлова, Пастернак, 2016а; 2016б], статья

Е.Н. Агинской [Агинская, 2020]. В последние годы библиография пополнилась нашими работами [Федоренко, 2021; 2023; 2024].

Из всего разнообразного художественного наследия (стихи, рассказы, пьесы) к научной составляющей жизни Е.Н. Клетновой ближе всего ее произведения, написанные в жанре очерка. В самом начале XX века Е.Н. Клетнова вместе с А.А. Ауновским, учеником В.И. Вернадского, совершила путешествие по Северной Осетии, где посещала языческие и христианские святилища, рудообогатительные фабрики, спускалась в шахты, пересекала на лошади и пешком горную местность, общалась с местными жителями и т.д. Главной ее целью являлся сбор коллекции минералов, которая в 1903 году была передана исследователями в Минералогический кабинет Московского университета [Свирская, 2024].

Помимо этого, результатом путешествия стала публикация трех путевых очерков: «Лампада горного ущелья» («Дневник писателя», № 4, 1908) [Клетнова, 1908], «В горах Осетии» («Исторический вестник», № 9, 1910) [Клетнова, 1910], «По рудной Осетии» («Исторический вестник», № 11, 1913) [Клетнова, 1913]. Эти произведения представляют собой описание передвижений автора по Кавказским горам, дополненное заметками об этнографических особенностях края, лирическими отступлениями и размышлениями об истории.

В поле зрения исследователей ранее попадал лишь путевой очерк «Лампада горного ущелья», включенный в контекст развития христианской темы в литературе рубежа XIX–XX веков [Павлова, 2018].

В данной статье впервые рассматривается литературный цикл об Осетии («Лампада горного ущелья», «В горах Осетии» и «По рудной Осетии») как художественное целое.

Целью исследования является изучение жанровых особенностей произведений, а также анализ образа автора как проекции личности творца и как принципа, конструирующего и отдельный текст, и цикл в целом. Для этого последовательно были рассмотрены проблематика и идеи, отраженные в тексте, самовосприятие автора и «женский вопрос», языковое выражение автора, а также языковая композиция как текстообразующий концепт.

Вопрос о жанре. Клетнова целенаправленно выбрала путевой очерк – «гибридный» жанр, в котором художественный вымысел соседствует с документальностью, вплоть до научной достоверности. Писательница обладала одновременно научным мышлением и поэтической душой. Стремление к исторической и этнографической точности проникает во многие ее художественные произведения, и наоборот, в научных трудах встречаются эмоционально-оценочные и художественно-выразительные элементы.

Согласно определению В.М. Гуминского, в литературном путешествии материал освещается согласно художественной и идеологической концепции автора [Гуминский, 1987, *314–315*]. Л.Я. Гинзбург пишет: «Установка на подлинность как структурный принцип произведения <…> делает

документальную литературу документальной, литературой же как явлением искусства ее делает эстетическая организованность» [Гинзбург, 1977, *10*].

Для многих писателей «второго ряда» путевой очерк стал «своеобразной выработкой художественного зрения и манеры письма, поиском новых языковых возможностей» [Скибина, 2014, *95*]. Клетнова не исключение.

«Лампада горного ущелья», «По рудной Осетии» и «В горах Осетии» имеют линейную композицию, однако повествование о перемещениях, описания пути, местности, событий выстраиваются автором прежде всего с целью изложить проблемы культурного, религиозного и исторического характера. Документальность тесно связывается в этих произведениях с творческим мировосприятием, эстетическими целями, ввиду чего мы определяем жанр произведений как путевой очерк или, синонимично, литературное путешествие.

Образ автора. В сравнении с другими литературными путешествиями Клетновой в цикле осетинских путевых очерков наиболее ярко представлен образ автора. В данных текстах поведение автора-повествователя служит прямым выражением идейной позиции создателя художественного произведения. Исследователи утверждают, что в большинстве случаев «автобиографическое повествование подразумевает большое временное расстояние между повествуемым и повествующим “я”» [Шмид, 2003, *53*] и «сопровождается этическим и психологическим разрывом между двумя инстанциями внутреннего мира человека, между поведением и критическим взглядом на его прошлое» [Чепурина, 2022, *104*]. У Клетновой между созданием заметок и публикацией путевых очерков в журналах проходит от пяти до десяти лет, однако описанного выше «разрыва» не наблюдается. Таким образом, в литературном цикле об Осетии повествование ведет собственно автор.

Анализ образа автора и как проекции личности на пространство художественного текста, и как некоего конструирующего произведение принципа [Анциферова, 2010, *79*] максимально плодотворен. В рамках первого подхода выделены несколько направлений: проблематика и идеи текста, языковое, стилистическое исследование образа автора и его самовосприятия.

Проблематика осетинского цикла. В цикле об Осетии Клетнова поднимает целый ряд проблем: проблемы исторической преемственности, сохранения памятников старины и бережного отношения к ним, важности сохранения культуры малых народов, противостояния религиозных парадигм, этнических различий, а также бессмысленного уничтожения природных ресурсов. Прямо или опосредованно в произведениях поднимается и так называемый «женский вопрос».

В центре очерка «Лампада горного ущелья» стоит проблема сохранения христианского наследия в языческо-исламском мире. Клетнова рассуждает о судьбе православных святынь, расположенных на территории противостояния христианства, язычества и магометанства. Она выражает сожаление, что, несмотря на близость идее «о Едином Всемогущем Боге»,

Осетия сохранила единицы христианских храмов, большая часть святых мест была утрачена или обращена в «полуязыческие “Дзуры”». В частности, описываемый автором храм продолжает нести в себе огонек христианской веры. В контексте этого очерка конкретная образная парадигма «храм → лампада», как было установлено в работах предшественников, обретает и обобщенное основание сопоставления «христианство → лампада» [Павлова, 2018, *152*]. Еще одна проблема, затрагиваемая в очерке, – проблема сохранения памяти, корней предков. Она отражается в попытке братьев Церазданов, живших в XII веке, увековечить память пяти великих нартов и изобразить их в нижнем поясе фресковой живописи алтаря. Попутно автор размышляет о проблемах образования, тесно связанных с распространением христианства, подробнее останавливаясь на проблеме обучения девочек: «Хотя Министерство Народного Просвещения и Общество Распространения Христианства на Кавказе имет в Осетии несколько отлично обставленных школ, но их слишком недостаточно для довольно обширного края (ок. 210 кв. миль), тем более, что осетины учатся весьма охотно, даже девочки» [Клетнова, 1908, *10*].

В путевом очерке «В горах Осетии» поднимается проблема развития культуры малых народов в трудных природных и исторических условиях. Название очерка связано с его проблематикой: горная местность обуславливает трудности местных жителей, которые нередко лишены «возможности обрабатывать землю и получать от нее свое пропитание, благосостояние, и, наконец, цивилизацию» [Клетнова, 1910, *1028*]. В то же время географические условия обеспечили многочисленные кавказские племена пастбищами, пригодными для скотоводства, и рудными богатствами, обращающими безлюдные скалы в промышленные центры, но все это зависит от путей сообщения – железных, аробных, пешеходных дорог. Рассказывая об общем для магометан и христиан кладбище, автор вновь касается проблемы сосуществования православия и ислама, а позже описывает языческие гробницы и капища, одаренные мусульманскими подношениями и ассоциирующиеся с христианскими святыми, с Божьей Матерью. Тесно связаны между собой проблема упадка промышленности и проблема расхищения культурных памятников: в обоих случаях, по мнению автора, причиной являются приезжие немцы и бельгийцы. Обвиняя европейцев в вывозе коллекции древностей, автор не скрывает, что и русские не упускают возможности увозить и продавать за границу ценные реликвии [Клетнова, 1910].

Путевой очерк «По рудной Осетии» затрагивает проблемы этнических различий и бессмысленного уничтожения природных ресурсов. Эти проблемы автор тоже связывает между собой, обращая внимание читателя на то, что именно «аккуратные немчики употребляют с пользой» свой досуг и вывозят древние редкости, за что получают на родине награду. Таким об-

разом, Клетнова вновь обращается к проблеме расхищения культурных памятников, как и в предыдущем очерке, и опять касается аспектов «женского вопроса» – положения женщины в обществе, ее раскрепощения и эмансипации [Клетнова, 1913].

Самовосприятие автора. «Женский вопрос». Отдельно стоит отметить особенности автора как части образной системы осетинского цикла. Очевидный автобиографизм позволяет реконструировать образ: это женщина тридцати с лишним лет, дворянка, отправившаяся в компании двух исследователей в путешествие по Северной Осетии, но не просто в качестве наблюдателя красот, а с целью сбора минералогической коллекции, осмотра подножия «величайших кавказских ледников, куда не заглядывают обычные путешественники», горнодобывающих фабрик, обработки руды, аулов, местных древностей, в том числе кладбищ.

Из текста следует, что наравне с мужчинами она останавливается в гостиницах без прислуги для женщин, перемещается верхом, при необходимости пешком пересекает скалистую местность. Она радуется возможности пообщаться с местными жителями и посетить новые места. Все это происходит в самом начале XX века в крайне патриархальном аграрном государстве со слабым экономическим развитием. Тем не менее сама Клетнова не заостряет внимание читателя на данных фактах, не считая всего одного случая.

В очерке «По рудной Осетии» появляется и первая портретная характеристика образа автора – в тот момент, когда описывается общение с местными жителями, у которых «помимо обычного любопытства, проглядывала еще какая-то недомолвка» [Клетнова, 1913, *705*]. Оказалось, что накануне молодой рабочий заявил: «На рудниках появилась “барышня”. Она из Москвы, ездит верхом и “закупает рудники”. У ней две косы, и, кроме того, она в чине урядника...» [Клетнова, 1913, *705*]. Подобные слухи порождены были недоразумением. Местный грузин сшил для путешественницы папаху, «украсил ее тулью крест на крест наложенным золотым галуном, что составляет в здешних местах исключительную принадлежность головного убора “урядников” и вообще военных чинов, состоящих на действительной службе», ввиду чего урухские осетины «почтительно давали дорогу и спешили засвидетельствовать свое уважение к чину прикладыванием руки ко лбу» [Клетнова, 1913, *705*].

Автор комментирует это следующим образом: «Разумеется, этим дивом являлась я, почему и служила предметом такого внимания». Так, подчеркивая, что подобный образ и поведение женщины в здешних местах вызывают «бурную реакцию», как, например, у семьи Карабугаевых из Стурдигура [Клетнова, 1913, *705*], Клетнова снова вводит в повествование «женский вопрос».

Языковая характеристика образа автора. Важный компонент образа автора – своеобразие его языка. Специфика его языковой структуры

определена сплетением сменяющих друг друга словесных рядов – научного, публицистического и художественного, которые взаимодействуют в зависимости от того, к какой части действительности обращается автор: переключаются, накладываются, взаимопроникают.

Автор последовательно пытается быть объективным и беспристрастным и стремится к характерному для научного стиля словесному ряду: обращается к этнографическим и историческим данным, приводит культурологические справки, цитаты исследователей, с документальной точностью фиксирует перемещения.

Так, Клетнова часто использует характерную для описываемой местности лексику [Клетнова, 1908; 1910; 1913]:

– топонимы: Владикавказ, Алагир, Дарг-Кох, Военно-осетинская дорога, по Алагирскому ущелью до Садона, уал-марта, Камень-старуха и т.д.;

– названия предметов и явлений, характерных для кавказской местности: абрек, арба, аробная дорога, аулы, в бурках и бараньих папахах, в своих полосатых хитонах и чалмах на голове, под бешметом и т.д.;

– профессионализмы: штейгер, цехштейн, кверлаг, штольня, бленды и т.д.;

– диалектизмы: ир, ирон, лаваш и т.д.;

– устаревшие слова: ямщики, тарантайка, возница и т.д.;

– просторечия: кляча, тараторили и т.д.

В очерках встречаются подробные описания народного костюма, кухни, обычаев осетинских жителей, природы и рабочих процессов, в частности работы на рудниках. В формате этнографической заметки написана первая часть очерка «В горах Осетии» [Клетнова, 1910, *1028–1031*].

Иногда автор дословно передает надписи, увиденные в дороге: «Подобные сооружения <…> отличаются крайне витиеватыми надписями, например (сохраняю орфографию): // “Покоится прах души бесценной. Под сенью обители святой. Ударит час конец вселенной. И мы увидимся с тобой. Мир праху твоему незабвенный друг Михаил”» [Клетнова, 1910, *1039*]. Также Клетнова передает услышанное предание о Богатырских камнях [Клетнова, 1913, *695*].

Множественность точек зрения – путь к объективности текста. Стремясь создать наиболее полную картину происходящего, подтвердить собственные высказывания, автор вводит в повествование ссылки на этнографические исследования: «“Горы и ущелья привлекательны своими романтическими красотами для культурных людей; народ же, ищущий себе выгодных условий существования, поселяется в них за неимением лучших, более привольных мест, только под давлением необходимости”, – говорит профессор В.Ф. Миллер в своих “Осетинских этюдах”» [Клетнова, 1910, *1028*].

На синтаксическом уровне текст обладает стройной структурой: практически все предложения полные, с прямым порядком слов. Из фигур

речи встречаются лишь ряды однородных членов (с самого утра шел дождь, частый, мелкий, непрерывный; все шатрово, округло, массивно, приземисто), риторическое восклицание («И кого, кого тут только не было!» [Клетнова, 1913, *694*]).

Несмотря на общее стремление к сдержанности и объективности, иногда научно-документальный дискурс по степени образности сближается с художественным, так как в речевую сферу автора включаются лексические средства выразительности, эмоционально окрашенные и субъективные высказывания, что характерно для классического повествования путевого очерка.

Например, автор активно использует лексические средства выразительности – тропы:

– метафоры (море серых туманов),
– развернутые метафоры (Пророчество Лермонтова сбылось…),
– перифраз (лампада живой христианской веры),
– эпитеты (величественные картины природы, убогие каплички, алчущие и жаждущие наживы, среди безбрежного необозримого океана),
– фразеологизмы (водворялось огнем и мечом, не было никакой охоты),
– сравнение (точь-в-точь наш северный осенний дождик, неоднократно воспетый народом в его глубоко поэтических песнях; словно гигантские стоги, были разбросаны лесистые шатровые холмы) [Клетнова, 1908; 1910; 1913].

Помимо этого, путевые очерки об Осетии включают в себя эмоционально окрашенные риторические размышления на историческую тему: «Когда мысленным оком окинешь историю этого племени, занимавшего некогда всю обширную территорию Предкавказья и в течение многих веков вечно теснимого и загоняемого в самые неприступные дебри гор, где каждый стремился среди скал воздвигнуть себе надежное убежище – каменную башню с тайником к ближнему потоку; где каждый аул и теперь еще красноречиво повествует о вечных опасностях, войнах и борьбе, – тот поймет, какой страшный перелом должен совершиться во всей духовной и физической жизни этих людей, когда башни их оказываются совершенно излишними, воинственные стремления и первобытный способ приобретения всего необходимого грабежом и насилием – караются законом!» [Клетнова, 1910, *1043*].

Особенно ярко характеризуют образ автора и формируют идейную сторону произведений эмоционально-оценочные суждения, нередко встречающиеся в текстах осетинского цикла: «Горные осетины очень бедны, у иного нет даже рубашки под бешметом; но бедность эта много зависит от прирожденной лени и вековых традиций, воспитавших в них воинов и абреков, которые досуг свой слишком продолжительный в наши дни, не привыкли употреблять на мирный труд» [Клетнова,1910, *1043*].

Таким образом, одним из основных средств создания образа автора является язык очерков, близкий научному и публицистическому стилю, но с существенным присутствием художественных элементов, эмоциональных высказываний. Движение между описанными словесными рядами позволяет научно-документальной части дискурса не превращаться в безликую хронику и сухой перечень фактов. Благодаря образной и эмоционально-оценочной лексике речь автора динамически развивается, сохраняя при этом информационную плотность [Анциферова, 2010, *79*].

Организующим центром языковой композиции осетинского цикла Клетновой становится автор, ввиду чего формируется определенный спектр словесных рядов. То есть языковое выражение описываемого образа оказывается конструирующим принципом осетинского цикла.

Таким образом, очерки Екатерины Клетновой «Лампада горного ущелья», «В горах Осетии» и «По рудной Осетии» характеризуются единством тематики, проблематики, образа автора и языковой характеристики, что позволяет рассматривать их как литературный цикл. В нем писательница поднимает целый ряд проблем: проблемы противостояния религиозных парадигм, этнических различий, исторической преемственности, сохранения памятников старины и бережного отношения к ним, сохранения культуры малых народов, а также бессмысленного уничтожения природных ресурсов. Прямо или опосредованно в произведениях поднимается и «женский вопрос».

Яркой особенностью образа автора является язык очерков, в котором органично сочетаются научно-документальный и художественный стили. Использование характерной для описываемой местности лексики дополняется точными этнографическими данными: фиксируются особенности народного костюма, кухни, обычаев осетинских жителей, природы и рабочих процессов, в частности работы на рудниках, автор воспроизводит надписи, увиденные в дороге, приводит легенды, цитирует труды этнографов. Приметой научного стиля является также преобладание полных, с прямым порядком слов предложений. С другой стороны, несмотря на общее стремление к сдержанности и объективности, тексты изобилуют стилистическими приметами художественного стиля: активно используются тропы, эмоционально окрашенные риторические размышления на историческую тему, эмоционально-оценочные суждения.

Языковая структура образа автора, ставшая для текстов и всего литературного цикла конструирующим концептом, складывается из взаимодействия научного, публицистического и художественного словесных рядов. Их сплетение позволяет речи автора, подчиненной научно-документальной части дискурса, не превращаться в сухой перечень фактов, динамически развиваться, сохраняя при этом информационную плотность.

ЛИТЕРАТУРА

Агинская Е.Н. Об очерках Е.Н. Клетновой // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. 2020. № 20. С. 256–264.

Анциферова Н.Б. Образ рассказчика как организующее начало языковой композиции целого текста (на материале дневников С. Есина, В. Гусева, Т. Дорониной) // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 1(58). С. 78–83.

Будаев Д.И., Левитин М.Н. Неизвестное об известных. Смоленск: Маджента, 2003. 384 с.

Вязьма сквозь войны: материалы IV Клетновских чтений 26–27 марта 2015 г. Вязьма: Полимир, 2015. 234 с.

Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Худож. лит., 1977. 443 с.

Гуминский В.М. Путешествие // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1987. 750 с.

Клетнова Е.Н. В горах Осетии // Исторический вестник.1910. № 9. С. 1028–1064.

Клетнова Е.Н. Лампада горного ущелья // Дневник писателя. 1908. Апрель. С. 8–11.

Клетнова Е.Н. Литературное наследие. Смоленск: Свиток, 2020. 384 с.

Клетнова Е.Н. Неизвестные страницы жизни и деятельности: материалы международной научно-практической конференции (28–29 мая 2008 г.). Вязьма, 2008. С. 114–122.

Клетнова Е.Н. Ночь на Волге // Светлый луч. 1909. № 7–8 (июль – август). С. 2221–2231.

Клетнова Е.Н. По рудной Осетии // Исторический вестник. 1913. № 11. С. 680–708.

Научная и культурная жизнь Смоленщины и соседних территорий во второй половине XIX – первой четверти XX вв.: материалы VI Клетновских чтений (30 марта 2019 г.). Вязьма: Полимир, 2020. 330 с.

Наш двадцатый век: материалы V Клетновских чтений. Вязьма, 2017. С. 26–47.

Павлова Л.В. Литературное наследие Екатерины Николаевны Клетновой: религиозные сюжеты, темы и образы // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 4(40). С. 24–30.

Павлова Л.В. Христианство и христиане в публицистическом и литературно-художественном творчестве Е.Н. Клетновой // Вестник славянских культур. 2018. № 48 (июнь). С. 151–161.

Павлова Л.В., Пастернак Т.К. Литературное творчество Екатерины Клетновой на страницах журнала «Светлый луч» // Известия Смоленского государственного университета. 2016а. № 4(36). С. 8–17.

Павлова Л.В., Пастернак Т.К. Религиозные воззрения древних славян в пьесе Е.Н. Клетновой «Славный город Смолевец» // Вестник славянских культур. 2016б. № 1(39). С. 105–116.

Пастернак Т.К. Е.Н. Клетнова. Легенды местных крестьян // Живая старина. 2016. № 4. С. 40–44.

Пастернак Т.К. Е.Н. Клетнова: завещания из эмиграции (по материалам ГА РФ и периодических изданий г. Ужгорода) // Смоляне на службе Отечеству. Смоленск, 2017в. С. 198–201.

Пастернак Т.К. Е.Н. Клетнова-литератор: известные и неизвестные факты творческой биографии // Вязьма сквозь войны: материалы IV Клетновских чтений (26–27 марта 2015 г.). Вязьма: Полимир, 2015. С. 34–49.

Пастернак Т.К. Исторические очерки Е.Н. Клетновой до и после 1917 года // Материалы V Клетновских чтений. Вязьма, 2017г. С. 15–19.

Пастернак Т.К. О «неудобных» моментах ранней пьесы Е.Н. Клетновой, исключенных цензором в Петербурге // Смоляне на Службе Отечеству. Смоленск: Свиток, 2017б. С. 196–199.

Пастернак Т.К. Публикации Екатерины Клетновой в «Дневнике писателя» // Русская филология: Ученые записки Смоленского государственного университета. Т. 17. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2017а. С. 153–160.

Роболи Т.А. Литература «путешествий» // Русская проза: сб. ст. Л.: Academia, 1926. 261 с.

Родной Смоленщине – ум, талант, любовь: науч.-краевед. конф. посвящ. археологу и этнографу Е.Н. Клетновой. Вязьма, 1999. 43 с.

Скибина О.М. Путевой очерк: синкретизм жанра (на примере русской публицистики XIX века) // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 4. С. 88–97.

Федоренко В.В. Драматургия Екатерины Клетновой // Е.Н. Клетнова и музейное дело Смоленского края: материалы VII Клетновских чтений (Вязьма – Смоленск, 30–31 марта 2022 г.). Вязьма: Полимир. 2024. С. 8–13.

Федоренко В.В. Поиски идеала в пьесе Е.Н. Клетновой «Славный город Смолевец»: Царь-девица или Любава? // Русская филология: Ученые записки Смоленского государственного университета: межвузовский сборник научных статей. Вып. 21 / отв. ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. С. 89–95.

Федоренко В.В. Фольклорные элементы в поэзии Екатерины Клетновой // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 4(64). С. 64–76.

Чепурина В.В. Вариативность образа рассказчика в речевом исполнительском искусстве // Культурный код. 2022. № 3. С. 100–112.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Касымова О. Культурное наследие имения Кочетово и его владельцев // Мультиурок. 13.09.2024. URL: https://multiurok.ru/files/kul-turnoie-nasliediie-imieniia-kochietovo-i-iegho.html?ysclid=m6q5ujhx4w416387458.

Свирская Е.В. Екатерина Николаевна Клетнова – ученый, профессор СГУ // Страница краеведа. 13.09.2024. URL: http://vyazma.library67.ru/stranica-kraeveda-325/stati/?ysclid=m6q62cpy3k338692826.

V.V. Fedorenko
Postgraduate Student,
Chair of Literature and Journalizm,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Travel Essays by E.N. Kletnova: Genre Features, the Image of the Author, Language

The article examines the genre features of the cycle of travel essays by E.N. Kletnova about Ossetia, which includes the works «Lampada of the mountain gorge», «In the mountains of Ossetia» and «Along ore Ossetia». The author's image is analyzed from the point of view of the projection of the creator's personality and the principle that constructs the text. The problems and ideas of concern to the author, his self-perception and attitude to the «women's issue» are considered. The author's speech expression is studied, in particular the lexical and stylistic features of the essays. The linguistic composition of the Ossetian cycle, based on the interaction of the verbal series of scientific, journalistic and artistic styles, is described as a text-forming concept.

Keywords: *Ekaterina Kletnova; travel essay; literary journey; the image of the author; linguistic composition; Ossetia; Christianity; paganism; «the women's question».*

REFERENCES

Aginskaya E.N. About essays by E. N. Kletnova [Ob ocherkah E.N. Kletnovoj]. *Issues of Smolensk State University,* 2020, No. 20. Pp. 256-264 (in Russian).

Anciferova N.B. The image of the narrator as the organizing principle of the linguistic composition of the whole text (based on the material of the diaries of S. Yesina, V. Guseva, T. Doronina)

[Obraz rasskazchika kak organizuyushhee nachalo yazy`kovoj kompozicii celogo teksta (na materiale dnevnikov S. Esina, V. Guseva, T. Doroninoj)]. *Issues of Chitinsk State University*, 2010, No. 1 (58). Pp. 78–83 (in Russian).

Budaev D. I., Levitin M. N. The unknown about the known [Neizvestnoe ob izvestnyh]. Smolensk: Madzhenta, 2003. 384 p. (in Russian).

Chepurina V.V. Variability of the narrator's image in speech performing arts [Variativnost` obraza rasskazchika v rechevom ispolnitel`skom iskusstve]. *Cultural code*, 2022. No. 3. Pp. 100–112 (in Russian).

Fedorenko V.V. Dramaturgy of Ekaterina Kletnova [Dramaturgiya Ekateriny` Kletnovoj]. E.N. Kletnova i muzejnoe delo Smolenskogo kraya. Materialy` VII Kletnovskix chtenij (Vyaz`ma-Smolensk, 30–32 marta 2022) [E.N. Kletnova and the museum business of the Smolensk Region. Materials of the VII Kletnov readings (Vyazma-Smolensk, March 30–32, 2022)]. Vyaz`ma: Polimir, 2024. Pp. 8–13 (in Russian).

Fedorenko V.V. Folklore elements in the poetry of Ekaterina Kletnova [Fol`klorny`e e`lementy` v poe`zii Ekateriny` Kletnovoj]. *Issues of Smolensk State University*, 2023, No. 4(64). Pp. 64–76 (in Russian).

Fedorenko V.V. The search for the ideal in the play by E.N. Kletnova «The Glorious City of Smolevets»: Tsar Maiden or Lyubava? [Poiski ideala v p`ese E. N. Kletnovoj «Slavnyj gorod Smolevec»: Car`-devica ili Lyubava?]. *Russian Philology: Scientific Notes of Smolensk State University*. Smolensk: Smolensk State University, 2021, Issue 21. Pp. 89–95 (in Russian).

Ginzburg L.Ya. About psychological prose [O psixologicheskoe proze]. Leningrad: Art. literature, 1977. 443 p. (in Russian).

Guminsky V.M. Literary encyclopedic dictionary [Literaturny`j e`nciklopedicheskij slovar`]. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1987. 750 p. (in Russian).

Kletnova E.N. In the mountains of Ossetia [V gorax Osetii]. *Historical bulletin*, 1910, No. 9. Pp. 1028–1064 (in Russian).

Kletnova E.N. Lampada of the mountain gorge [Lampada gornogo ushhel`ya]. *Writer's Diary,* 1908, April. Pp. 8–11 (in Russian).

Kletnova E.N. literary heritage [Kletnova E. N. Literaturnoe nasledie]. T.K. Pasternak. Smolensk: Svitok, 2020, 384 p. (in Russian).

Kletnova E.N. On ore Ossetia [Po rudnoj Osetii]. *Historical bulletin*, 1913, No. 11. Pp. 680–708 (in Russian).

Kletnova E.N. Unknown pages of life and work: Mat. International scientific-practical. conf. May 28–29, 2008 [E. N. Kletnova. Neizvestnye stranicy zhizni i deyatelnosti: Materialy Mezhdunarodnoj nauch.-prakticheskoj konferencii. 28–29 maya, 2008 g.]. Vyazma, 2008. Pp. 114–122 (in Russian).

Nash dvadcatyj vek. Materialy V Kletnovskih chtenij [Our twentieth century. Materials of the V Kletnovsky readings]. Vyazma, 2017. Pp. 26–47 (in Russian).

Nauchnaya i kulturnaya zhizn Smolenshchiny i sosednih territorij vo vtoroj polovine XIX – pervoj chetverti XX vv. Materialy VI Kletnovskih chtenij [Scientific and cultural life of the Smolensk region and adjacent territories of the second rank XIX – first quarter of the 20th century: Materials by V.I. Kletnovsky readings March 30, 2019]. Vyazma: Polimir, 2020, 330 p. (in Russian).

Pasternak T.K. About the «uncomfortable» moments of the early play by E.N. Kletnova, expelled by the censor in St. Petersburg. Smolyane na Sluzhbe Otechestvu [Smolyans in the service of the Fatherland]. Smolensk: Svitok, 2017. Pp. 196–199 (in Russian).

Pasternak T.K. E.N. Kletnova the writer: known and unknown facts of his creative biography [E.N. Kletnova-literator: izvestnye i neizvestnye fakty tvorcheskoj biografii]. Vyazma skvoz` vojny. Materialy IV Kletnovskih chtenij. 26–27 marta 2015 g. [Vyazma through wars: Materials of the IV Kletnov readings on March 26–27, 2015]. Vyazma: Polimir, 2015. Pp. 34–49 (in Russian).

Pasternak T.K. E.N. Kletnova. Legends of local peasants [E.N. Kletnova, Legendy mestnyh krestyan]. *Living antiquity*. Moscow, 2016, No. 4. Pp. 40–44 (in Russian).

Pasternak T.K. E.N. Kletnova: testaments from emigration (based on the materials of the State Archive of the Russian Federation and periodicals of Uzhgorod) [E. N. Kletnova zaveshchaniya iz ehmigracii (po materialam GA RF i periodicheskih izdanij g Uzhgoroda)]. *Smolensk citizens in the service of the Fatherland.* Smolensk, 2017. Pp. 198–201 (in Russian).

Pasternak T.K. Historical essays by E.N. Kletnova before and after 1917 [Istoricheskie ocherki E.N. Kletnovoj do i posle 1917 goda]. Materialy V Kletnovskih chtenij Vyazma [Materials of the V Kletnov readings]. Vyazma, 2017. Pp. 15–18 (in Russian).

Pasternak T.K. Publications of Ekaterina Kletnova in the «Diary of a Writer» [Publikacii Ekateriny Kletnovoj v «Dnevnike pisatelya»]. *Russian Philology: Scientific Notes of Smolensk State University.* Smolensk: Smolensk State University, 2017, Vol.17. Pp. 153–160 (in Russian).

Pavlova L.V. Christianity and Christians in E.N. Kletnova [Hristianstvo i hristiane v publicisticheskom i literaturno hudozhestvennom tvorchestve E.N. Kletnovoj]. *Bulletin of Slavic culture*, 2018, No. 48. Pp. 151–161 (in Russian).

Pavlova L.V. Literary heritage of Ekaterina Nikolaevna Kletnova: religious plots, themes and images [Literaturnoe nasledie Ekateriny Nikolaevny Kletnovoj: religioznye syuzhety, temy i obrazy]. *Issues of Smolensk State University*, 2017, No. 4(40). Pp. 24–30 (in Russian).

Pavlova L.V., Pasternak T.K. Literary creativity of Ekaterina Kletnova on the pages of the magazine «Svetly Luch» [Literaturnoe tvorchestvo Ekateriny Kletnovoj na stranicah zhurnala «Svetlyj luch»]. *Issues of Smolensk State University*, 2016, No. 4(36). Pp. 8–17 (in Russian).

Pavlova L.V., Pasternak T.K. Religious beliefs of the ancient Slavs in the play by E.N. Kletnova «The Glorious City of Smolevets» [Religioznye vozzreniya drevnih slavyan v pese E.N. Kletnovoj «Slavnyj gorod Smolevec»]. *Bulletin of Slavvic culture*, 2016, No. 1 (39). Pp. 105–116 (in Russian).

Roboli T.A. Literature of «travels» [Literatura «puteshestvij»]. *Russian prose: collection of articles*. Leningrad: Academia, 1926. 261 p. (in Russian).

Native Smolensk region – mind, talent, love: Scientific and local historian. conf. dedicated archaeologist and ethnographer E.N. Kletnova [Rodnoj Smolenshchine – um, talant, lyubov`. Nauch.-kraeved. konf. posvyashch. arheologu i ehtnografu E.N. Kletnovoj]. Vyazma, 1999. 44 p. (in Russian).

Schmid V. Narratology [Narratologiya]. Moscow: Languages of Slavic culture, 2003. 312 p. (in Russian).

Skibina O.M. Travel essay: syncretism of the genre (on the example of Russian journalism of the XIX century) [Putevoj ocherk: sinkretizm zhanra (na primere russkoj publicistiki XIX veka)]. *Questions of the theory and practice of journalism.* 2014, No. 4. Pp. 88–97 (in Russian).

Vyazma through wars: Proceedings of the IV Kletnov Readings. March 26–27, 2015 [Vyazma skvoz vojny: Materialy IV Kletnovskih chtenij. 26–27 marta 2015 g.]. Vyazma: Polimir, 2015, 234 p. (in Russian).

Svirskaya E.V. Ekaterina Nikolaevna Kletnova – scientist, Professor at SSU [Ekaterina Nikolaevna Kletnova – uchyony`j, professor SGU]. Available at: http://vyazma.library67.ru/stranica-kraeveda-325/stati/-ekaterina-nikolaevna-kletnova-uchenyj-professor-sgu-/?ysclid=m0peysmezc193844979 (accessed on September 13, 2024) (in Russian).

Kasymova O. The cultural heritage of the Kochetovo estate and its owners [Kul`turnoe nasledie imeniya Kochetovo i ego vladel`cev]. Available at: https://multiurok.ru/files/kul-turnoie-nasliediie-imieniia-kochietovo-i-iegho.html?ysclid=m0o4lq5gor816003597 (accessed on September 13, 2024) (in Russian).

И.Г. Суханова

Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия

УДК 811.111-26

DOI 10.35785/2072-9464-2025-69-1-51-64

ЭКФРАСИС КАК МЕХАНИЗМ СОЗДАНИЯ ДИАЛОГА АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ В ИНТЕРМЕДИАЛЬНОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: *Брейгель; интермедиальность; интермедиальные референции; Майкл Фрейн; текст; экфрасис*.

Статья посвящена роли экфрасиса в построении диалога читателя и автора литературного художественного текста. Интермедиальный подход к анализу оригинального текста романа современного британского писателя Майкла Фрейна «Одержимый» позволяет определить механизм диалога, который основывается на таких элементах, как обращение к читателю и совместное погружение в мир изобразительного искусства посредством экфрасиса. В процессе повествования автор заставляет читателя смотреть на окружающий мир глазами художника. Аллюзии на известные произведения изобразительного искусства, экфрасисы картин фламандского художника Питера Брейгеля Старшего становятся неотъемлемой частью повествования. В экфрасисах автора особое место уделяется композиции картины, сюжетным центром которой являются долина, река или море на фоне гор, простые сельские жители, которые занимаются своими повседневными делами и не обращают внимания на происходящее. Нарратор рассказывает свою историю, как будто пишет картину, уделяя особое внимание цветоименованиям, а события и чувства героев описываются с использованием языковых средств, свойственных экфрасису. Применение интермедиального подхода к анализу текста является актуальным и позволяет сделать вывод, что экфрасис в указанном романе есть тексто- и смыслообразующий элемент и основа механизма диалога читателя и автора. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности в области интермедиального анализа текста и для осуществления преподавательской деятельности по формированию читательской грамотности студентов, изучающих английский язык на высоком профессиональном уровне.

Оригинальный текст литературного произведения – синтез авторского я, его культурных кодов, принципов и понимания окружающего мира. Это также послание к читателю, без которого ни один текст не будет цельным и значимым. Известно, что между читателем и текстом складываются отношения, основанные на понимании или непонимании. По мнению

Ю.М. Лотмана, понимание может быть полным при условии единства авторской системы кодирования смыслов и аналогичных кодов читателя, что, прежде всего, обусловлено единством языка, а следовательно, общностью культурной традиции читателя и автора. Стремление максимально донести смысл текста обусловливает формирование диалога автора и читателя. Читатель вслед за автором вносит в текст, а точнее в понимание этого текста, свою личность, культурную память, систему декодирования смыслов, культурные и личностные ассоциации [Лотман, 1996, *194*]. Это оказывается особенно важным для читателя – носителя другого языка и культуры. Восприятие интермедиального текста на языке оригинала заставляет читателя обнаружить не только взаимовлияние разных типов медиа внутри одного художественного повествования, но и взаимодействие культурных кодов автора и своей национальной культуры [Майзенгер, Суханова, 2024, *41*].

Роман известного британского автора Майкла Фрейна «Одержимый» представляет собой пример интермедиального текста, хронология повествования в котором постоянно нарушается вербальными описаниями произведений изобразительного искусства, документальным экскурсом в эпоху творчества художника, ссылками на научные исследования искусствоведческих проблем и авторскими рефлексиями. В итоге диалог автора с читателем выстраивается посредством сложной интермедиальной композиции романа и нарастающего динамизма повествования. Художественный текст позволяет соединить различные медиа: вербальные, визуальные, аудиальные и др., которые образуют сложную многоуровневую семиотическую структуру [Ильгова, 2022, *68*]. Лингвистический анализ художественного текста позволяет объяснить взаимную интермедиальную ориентированность литературы и живописи, музыки, кино или другого типа текста [Кайда, 2019, *43*].

Цель данного исследования – выявить динамику развития диалога читателя и автора посредством включения экфрасиса в текст литературного художественного произведения. Интерпретация оригинального текста романа позволяет решить следующие задачи: провести интермедиальный анализ романа Майкла Фрейна «Одержимый»; описать механизм создания интермедиального диалога читателя и автора. Применение композиционного анализа романа, интермедиального и контекстного анализа текста, метода декодирования смыслов позволяет увидеть лингвистический подтекст произведения.

Вербальная репрезентация визуальных объектов, то есть создание представления о предмете искусства на основании его словесного описания, зачастую становится интересным стилистическим приемом многих художественных произведений. «Каждый текст встроен в контекст и синхронически и диахронически связан со многими другими текстами» [Методы анализа текста и дискурса, 2017, *43*]. Интерпретация художественного литературного произведения, вдохновением для создания которого послужило произведение изобразительного искусства, позволяет изучить такие

медиа, как вербальный художественный текст и визуальный текст произведения искусства. Интермедиальный подход к анализу художественного текста дает возможность проследить взаимодействие этих медиа внутри вербального текста, взаимодействие автора и читателя, которые воспринимают одни и те же тексты с разных сторон, оценить, насколько тексты разного порядка могут становиться частью вербального пространства.

Одним из способов выражения интермедиальных отнощений является экфрасис. Экфрасис имеет метатекстовую природу и трактуется как «сочетание визуального и вербального моментов в литературном произведении» [Кибальник, 2013, *484*]; литературное описание визуального объекта, произведения искусства (картины, фотографии) [Константини, 2013, *29*]; текст, вызывающий визуализацию изображения [Słodczyk, 2018, *121*]. Основная функция экфрасиса – обеспечить читателю процесс ментальной визуализации, то есть видеть «глазами сознания» то, что существует за рамками непосредственного текста, но без чего невозможно восприятие и понимание данного текста. Экфрасис представляется как текст о тексте, образ образа, это «ментальная картина в акте чтения». Вербализуясь, экфрасис создает картину, которую мы воображаем, используя ментальный канал восприятия [Бразговская, 2020, *65*].

В соответствии с классификацией И. Раевски экфрасис представляет собой такую разновидность интермедиальных отношений, как интермедиальные референции (*intermedial references*), то есть отсылки в литературном тексте к другим видам искусства и конкретным произведениям. Экфрасис как смыслообразующая стратегия способствует глубокому и точному пониманию литературного художественного текста в целом [Rajewsky, 2005, *52*], а как «риторико-нарратологический прием задержания действия», отступление, живое изображение произведения изобразительного искусства, вплетенное в художественный нарратив, способствует смешению и проницаемости категорий разного порядка [Геллер, 2013, *45–46*].

Тексты произведений изобразительного искусства и литературного творчества имеют много общего. Основными свойствами этих видов текста признаются выраженность, отграниченность и структурность. Отграниченность становится существенным свойством художественного текста [Лотман, 1998, *68*]. Так, самым трудным в понимании сообщения, отграниченного рамой картины художника, оказывается интерпретация множества деталей, их композиции и комбинаторики, актуализированных смыслов и их символизма. Чтобы синтезировать эти детали в целостный образ, необходимо на них сфокусироваться. При чтении художественной литературы читателю так же сложно внимательно читать произведение, концентрируясь на языковом оформлении текста, вариации значений слов и их сочетаний с другими лексемами в контексте [Кубрякова, 2012, *188*]. Попадая в «бурную стихию художественного текста», языковые средства обретают особые эстетические функции

и складываются в единую образную систему [Шанский, 2022, *5*]. Более того, ритм и структура произведения, символы, образы и метафоры, которые автор стремится отобразить посредством аллюзий к другим литературным и художественным произведениям, исторические и политические события, на фоне которых разворачивается повествование, а также жизненный опыт читателя становятся абсолютно необходимыми критериями для глубокого понимания литературного произведения [Hewitt, 2008, *15*]. Интерпретация физического мира, предложенная автором художественного произведения, представляет собой преломление его внешних особенностей сквозь внутреннюю призму самого автора, сознание персонажа, состояние современника – потенциального реципиента [Чернейко, 2002, *453*]. Релевантность фоновой информации, влияющей на общий смысл произведения, способность автора акцентировать внимание на наиболее существенных данных, проливающих свет на сюжет повествования, умение читателя полно и точно воспринимать эстетическое, эмоциональное, языковое богатство художественного текста – необходимые условия для понимания текста. Только с учетом всех этих условий понимание текста становится знанием, стабильным и определенным [Lakoff, 1990, *300*; Арнольд, 2019, *129*].

Текст романа Майкла Фрейна «Одержимый», как и, например, «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда, напоминает произведение живописного искусства, когда изобразительность становится основной чертой произведения [Тишунина, 1998, *141*]. Композиция романа – это смешение семиотических кодов разных видов искусства. Автор вовлекает читателя в сложную структуру текста и заставляет его стать не только созерцателем произведений искусства, но и активным участником творческого процесса, в результате которого «возникает» ранее неизвестное произведение великого художника. Авторская экспозиция сюжета с первых строк предлагает читателю поучаствовать в приключениях героя и его охоте за картиной, обнаружение которой взорвет искусствоведческое сообщество: *Many of the world's great treasures are known to have been lost over the centuries. I believe I may have found one of them* [Frayn, 1999, *1*].

Так начинается диалог читателя и автора, в котором переплетаются современность, Средневековье, вымысел и достоверность, вербальное и невербальное. На протяжении всего текста автор как будто разговаривает со своим читателем, задает ему вопросы, отвечает на воображаемые вопросы: *Early spring, yes* [Frayn, 1999, *1*]. Это уже начало приключения. Сложный, затекстовый смысл простой фразы зачина автора становится понятен много позже, когда мы читаем и понимаем, что сюжет утраченной картины из серии «Времена года» посвящен весенним месяцам. Далее в первом экфрасисе проявляются особенности механизма построения диалога автора и читателя: *What is that detail? The first one I see? I don't know*. И дальше читатель вместе с автором сканирует изображение, обращая внимание на состояние картины, ее размер, композицию, сюжет, цветопередачу. Автор предлагает

читателю посмотреть на эту картину вместе с ним: *Here's what I see through the grimy pane of time*. И дальше автор ведет своего читателя, предлагая ему необходимый алгоритм восприятия: *I am looking down from wooden hills into a valley <…> past a village <…> Running along the lefthand side of the village are mountains <…> It's spring <…> The colours change <…> The season seems to shift from April into May <…> a group of clumsy figures <…> a herd is being moved up the familiar muddy scars <…> the blue sea and the blue sky above it* [Frayn, 1999, *42–44*]. Читатель как будто вспоминает что-то знакомое, известный, но ускользающий образ. Автор пока не называет имя вероятного создателя, давая возможность читателю вспомнить его.

По мере повествования автор постепенно погружает читателя в мир изобразительного искусства. Короткие интермедиальные референции на всем известные шедевры задают направление дальнейшему ходу событий: *one faintly smiling Tuscun woman, one amused Dutchman, a vase of Povençal sunflowers, a couple tenderly embraced in a marble kiss* [Frayn, 1999, *57*]. Подобные имплицитные дескрипции убеждают читателя в том, что великие произведения не исчезают в потоке событий и времени, а возрождаются и возникают «всякий раз на новом этапе, уточняясь, углубляясь, как резцовая гравюра, давая все более глубокую линию, все более яркий свет» [Волкова, 2020, *203*]. В этом проявляется сила настоящего искусства, и вот уже мы видим «Мону Лизу» Леонардо да Винчи, «Улыбающегося кавалера» Франса Хальса, «Подсолнухи» Винсента Ван Гога, «Поцелуй» Огюста Родена. Читатель как будто рассматривает картины и скульптуры в музее или каталоге. Ему не навязывается мнение автора, в этом нет необходимости.

Постепенно экфрасисы становятся неотъемлемой частью «расследования», в которое автор вовлекает своего читателя. Читателю необходимо не просто визуализировать великие произведения средневекового художника, но и увидеть основные фрагменты, которые связывают указанные картины в серию. Упоминание музеев, галерей, аукционов, библиотек и имен реальных художников создает эффект семиотической достоверности сказанного, достоверности референтов экфрасиса, что является следствием когнитивно-семиотического механизма чтения [Бразговская, 2020, *67*].

Так как сюжет романа «Одержимый» разворачивается вокруг произведений нидерландского (фламандского) художника Питера Брейгеля Старшего (1525–1569), который жил и творил в одно время с такими гениями, как Леонардо, Босх и Дюрер, читателю предлагается погрузиться в эпоху позднего Возрождения – эпоху воплощения исторического мышления в искусстве. Произведения Брейгеля глубоко символичны, его картины нужно не смотреть, а читать [Волкова, 2020, *220*]. Вместе с автором мы читаем эти картины и понимаем, что мир Брейгеля – многомерный мир, включающий

множество пластов, от космического уровня до мира повседневности и ситуаций непосредственного взаимодействия людей, жизни «здесь-и-сейчас» [Гришина, 2019, *18*].

И вот мы видим шедевры Брейгеля. Диалог автора с читателем выходит на новый уровень. Посредством экфрасисов пяти произведений из серии «Времена года» читатель видит то, что автор считает наиболее важным. Автор направляет читателя, «ставит свет», помещая картину в нужный ракурс, создает эффект присутствия: *The original hangs at eye-level and above, nearly four feet high and five feet across, the size of a window, so that you're looking out into a complete world beyond the wall. You're drawn out of yourself, out of the warm and comfortable world you inhabit <…> You're enfolded in the great stillness <…> And it has a context* [Frayn, 1999, *59*]. Автор постоянно обращается к читателю, заставляя его «двигаться» (*turn your head, now turn back, if you turn over once again*), локализует его перед картиной (*you're in a room, to your left, in front of you, in front of us*). Использование личного местоимения *we / us* заставляет читателя почувствовать сопричастность: *as the title tells us, the peasants in front of us, at the foot of the hill we are on*. Автор таким образом включает своего читателя в процесс созерцания произведений искусства, интерпретацию смыслов, в них закодированных.

Анализ экфрасисов пейзажей из серии «Времена года» позволяет выделить основные элементы композиции. Перед нами всегда предстает долина (*river valley*) в разные времена года, но примерно в одном и том же месте (*in the same part of the world*). Мы видим основной сюжет картины с высоты (s*een from the high ground above it, seen from the above, the hillside beneath them*); вдалеке – живописные горы (*lined with mountain crags, sheer rockfalls, precipitous cliffs*); кто-то идет вниз, как правило, спиной к нам (*is going down the hillside*); на разных пейзажах это могут быть разные герои (*hunters, herdsmen, peasants*). Подобную композицию мы обнаруживаем, например, в описании Мартином своего состояния: *There's also a travailler here – me, coming down from the winter air in the high passes, heading for the soft lands of summer, where the ship's waiting to weigh anchor and set sail for Jerusalem* [Frayn, 1999, *182*]. Такое взаимодействие двух видов медиа становится наиболее очевидным к концу романа, когда читатель полностью погружен в два мира (реальный и воображаемый), два канала восприятия (вербальный и визуальный), два медиа (художественный текст и произведение изобразительного искусства).

Картины Питера Брейгеля Старшего, как исследователя массового человеческого сознания, являются отображением современного ему мира, но и сегодня культурные коды и посылы его творчества остаются актуальными. В своих произведениях этот великий художник сумел передать малейшие детали, отразить вес предметов, повторение времени и тем самым сделать утверждение, что природа равнодушна и будет сиять красотой вечно, а человечество

обречено, слепые останутся слепыми. Гармония Брейгеля – гармония недостижимого, он не может исправить мир, далекий от идеала, и это его глубоко печалит. «Брейгель творит контраст невыразимо прекрасного мира и грубого человека, чтобы пробудить дремлющих современников», что представляется ему практически невозможным, и лейтмотивом в его интерпретации современного мира прослеживается безысходность [Косполова, 2015, *66*]. Это еще один элемент механизма построения диалога с читателем – погружение героя и его окружения в ситуации, закодированные в произведениях Брейгеля. Символизм в произведениях литературного творчества соединяет описание событий и скрытые философские умозаключения [Mullan, 2008, *295*]. Майкл Фрейн заставляет читателя маневрировать между смыслами разных видов медиа: литературного художественного текста и текста произведений изобразительного искусства. Как и некоторые герои картин Брейгеля, главные герои романа слепы и не видят истинной красоты, не понимают скрытых смыслов, сами загоняют себя в тупик и не находят выхода. Конец истории – утрата произведения, возможно, руки Питера Брейгеля Старшего – еще раз подчеркивает бессмысленность их действий и безысходность их бытия. Автор романа буквально повторяет идею Брейгеля о том, что для нашего «перевернутого» мира характерно человеческое отчуждение, в котором исчезли милосердие и сострадание к ближнему, а приоритетными стали материальные интересы [Волкова, 2020, *237*]. Посыл обоих произведений заключается в том, что Мир незыблем, он прекрасен, Бог создал его великолепным, а зло исходит от человека. Это люди умудряются прекрасный мир превратить в ад абсурда на земле.

Следующим необходимым элементом диалога автора и читателя становится экскурс в средневековую Европу, исторические события эпохи Питера Брейгеля Старшего. Воспроизводя соответствующую атмосферу, автор использует созданные художником образы для отображения действий и мыслей своих героев. Так, например, цитируя известного искусствоведа А. Мотли, Мартин, главный герой романа, подчеркивает ключевые эмоции людей эпохи Брейгеля: *The uneasiness, the terror, the wrath of the people seemed rapidly culminating to a crisis* [Frayn, 1999, *339*]. Далее по тексту автор использует те же лексические единицы в одном из экфрасисов: *Faster and faster flows the river. The uneasiness, the terror, the wrath culminate to a crisis. Then all at once the current dies away in the flat calm of the millpool* [Frayn, 1999, *365*]. Это активное движение стихает, но только на время, и все начинается снова: *The river lies motionless in the millpool. Then on it plunges again, into the race* [Frayn, 1999, *369*].

Начиная рассказ о своем приключении, Мартин также использует три ключевых слова: *So it's there <...> that I first set eyes on it. On my fate. On my triumph and torment and downfall* [Frayn, 1999, *41*]. В этих трех словах (*triumph, torment, downfall*) можно описать его историю. Как и герои Брейгеля, Мартин испытывает беспокойство: *I didn't prefer open warfare* [Frayn, 1999, *212*], он не

может остановиться: *And I start all over again* [Frayn, 1999, *216*]. Глубокое чувство безысходности и одиночества заставляет его отождествлять себя с персонажем картины, что подчеркивает связь его видения мира и восприятия художника: *Like the little walker, I'll plod on alone* [Frayn, 1999, *224*]. Но, погружаясь в пучину событий, – *the steering wheel spins through my hands and the universe bounces wildly around me* [Frayn, 1999, *284*] – он, как Икар с картины Брейгеля «Падение Икара», заканчивает свое бессмысленное путешествие (*my pointless odyssey*) [Frayn, 1999, *374*] и исчезает: *Man, trees, mountains, sky – they've all vanished into the blackness for ever* [Frayn, 1999, *388*]. Разница между ним и Икаром только в том, что он остается жив, но доволен ли он этим? Его ужас переходит в гнев, когда он осознает безысходность и бессмысленность своих действий: *It was the anguish of the doubt that could never be resolved, of an endless shifting back and forth between light and darkness* [Frayn, 1999, *393*]. И снова мы видим взаимопроникновение двух видов текста. Визуальный текст произведения искусства задает направление литературному художественному тексту.

Такое воздействие визуального текста прослеживается на протяжении всего повествования. Питер Брейгель Старший на своих картинах глубоко религиозного смысла изображал простых людей, своих современников, за что его и прозвали «Мужицким». Его герои, казалось, занимались обычными, повседневными делами. Майкл Фрейн также разворачивает действие своего романа на фоне деревенской жизни, к которой очень хотят приобщиться городские жители в поисках умиротворения. Погружение в этот другой мир происходит постепенно: *We are on our way to the country <...> It's all a bit neat and organized still <...> the wrong sort of houses <...> the people don't look right <...> they (organic vegetables) haven't smelt of earth or dung or mouldy turnips. They've smelt of nothing at all, just like us and the people we know in London* [Frayn, 1999, *5–6*]. Все, что видят и чувствуют герои, не соответствует их восприятию деревенского стиля. Только после очередного поворота начинает проявляться существующий в их сознании образ «настоящей деревни»: *a little forgotten fold of the landscape <...> mud and shit under the tyres where a herd of live cows goes regularly back and forth between meadow and milking shed <...> a scattering of bricks and broken tiles <...> a crop of nettles <...> Rusty corrugated iron flaps loose on ramshackle empty structures abandoned in the corners of tussocky fields <...> gates lean at drunken angles on broken hinges, secured with rusty barbed wire* [Frayn, 1999, *6*]. И завершением образа становится итог, отражающий полное удовлетворение увиденным: *this is the real stuff all right* [Frayn, 1999, *6*]. Стоит отметить, что, как и на картинах Брейгеля, образ деревни, созданный автором романа, далек от приукрашенного, «открыточного» образа: *naively romantic view of the countryside* [Frayn, 1999, *29*]. Скорее наоборот, все слишком реалистично.

Майкл Фрейн и Питер Брейгель Старший помещают современных им людей разных сословий, уровня жизни и образования в ситуацию вне

времени – искушение соблазнами, неверие и, как результат, потеря души. Так, другой главный герой Тони Керт (*Tony Churt*), владелец прекрасной, нетронутой земли, строит планы создания спортивной трассы для автомобильных гонок, которая навсегда нарушит мир, покой и красоту загородной жизни. Обладая огромным наследством и получив в собственность картины великих художников, он не может их оценить по достоинству. Он не видит и не понимает той ценности, морали и смысла, которые они призваны нести. В попытках продать их подороже, избежать налогов, обмануть свою семью он теряет и то материальное, что имеет. Что касается духовного, то ему не под силу увидеть истинное предназначение предметов искусства – слепые останутся слепыми.

Еще одной особенностью диалога автора и читателя становится его погружение в мир изобразительного искусства. Читатель, прочувствовав на себе атмосферу Средневековья, визуализирует современное ему окружение с точки зрения художника, который замечает и фиксирует малейшие детали, отображающие действительность. Главный герой словно пишет картину, которую созерцает читатель [Hewitt, 2006, *11*]. Подробные описания одежды, внешнего вида и образа жизни героев подчеркивают их контраст с городскими жителями. Как художник, в арсенале которого есть только краски, автор пишет портрет героя, уделяя особое внимание цвету. Разные оттенки коричневого ассоциируются с образом деревенского жителя, крестьянина с полотен Брейгеля: *brown*, *a festive shade of burnt ochre*, *yellow-brown ochres*, *burnt sienna* и др. Эти цвета доминируют в описаниях Тони, которого автор в итоге называет *old brown Tony* или *Brown*. То есть для полноты восприятия образа достаточно упоминания одного цвета. Избыток этого цвета заслоняет другие и превращает даже еду и напитки в нечто коричневое, старое, потрепанное: *They taste worn. They taste brown* [Frayn, 1999, *19*]. Тот же цветовой образ используется в описаниях изношенных вещей, протертых, замшелых ковров, что переносится и на человеческие качества местных жителей [Dzichkouskaia, 2010, *37*]. Брат Тони – успешный бизнесмен – уже не соответствует этому образу, и для него автор выбирает другие цвета: *new blue Tony*, *Blue* [Frayn, 1999, *275–278*]. Брейгель, как и главный герой романа Мартин, смотрит на сельскую жизнь с позиции горожанина. Коричневый цвет на картинах художника ассоциируется с увяданием природы, что символизирует увядание души [Балашова, Майорова, 2022, *50*]. Использование цветоименований, называющих краски художника (*ochre*, *burnt sienna*), также отражает влияние текста произведения изобразительного искусства на литературный художественный текст. В финале романа, трагическом для Мартина, автор снова обращается к арсеналу художника и с помощью цветов визуализирует происходящее: *A* ***yellow*** *veil's drawn smoothly down from the top of the picture, over the* ***mountain blue*** *and the* ***tender green****. The* ***yellow*** *veil's closely followed by a* ***brown*** *one, and then a* ***black*** *one* [Frayn, 1999, *388*].

Образы, созданные Брейгелем и отраженные в экфрасисах Фрейна, визуализируют чувства героев. Так, Мартин не может найти взаимопонимания со своей женой. Он чувствует ее превосходство, ее победу в их профессиональном споре об искусстве. Это неприятное чувство малозначительности автор сравнивает с детскими качелями: *It's as if the table were a seesaw, and Kate were rising above me, right and victorious, and I were sinking, defeated and wrong* [Frayn, 1999, *213*]. Как на качелях, еще мгновение назад Мартин был на высоте, выше других, но Кейт победила. И, как Икар, он тонет (*sinking*) в пучине неверия. Эта аллюзия на тонущего Икара возникает во многих описаниях состояния Мартина: *What I feel like isn't Paris or Dicky – it's the man in my picture in the boot who's falling helpless into the water. Falling, falling, into the depth, where the waters will close above him for ever* [Frayn, 1999, *371*]. Подобные интермедиальные референции становятся основой диалога читателя и автора в романе Майкла Фрейна «Одержимый».

Проведенный интермедиальный анализ текста романа позволил определить механизм развития диалога читателя и автора, который в первую очередь осуществляется с помощью экфрасиса. Посредством использования интермедиальных референций автору удается объединить культурные коды и ценности современного мира и средневекового общества. Вымысел и достоверность повествования отражаются в использовании композиционных особенностей экфрасисов известных картин при описании чувств и поступков героев. Диалог автора с читателем начинается с прямого к нему обращения посредством вопросов и личного местоимения *you.* Для погружения читателя в атмосферу произведения изобразительного искусства автор приглашает его к совместному действию при помощи личного местоимения *we*. Совместное восприятие визуальных образов, описанных в экфрасисах, абсолютно необходимо для автора, поэтому читатель локализуется перед картиной при помощи предлогов места. И далее по аналогии с процессом создания картины художником автор использует цветоименования в описаниях героев и событий. Краски картины и цветоименования в повествовании отображают схожие смыслы, а использование композиции экфрасиса в описании чувств и поступков героев естественным образом отражает взаимодействие двух видов медиа: литературного художественного текста и текста произведения изобразительного искусства. Композиционный анализ романа и контекстный анализ текста позволяют заключить, что экфрасис становится тексто- и смыслообразующим элементом композиции романа Майкла Фрейна «Одержимый», декодирование смыслов и культурных кодов, отмеченных в экфрасисах романа, позволяет увидеть лингвистический подтекст всего литературного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. М.: ФЛИНТА, 2019. 448 с.

Балашова Е.А., Майорова А.В. Яблоко как объект и субъект изображения (к вопросу об изучении явления в поэтической речи) // Известия Смоленского университета. 2022. № 4(60). С. 46–54.

Бразговская Е.Е. Экфрасис как семиотический эксперимент // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 52–72.

Волкова П.Д. От Босха до Брейгеля. Корабль дураков. М.: Изд-во АСТ, 2020. 272 с.

Геллер Л. Экфрасис, или Обнажение приема. Несколько вопросов и тезис // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: Очерки визуальности: сборник статей. М.: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2013. С. 44–60.

Гришина Н.В. Эссе о Брейгеле: взгляд экзистенциального психолога // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2019. № 4. С. 14–23.

Ильгова Д.А. Визуальная поэзия в контексте интермедиальности. М.: ФЛИНТА, 2022. 164 с.

Кайда Л.Г. Интермедиальность – филологический континент. Вольтова дуга авторского подтекста. М.: Флинта, 2019. 112 с.

Кибальник С. Визуальная образность в «Петербургских ночах» Конст. Вагинова // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: Очерки визуальности: сборник статей. М.: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2013. С. 484–494.

Константини М. Экфрасис: понятие литературного анализа или бессодержательный термин? // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: Очерки визуальности: сборник статей. М.: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2013. С. 29–34.

Косполова Н.Е. Эстетическая категория в творчестве Питера Брейгеля старшего // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2015. № 3. С. 59–69.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб, 1998. 704 с.

Майзенгер Н.В., Суханова И.Г. Современные подходы к обучению чтению оригинального художественного текста // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2024. № 1(58). С. 39–45.

Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер [и др.]. Харьков: Гуманитарный Центр, 2017. 356 с.

Тишунина Н.В. Западноевропейский символизм и проблема взаимодействия искусств: опыт интермедиального анализа. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. 160 с.

Шанский Н.М. Лингвистический анализ художественного текста. М.: ФЛИНТА, 2022. 416 с.

Чернейко Л.О. Смысловая структура художественного текста и принципы ее моделирования // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сборник статей, посвященный юбилею Г.А. Золотовой. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 449–461.

Dzichkouskaia N. Types of Ecphrastic Descriptions in Headlong // Footpath: A Journal of Contemporary British Literature in Russian Universities. 2010. No. 4. P. 33–39.

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1990. 632 p.

Mullan J. How Novels Work. New York: Oxford University Press, 2008. 346 p.
Frayn M. Headlong. London: Faber and Faber, 1999. 395 p.
Hewitt K. Headlong by Michael Frayn: A Commentary on the Novel. Perm, 2006. 70 p.
Hewitt K. Understanding English Literature. Oxford: Perspective Publications Ltd, 2008. 275 p.
Rajewsky I.O. Intermediality, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality // Intermédialités. 2005. № 6. P. 43–64.
Słodczyk R. Modes of Emphrasis: Simone Martini's Fresco of the Commander of the Sienese Troops as Seen by Zbigniew Herbert and Gustaw Herling-Grudziński // Word and Image in Translation. 2018. P. 120–139.

I.G. Sukhanova
PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Chair of English,
Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russia

Ekphrasis as a Mechanism for Creating a Dialogue between the Author and the Reader in an Intermedial Text

The article is devoted to the role of ekphrasis in building a dialogue between the reader and the author of a literary text. The intermedial approach to the analysis of the original text of the novel «Headlong» written by a modern British writer Michael Frayn allows us to determine the mechanism of the dialogue, which is based on such elements as addressing the reader and joint immersion in the world of fine art through ekphrasis. Narrating the story the author forces the reader to look at the world around through the eyes of an artist. Allusions to famous works of fine art, ekphrases of the paintings created by Pieter Bruegel the Elder, a Flemish artist, become an integral part of the narrative. The author's ekphrases focus on the composition of the picture, the plot center of which is a valley, river or sea against the backdrop of mountains. They also show simple villagers who go about their daily affairs and do not pay attention to what is happening. The narrator tells his story as if he were painting a picture, paying special attention to colour names. The events and the characters' feelings are described with the help of language means characteristic of ekphrasis. The use of the intermedial approach to text analysis is relevant and allows us to conclude that ekphrasis in this novel is a text-forming and meaning-forming element. It appears to be the basic mechanism for creating a dialogue between the reader and the author. The results of the study can be used in research activities in the field of intermedial text analysis and for teaching activities to develop reading literacy of English students whose language level is Advanced or Proficiency.

Keywords: *Bruegel; intermediality; intermedial references; Michael Frayn; text; ekphrasis.*

REFERENCES

Arnold I.V. Semantics. Stylistics. Intertextuality: collection of articles by I.V. Arnold. [Semantika. Stilistika. Intertekstual`nost`: sb. st. I.V. Arnol`d]. Moscow: Flinta, 2019. 448 p. (in Russian).

Balashova E.A., Mayorova A.V. An Apple as an Object and Subject of Image (on the issue of studying the phenomenon in poetic speech) [Yabloko kak ob``ekt i sub``ekt izobrazheniya (k voprosu ob izuchenii yavleniya v poe`ticheskoj rechi)]. *Issues of Smolensk University*, No. 4 (60). 2022. Pp. 46–54 (in Russian).

Brazgovskaya E. E. Ekphrasis as a Semiotic Experiment [E`kfrasis kak semioticheskij e`ksperiment]. *Criticism and semiotics*. 2020. No. 1. Pp. 52–72 (in Russian).

Volkova P.D. From Bosch to Bruegel. Ship of Fools [Ot Bosxa do Brejgelya. Korabl` durakov]. Moscow: AST Publishing House, 2020. 272 p. (in Russian).

Geller L. Ekphrasis, or Nakedness of Reception. A few Questions and a Thesis. [E`kfrasis, ili Obnazhenie priyoma. Neskol`ko voprosov i tezis]. *The Inexpressibly Expressible: Ekphrasis and Problems of Representing the Visual in a Literary Text: Essays on Visuality. Collection of articles. Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS.* Moscow: Editorial office of the magazine «New Literary Review», 2013. Pp. 44–60 (in Russian).

Grishina N.V. Essay on Bruegel: the View of an Existential Psychologist [E`sse o Brejgele: vzglyad e`kzistencial`nogo psixologa]. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «Psychology. Pedagogy. Education».* 2019. No. 4. Pp. 14–23 (in Russian).

Ilgova D.A. Visual Poetry in the Context of Intermediality [Vizual`naya poe`ziya v kontekste intermedial`nosti]. Moscow: Flinta, 2022. 164 p. (in Russian).

Kaida L.G. Intermediality is a Philological Continent. Voltaic Arc of the Author's Subtext. [Intermedial`nost` – filologicheskij kontinent. Vol`tova duga avtorskogo podteksta]. Moscow: Flinta, 2019. 112 p. (in Russian).

Kibalnik S. Visual Imagery in «Petersburg Nights» Konst. Vaginova [Vizual`naya obraznost` v «Peterburgskix nochax» Konst. Vaginova]. *The Inexpressibly Expressable: Ekphrasis and Problems of Representing the Visual in a Literary Text: Essays on Visuality. Collection of articles. Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS.* Moscow: Editorial board of the magazine «New Literary Review», 2013. Pp. 484–494 (in Russian).

Constantini M. Ekphrasis: the Concept of Literary Analysis or a Meaningless Term? [E`kfrasis: ponyatie literaturnogo analiza ili bessoderzhatel`ny`j termin?]. *Ekphrasis and Problems of Representing the Visual in a Literary Text: Essays on Visuality. Collection of articles. Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS.* Moscow: Editorial office of the magazine «New Literary Review», 2013. Pp. 29–34 (in Russian).

Kospolova N.E. Aesthetic Category in the Works of Pieter Bruegel the Elder [E`steticheskaya kategoriya v tvorchestve Pitera Brejgelya starshego]. *Decorative Art and Object-spatial Environment. Bulletin of MGHPA*. 2015. No. 3. Pp. 59–69 (in Russian).

Kubryakova E.S. In Search of the Essence of Language: Cognitive Research [V poiskax sushhnosti yazy`ka: Kognitivny`e issledovaniya]. *Institute of Linguistics RAS.* Moscow: Znak, 2012. 208 p. (in Russian).

Lotman Yu.M. Inside Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History [Vnutri my`slyashhix mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya]. Moscow: Languages of Russian Culture, 1996. 464 p. (in Russian).

Lotman Yu.M. About art. [Ob iskusstve]. Saint Petersburg: Art Sain Petersburg, 1998. 704 p. (in Russian).

Maizenger N.V., Sukhanova I.G. Modern Approaches to Teaching How to Read Literary Text in the Original [Sovremennye podhody k obucheniyu chteniyu original'nogo hudozhestvennogo teksta]. *Bulletin of Altai State Pedagogical University*. 2024. No. 1(58). Pp. 39–45 (in Russian).

Titscher S., Meyer M., Wodak R., Vetter E. Methods of Text and Discourse Analysis [Metody` analiza teksta i diskursa]. Trnslated from German. Kharkiv: Publishing House Humanitarian Center, 2017. 356 p. (in Russian).

Tishunina N.V. Western European Symbolism and the Problem of Interaction of Arts: Experience of Intermedial Analysis. [Zapadnoevropejskij simvolizm i problema vzaimodejstviya iskusstv: opy`t intermedial`nogo analiza]. Saint Petersburg: Publishing house RGPU im. A.I. Herzen, 1998. 160 p. (in Russian).

Shansky N.M. Linguistic Analysis of Literary Text. [Lingvisticheskij analiz xudozhestvennogo teksta]. Moscow: Flinta, 2022. 416 p. (in Russian).

Cherneyko L.O. The Semantic Structure of a Literary Text and the Principles of its Modeling [Smy`slovaya struktura xudozhestvennogo teksta i principy` eyo modelirovaniya]. *Communicative and Semantic Parameters of Grammar and Text: a collection of articles dedicated to the anniversary of G.A. Zolotov*. Moscow: Editorial URSS, 2002. Pp. 449–461 (in Russian).

Dzichkouskaia N. Types of Ecphrastic Descriptions in Headlong. *Footpath*: *A Journal of Contemporary British Literature in Russian Universities*. 2010. No. 4. Pp. 33–39 (in English).

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1990, 632 p. (in English).

Mullan J. How Novels Work. New York: Oxford University Press, 2008. 346 p. (in English).

Frayn M. Headlong. London: Faber and Faber, 1999. 395 p. (in English).

Hewitt K. Headlong by Michael Frayn: A Commentary on the Novel. Perm, 2006. 70 p. (in English).

Hewitt K. Understanding English Literature. Oxford: Perspective Publications Ltd, 2008. 275 p. (in English).

Rajewsky I.O. Intermediality, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality. *Intermédialités*. 2005. No 6. Pp. 43–64 (in English).

Słodczyk R. Modes of Emphrasis: Simone Martini's Fresco of the Commander of the Sienese Troops as Seen by Zbigniew Herbert and Gustaw Herling-Grudziński. *Word and Image in Translation.* 2018. Pp. 120–139 (in English).

М.И. Алексеева

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 811.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2025-69-1-64-74

ЮРИДИЧЕСКИЙ МЕДИАДИСКУРС КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА С ПРОСТРАНСТВОМ СМИ И МЕДИА

Ключевые слова: *медиадискурс; юридический дискурс; медиатизация.*

В статье предлагается концепция понимания юридического медиадискурса как особой формы взаимодействия дискурса правового и медиадискурса, созданной при участии журналиста и реализуемой в средствах массовой информации и медиапространстве. А также косвенно рассматривается влияние СМИ и медиа на правильное понимание юридического дискурса массовым адресатом. Медиатизация различных видов дискурса, в

том числе и юридического, является актуальным вопросом для современных исследователей. В статье анализируется влияние средств массовой информации и ресурсов медиа на формирование общественного мнения о вопросах и понятиях юридического толка. Через анализ процессов медиатизации рассматривается воздействие этого явления на восприятие правовых норм, институтов и процессов, а также на формирование отношения общества к правосудию и смежным отраслям. Исследование может помочь в разработке стратегии формирования правильного понимания юридического дискурса массовым адресатом посредством СМИ и медиа. Эмпирическим материалом исследования послужили варианты текстов, заимствованные в Национальном корпусе русского языка. Общее количество исследуемых примеров составило более четырех тысяч. В работе приведены наиболее яркие из них. Статья является ценным вкладом в понимание взаимосвязи между медиа и юридической сферой, а также предлагает рекомендации по оптимизации этого взаимодействия для достижения большей правовой осмысленности социума.

Юридический дискурс, входя в группу дискурсов институциональных, является системой с ограниченной открытостью. Это свод терминов, словесных конструкций и отсылок к нормативно-правовым актам, которые понятны только узкопрофильным специалистам: представителям юридических профессий и исследователям-лингвистам. Юридическому дискурсу свойственны такие признаки, как директивность коммуникационных актов, процессуальность в виде твердо установленных правил употребления лингвистических конструкций и прочих единиц правового дискурса. Тем не менее функционирование языка права не ограничивается взаимодействием в профессиональной среде. Представляя собой основу жизни общества, язык права функционирует и вне профильных систем, формируя картину мира социума, создавая правовое общественное сознание.

Очевидно, что понимание и толкование нормы права, ее осознание в виде реакции конечного адресата информации не ограничивается оригинальным текстом нормативно-правового акта, а представляет собой сложный процесс большого количества речемыслительных актов, в том числе в публичном пространстве. Преломляясь в СМИ и медиа, единицы правового дискурса претерпевают ряд закономерных изменений. Такие интерпретации принято называть медиатизацией, то есть изменением оригинальной лексической единицы правового дискурса посредством работы журналиста и публикации в средствах массовой информации или на медиаресурсах. Медиатизация может представлять собой как положительный, так и отрицательный процесс, способствуя распространению и верному толкованию правовых категорий или, наоборот, вводя массового конечного потребителя информации в заблуждение неверной формулировкой, нарушающей суть понятия.

Таким образом, задача статьи – исследовать понятие «юридический медиадискурс» и на конкретных примерах проследить видоизменения и интерпретации, которые проходит правовая лингвистическая единица, попадая в медиапространство.

Определение самого понятия «дискурс» в лингвистике дается исследователями сквозь призму разных подходов. Основными из них являются коммуникативный, структурно-стилистический, структурно-синтаксический и социально-прагматический.

Так, В.И. Карасик определяет дискурс как «процесс живого вербализуемого общения, характеризующийся множеством отклонений от канонической письменной речи, отсюда внимание к степени спонтанности, завершенности, тематической связности, понятности разговора для других людей» [Карасик, 2016, *21*].

В исследовании В.З. Демьянкова дискурс определяется как «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который “строится” по ходу развертывания дискурса» [Демьянков, 1982, *7*].

О.В. Александрова и Е.С. Кубрякова дают следующее определение дискурса: «когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму. Текст может трактоваться как дискурс только тогда, когда он реально воспринимается и попадает в текущее сознание воспринимающего его человека» [Кубрякова, Александрова, 1997, *19*].

Приведенные выше определения дают нам возможность полагать, что «дискурс» и его виды могут быть исследованы нами и в виде коммуникационного процесса, и в виде его завершенного результата – текста, и в виде когнитивного процесса осмысления двух вышеуказанных явлений.

«Юридический дискурс», анализируемый нами, относится к категории дискурсов институциональных. Г.В. Кубиц определяет его как «совокупность юридических текстов (устных или письменных), отражающих намерения специалиста и оперирующих специальными понятиями, применяемыми в пределах профессиональной сферы» [Кубиц, 2013, *87*].

Важно понимать, что язык права развивается как в высказываниях профессионалов в области юриспруденции, так и в актах коммуникации представителей власти, журналистов и обладателей самых разных профессий и социальных ролей. Текст нормативно-правового акта или другая единица юридического дискурса вне пределов профессионального сообщества

находится в перманентном взаимодействии с другими институциональными или специфическими дискурсами, например с медиадискурсом. Е.А. Кожемякин определяет медиадискурс как «специфичный тип речемыслительной деятельности, характерный исключительно для информационного поля массмедиа» [Кожемякин, 2010, *13*]. В то же время Т.Г. Добросклонская говорит о медиадискурсе следующее: «это сообщение со всеми прочими компонентами коммуникации». Важно, что исследователь разделяет понятия «медиадискурс» и «медиатекст», определяя последний как «сообщение плюс канал» [Добросклонская, 2009, *124*].

Можно предположить, что именно из пересечения институционального юридического дискурса и специфического медиадискурса рождается понятие «юридический медиадискурс», который и представляет собой продукт содействия широкому потребителю информации в понимании и осмыслении правовых норм. Содействие в понимании нормы права или специфического юридического термина неподготовленному реципиенту может быть оказано с помощью медиатекста. Он, как продукт юридического медиадискурса, устраняет стилистические, терминологические и когнитивные преграды на пути к пониманию юридического дискурса массовым адресатом.

При этом, по мнению некоторых исследователей, юридический медиадискурс «представляет собой не механическую сумму характеристик юридического дискурса и медиадискурса, а их синтез с позиции понимания рассматриваемого гибрида как самостоятельного дискурсивного образования» [Чеметева, 2022, *110*].

Также исследователи отмечают: «Попадая в медийное пространство, юридический дискурс утрачивает ряд своих узкоспецифических институциональных особенностей (в частности, трафаретность, клишированность общения), что компенсируется усилением влияния и расширением потенциальной аудитории воздействия, т.е. теми новыми возможностями, которые он приобретает, благодаря использованию СМИ как канала трансляции своих норм и ценностей» [Соловьева, 2022, *16*].

Контент средств массовой информации, будь то текст или любая другая форма коммуникации с потребителем информации, оживляет юридический язык и придает ему образность.

Как правило, это приводит либо к искажению терминов юридического дискурса и, как следствие, к искажению понимания правовых норм, либо к лучшему пониманию правовых терминов, распространению грамотного употребления терминов и общему повышению уровня юридической грамотности потребителя информации.

Юридический медиадискурс, как уникальная область переплетения правовой и медийной сферы, не является простым объединением характеристик юридического и медийного дискурсов. Он представляет собой синтез этих двух сфер, образующий отдельный самостоятельный дискурс.

Для того, чтобы изучить и сравнить работу юридических терминов в нормативно-правовых актах и медиапространстве, мы использовали Национальный корпус русского языка.

Ресурс позволяет исследовать употребление правовых терминов и устойчивых конструкций, созданных на их базе, в различных источниках. Для этого используется поиск по леммам на базе текстов, агрегированных в Национальном корпусе русского языка и разделенных на корпусы.

Для анализа мы выбрали словосочетания **«компенсация морального вреда»**, **«возмещение морального вреда»**, **«взыскание морального вреда»** и **«моральный ущерб»**. При этом конструкция «компенсация морального вреда» является подлинной лингвистической единицей, в то время как «возмещение морального вреда», «взыскание морального вреда» и «моральный ущерб» лишь схожи по звучанию и контексту употребления.

Ключевыми пунктами анализа исследуемых словосочетаний в Национальном корпусе русского языка стали частота употребления, специфика ресурса и общий контекст фразы.

«Компенсация морального вреда» является оригинальной лингвистической конструкцией, закрепленной в нормативно-правовом акте – Гражданском кодексе Российской Федерации и Постановлении Пленума Верховного суда.

Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права, либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред [ГК РФ. Ч. I, www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ec459f13483f7f47883f57fda6aace1b2cb86ac4/].

Именно этот текст наделен юридической силой в рамках юридического дискурса. Тем не менее цитирование выдержки из статьи Гражданского кодекса Российской Федерации в пространстве средств массовой информации и медиасреде не делает ее частью медиадискурса. СМИ и медиа здесь выступают исключительно как канал связи с широкой общественностью. В то же время употребление на ресурсах СМИ и медиа без правовых пояснений, но в определенном контексте делает элемент правого дискурса – в данном случае словосочетание «компенсация морального вреда» – частью медиадискурса.

Этот фильм вышел в 2016 г., главные роли в нем исполнили Данила Козловский и Сергей Бурунов. Пока лейбл не получил копию иска, поэтому деталей по требованиям Корольковой сообщить не может, добавил представитель компании. Помимо требований о компенсации убытков от использования фонограммы, Королькова требует 1 млн руб. компенсации морального вреда, рассказал «Ведомостям» Вадим Вишняков, заместитель гендиректора другого соответчика по иску, кинокомпании «Медиа юниверсаливент». «Якобы в нашем фильме "Пятница" мы использовали фонограмму песни "Прекрасное далеко" без ее разрешения. Но песня не использовалась в этом фильме», – заявил Вишняков, добавив, что в компании считают, что ничьих прав не нарушали, и готовы отстаивать свою позицию в суде [ВЕДОМОСТИ. С Netflix требуют 10 млн рублей из-за фильма с Козловским, https://www.vedomosti.ru/media/articles/2021/12/13/900466-s-netflix-trebuyut-10-mln].

«Суд приговорил: на основании вердикта присяжных признать Муратова виновным и назначить ему наказание в виде лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима», – сказал председательствующий Александр Рыбак. В качестве смягчающих обстоятельств суд учел наличие у Муратова малолетних детей, а также проведенное с 2018 года время под стражей. Суд также частично удовлетворил иск о компенсации морального вреда отца убитого полицейского на сумму 500 тыс. руб. вместо заявленных потерпевшей стороной 2 млн руб. Как ранее сообщал «Ъ», в материалах уголовного дела говорилось, что в ночь на 3 сентября 2018 года 23-летний сержант полиции 4-го отдела УВД на Московском метрополитене Андрей Райский на станции «Курская-кольцевая» остановил подвыпившего уроженца Киргизии Нурлана Муратова. Документов у Муратова не оказалось, и сержант предложил тому пройти в комнату полиции для составления административного протокола. По пути полицейский завел задержанного в служебный туалет [Коммерсантъ. Суд приговорил к 18 годам убийцу полицейского в московском метро, https://www.kommersant.ru/doc/4251174].

Об этом сообщается на сайте КС. В 2017 году одна из жительниц Челябинска заказала межкомнатные двери, оплатив аванс в размере 61 тысячи рублей. Продавец доставил не тот товар и отказался вернуть деньги. Суд принял решение взыскать с него 172 тысячи рублей – уплаченную сумму, неустойку и компенсацию морального вреда. Однако заявительнице не удалось получить эти средства, поскольку предприятие прекратило работу. Суды отказались привлекать к ответственности руководителей ликвидированной организации, не усмотрев недобросовестности в их деятельности [Рамблер. КС указал на ответственность руководителей ликвидированных юрлиц перед кредиторами, https://finance.

rambler.ru/business/46489352-ks-ukazal-na-otvetstvennost-rukovoditeley-likvidirovannyh-yurlits-pered-kreditorami/].

По данным Национального корпуса русского языка на момент нашего обращения, данное словосочетание из юридического дискурса встречается в 2300 примерах из 1861 текста печатных СМИ. Основными источниками контекстов употребления стали «Парламентская газета», «Ведомости», «Коммерсант».

Интерпретация исследуемого юридического термина «компенсация морального вреда» в виде **«возмещение морального вреда»** встретилась нам в 623 текстах печатных СМИ (671 пример), систематизированных Национальным корпусом русского языка.

«Михаил Ефремов к нам сегодня не вышел. Я думаю, он очень расстроен, поэтому и не хочет никого видеть», – заявила Литвинович. 22 октября Мосгорсуд рассмотрел апелляционные жалобы на приговор актеру в виде восьми лет лишения свободы. В итоге ему снизили срок на полгода благодаря возмещению морального вреда потерпевшим. Защита Ефремова намерена обжаловать это решение. Сторона потерпевших заявила, что довольна таким исходом дела. Авария с участием Ефремова произошла 8 июня [LENTA.RU. Ефремов «расстроился» и отказался общаться с правозащитниками в СИЗО, https://lenta.ru/news/2020/10/23/efremov/].

Адвокат потерпевшей Ирина Валеева объяснила ситуацию моральным состоянием экс-сотрудницы полиции. «Ей эти унижения испытывать и испытывать, поймите ее и наберитесь терпения», – сказала Валеева, отметив, что во время судебных процессов Фахтисламовой психолог не требуется. На вопрос, почему в суд не вызвали бригаду скорой помощи, защитница ответила, что это не тот случай, когда требуется врач. Валеева заявила, что исковые заявления о возмещении морального вреда находятся в суде, но сумму назвать отказалась. «Я потом все расскажу, исковые заявления уже в суде. Я не представляю, как можно оценить финансовую составляющую насилия над личностью. То, что происходит сегодня, когда вы нас сопровождаете до туалета и пытаетесь получить показания, оно ведь тоже безнравственно, согласитесь», – обратилась адвокат к журналистам, которые извинились перед потерпевшей за то, что караулили ее у туалета [WWW.CITY-N.RU. Обвинившей коллег в изнасиловании дознавателю стало плохо в уфимском суде, https://www.city-n.ru/view/428478.html].

Формулировка **«взыскание морального вреда»**, которая также является интерпретацией исследуемой нами единицы юридического дискурса «компенсация морального вреда», встретилась нам всего в 39 текстах (42 примера), систематизированных Национальным корпусом русского языка.

По словам Юрия Добронравова, «Кристалл» может подать против Роспатента иск о возмещении убытков. Пока в отношении Роспатента было принято только одно судебное решение по иску физического лица. Оно было вынесено Верховным судом РФ и, согласно с указанным решением, с

Роспатента были взысканы моральный ущерб и расходы на адвокатов. Правда, суммы были весьма незначительные. В арбитражной практике таких дел с участием Роспатента не встречалось, но были дела, когда убытки, включая упущенную выгоду, взыскивались с налоговых органов. Так что это представляется вполне возможным [Re-port.ru. «Кристалл» пошел ва-банк, https://re-port.ru/news/34884/].

Детский лагерь выплатит компенсацию за вред, причиненный ребенку. Установлено, что летом 2019 года в связи с отсутствием должного контроля со стороны вожатых, между двумя воспитанниками лагеря в ночное время произошел конфликт, в ходе которого одному из детей причинен тяжкий вред здоровью в виде перелома правой плечевой кисти. По итогу проверки Прокурором Красновишерского района в защиту нарушенных прав несовершеннолетнего в суд направлено исковое заявление о взыскании с ДОЛ «Юность» компенсации морального вреда. Требования прокурора судом удовлетворены, с оздоровительного лагеря взыскан моральный вред в размере 40 тыс. рублей, – сообщили в прокуратуре Пермского края [Вести-Пермь. Детский лагерь выплатит компенсацию за вред, причиненный ребенку, https://vesti-perm.ru/archive/22d3b44ad1514d7cb461a1a0555a58ca].

Интерпретацию «моральный ущерб» вместо оригинальной версии «моральный вред» мы видим в 3332 текстах (3791 пример), приведенных Национальным корпусом русского языка. Становится очевидным, что такая вариация встречается в текстах чаще, чем верный правовой аналог.

Помимо этого, каннибал обязан выплатить 1 миллион рублей в качестве компенсации морального ущерба отцу убитого [Вести.Ru. Архангельского каннибала приговорили к пожизненному заключению, https://www.vesti.ru/article/1886465].

«Украина обязана возместить крымчанам материальный и моральный ущерб, и мы готовы его подсчитать и стребовать», – отметил депутат [РИА Новости. В Госдуме ответили на инициативу Киева о подсчете компенсации из-за Крыма, https://ria.ru/20201025/krym-1581436314.html].

Предполагаем, что частота употреблений обусловлена устоявшейся в разговорном языке аналогией «материальный ущерб».

Юридический дискурс функционирует не только в тексте закона. Он взаимодействует с другими дискурсами. И результат этого взаимодействия становится отдельным дискурсивным видом. Областью исследуемого нами юридического медиадискурса являются речевые акты и тексты, опосредованные в СМИ, а также когнитивная организация дискурсивного пространства.

Приведенные текстовые фрагменты, включающие в себя примеры с оригинальной лингвистической единицей **«компенсация морального вреда»** (2300 примеров из 1861 текста) и вариациями **«возмещение морального вреда»** (671 пример из 623 текстов), **«взыскание морального вреда»** (42 примера из 39 текстов) и **«моральный ущерб»** (3791 пример из

3332 текстов), бесспорно, относятся к юридическому медиадискурсу. Использование специальной терминологии и некритичных отклонений в виде очень схожих с аналогом вариаций подтверждает нашу мысль о том, что правовой медиадискурс представляет собой особый вид дискурса, является частью юридического медиадискурса. Правовой медиадискурс соотносится с юридическим медиадискурсом как частное и общее.

Проанализировав семантику каждого конкретного примера, приведенного в статье, мы видим, что контекст и смысл текста не нарушаются даже в случае употребления не закрепленного в юридическом дискурсе термина, а его вариаций. Более того, можно предположить, что осознанная замена юридических терминов на устоявшиеся в разговорной речи формы способствует сокращению трека от адресанта до адресата в коммуникационном акте и направлена на формирование правовой картины мира в сознании коммуниканта более простым способом. Осмысление закона и ментальная реакция на него происходят в большинстве своем не при прочтении оригинального текста, а при взаимодействии с текстами СМИ. Юридический дискурс толкуется СМИ и в большинстве случаев не претерпевает семантических искажений. Из чего мы делаем вывод, что медиатизация юридического дискурса представляет собой интегрирование буквы закона в повседневную жизнь социума и не несет (в рассматриваемых нами случаях) ущерба для правового сообщества, наоборот, помогает расшифровать юридический дискурс, упростить коммуникацию и обеспечить соблюдение норм права.

ЛИТЕРАТУРА

Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Методы анализа текста // Всесоюзный центр переводов. Тетради новых терминов. 1982. № 39. С. 108.

Добросклонская Т.Г. Медиатекст как единица дискурса средств массовой информации // Актуальные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и интернет-коммуникация: материалы междунар. конф. (19–21 июня 2009 г.). М.; Ярославль: Ремдер, 2009. С. 124.

Карасик В.И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1(21). С. 17–34.

Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 12(83), вып. 6. С. 13–21.

Кубиц Г.В. О формировании юридического дискурса студентов дистанционной формы обучения // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37(328). С. 86–89.

Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. М., 1997. 237 с.

Соловьева Ю.О. Популярно-юридический дискурс VS Медийный юридический дискурс // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2022. № 1. С. 15–21.

Чеметева Ю.В. Юридический медиадискурс как гибридный феномен // Вестник Волгоградского государственного университета. 2022. Т. 21, № 1. С. 110–118.

ВЕДОМОСТИ. С Netflix требуют 10 млн рублей из-за фильма с Козловским. URL: https://www.vedomosti.ru/media/articles/2021/12/13/900466-s-netflix-trebuyut-10-mln (дата обращения: 14.06.2024).

Вести.Ru. Архангельского каннибала приговорили к пожизненному заключению. URL: https://www.vesti.ru/article/1886465 (дата обращения: 13.06.2024).

Вести-Пермь. Детский лагерь выплатит компенсацию за вред, причиненный ребенку. URL: https://vesti-perm.ru/archive/22d3b44ad1514d7cb461a1a0555a58ca (дата обращения: 14.06.2024).

Гражданский кодекс Российской Федерации Ч. I. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ec459f13483f7f47883f57fda6aace1b2cb86ac4/ (дата обращения: 14.06.2024).

Коммерсантъ. Суд приговорил к 18 годам убийцу полицейского в московском метро. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4251174 (дата обращения: 13.03.2024).

Рамблер. КС указал на ответственность руководителей ликвидированных юрлиц перед кредиторами. URL: https://finance.rambler.ru/business/46489352-ks-ukazal-na-otvetstvennost-rukovoditeley-likvidirovannyh-yurlits-pered-kreditorami/ (дата обращения: 10.06.2024).

РИА Новости. В Госдуме ответили на инициативу Киева о подсчете компенсации из-за Крыма. URL: https://ria.ru/20201025/krym-1581436314.html (дата обращения: 14.06.2024).

LENTA.RU. Ефремов «расстроился» и отказался общаться с правозащитниками в СИЗО. URL: https://lenta.ru/news/2020/10/23/efremov/ (дата обращения: 19.06.2024).

WWW.CITY-N.RU. Обвинившей коллег в изнасиловании дознавателю стало плохо в уфимском суде. URL: https://www.city-n.ru/view/428478.html (дата обращения: 15.06.2024).

M.I. Alekseeva
Assistant,
Chair of Literature and Journalizm,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Legal Media Discourse as a Result of Interaction of Legal Discourse with the Space of Mass Media and Media Space

The article proposes a concept of understanding legal media discourse as a special form of interaction between legal discourse and media discourse, created with the participation of journalists and implemented in mass media and media space. It also indirectly considers the influence of the media on the correct understanding of legal discourse by the mass audience.

The mediatization of various discourses, including legal discourse, is a relevant issue for contemporary researchers. This work aims to analyze the influence of mass media and media resources on shaping public opinion on legal issues and concepts. Through the analysis of mediatization processes, the impact of this phenomenon on the perception of legal norms, institutions, processes, as well as on society's attitude towards justice and related fields is examined.

Furthermore, the study can assist in developing a strategy to foster a proper understanding of legal discourse by the mass audience through media channels. The empirical material for the study consisted of text samples borrowed

from the National Corpus of the Russian Language, with over four thousand examples analyzed. The most vivid examples are presented in the paper. Thus, this work represents a valuable contribution to understanding the relationship between media and the legal sphere, offering recommendations for optimizing this interaction to achieve greater legal awareness within society.

Keywords: *media discourse; legal discourse; mediatization.*

REFERENCES

Demyankov V.Z. English-Russian terms in applied linguistics and automatic text processing. Methods of text analysis [Anglo-russkie terminy po prikladnoj lingvistike i avtomaticheskoj pererabotke teksta. Metody analiza teksta]. *All-Union Translation Center. Notebooks of new terms.* 1982. No. 39. 108 p. (in Russian).

Karasyk V.I. Discourse studies as a direction of communicative linguistics [Diskursologiya kak napravlenie kommunikativnoj lingvistiki]. *Current problems of philology and pedagogical linguistics*. 2016. No. 1 (21). Pp. 17–34 (in Russian).

Kubits G.V. On the formation of legal discourse in students of distance learning form [O formirovanii yuridicheskogo diskursa studentov distancionnoj formy obucheniy]. *Issues of Chelyabinsk State University*, 2013. No. 37 (328). Pp. 86–89 (in Russian).

Kubryakova E.S., Alexandrova O.V. Types of text and discourse spaces [Vidy prostranstv teksta i diskursa]. *Categorization of the world: space and time. Materials of a scientific conference*. Moscow, 1997. 237 p. (in Russian).

Solovyeva Yu.O. Popular-legal discourse vs media legal discourse [Populyarno-yuridicheskij diskurs VS Medijnyj yuridicheskij diskurs]. *Bulletin of the South Ural State University.* 2022. No. 1. Pp. 15–21 (in Russian).

Chemeteva Yu.V. Legal media discourse as a hybrid phenomenon [Yuridicheskij mediadiskurs kak gibridnyj fenomen]. *Bulletin of Volgograd State University*. 2022. No. 1. Pp. 110–118 (in Russian).

Civil Code of the Russian Federation Part I. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ec459f13483f7f47883f57fda6aace1b2cb86ac4/ (accessed on June 14, 2024) (in English).

Kommersant. Court Sentences Killer of Police Officer in Moscow Metro to 18 Years. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/4251174 (accessed on March 13, 2024) (in English).

LENTA.RU. Efremov «got upset» and refused to communicate with human rights activists in jail. Available at: https://lenta.ru/news/2020/10/23/efremov/ (accessed on June 19, 2024) (in English).

Rambler. The Constitutional Court pointed out the responsibility of the heads of liquidated legal entities to creditors. Avilable at: https://finance.rambler.ru/business/46489352-ks-ukazal-na-otvetstvennost-rukovoditeley-likvidirovannyh-yurlits-pered-kreditorami/ (accessed on June 10, 2024) (in English).

RIA Novosti. The State Duma responded to Kiev's initiative on calculating compensation for Crimea, URL: https://ria.ru/20201025/krym-1581436314.html (accessed on June 14, 2024) (in English).

Vedomosti. Netflix demanded 10 million rubles due to a film with Kozlovsky, URL: https://www.vedomosti.ru/media/articles/2021/12/13/900466-s-netflix-trebuyut-10-mln (accessed on June 14, 2024) (in English).

Vesti.Ru. Arkhangelsk cannibal sentenced to life imprisonment, URL: https://www.vesti.ru/article/1886465 (accessed on June 13, 2024) (in Russian).

Vesti-Perm. The children's camp will compensate for the harm caused to the child, URL: https://vesti-perm.ru/archive/22d3b44ad1514d7cb461a1a0555a58ca (accessed on June 14, 2024) (in English).

WWW.CITY-N.RU. Investigator accusing colleagues of rape felt unwell in Ufa court, Availableat: https://www.city-n.ru/view/428478.html (accessed on June 15, 2024) (in English).

Т.С. Новикова

Смоленская государственная сельскохозяйственная академия
Смоленск, Россия

УДК 811.33

DOI 10.35785/2072-9464-2025-69-1-75-87

СУБСТАНДАРТ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Ключевые слова: *субстандарт; жаргон; арго; социальные варианты языка.*

В статье говорится об использовании различных субстандартных единиц в художественных и художественно-публицистических текстах второй половины XX века – начала XXI века.

В художественных произведениях XX века лексические единицы из различного вида жаргонов, арго, молодежного сленга являются значительными в количественном плане, хотя все зависит от тематики и коммуникативной цели автора текста.

Поскольку в художественной литературе отражается переосмысленная творческим воображением автора реальная действительность, в XX веке в ряде художественных текстов употребление субстандартной лексики и фразеологии стало необходимым. При этом во многих лингвистических исследованиях отмечается, что активизация субстандартной лексики и ее проникновение в разговорную речь снижают выразительный потенциал лексики и фразеологии стандарта, соотносимого с литературным языком.

Рассматривая субстандартную лексику в рамках художественного пространства российской литературы конца XX – начала XXI века, следует указать, что эта лексика стала активно востребованной в произведениях детективного жанра, в художественных и художественно-публицистических произведениях, осмысливших эпоху большого террора, а также в произведениях о молодежи и для молодежи.

Современные исследования в области субстандартной лексики художественных текстов, репрезентирующих актуальную языковую картину мира, позволяют рассматривать тематическое разнообразие семантических полей национального языка. Современный субстандарт реализует различные функции в художественных текстах, от номинативной до когнитивной и кумулятивной, от выражения эмоций до яркой оценочности. Субстандарт в настоящее время становится источником пополнения стилистически сниженного пласта современной разговорной речи.

Современная антропоцентрическая парадигма филологических исследований актуализирует изучение различных социальных вариантов языка и речи.

Изучение субстандарта и его отражения в художественных текстах является актуальным, поскольку позволяет осмыслить социокультурные основы коммуникации.

Анализ социальных особенностей языка в диахронии начался со стилистических исследований языковой нормы и отклонений от нее. О социальной детерминированности языка, отражении в нем общественных процессов писали еще Вольтер и Дидро, а еще ранее об этом задумывались древнегреческие философы.

Одним из первых русских исследователей социального жаргона стал В.И. Даль, создавший «Русско-офенский словарь» и «Офенско-русский словарь», в котором собраны лексические единицы из языка торговцев-коробейников офеней. Офени намеренно искажали слова, чтобы сделать их непонятными непосвященным. Эти словари В.И. Даля увидели свет только в XXI веке благодаря В.Д. Бондалетову, который подготовил их к изданию. «Рукописные словари» В.И. Даля опубликованы в электронном виде в 2004 году (затем переизданы); книга включает в себя офенские словари, словари шерстобитов и мазуриков [Даль, 2007]. Часть словаря – лексика социальной группы мазуриков представляет собой краткий перечень словарных единиц из лексикона петербургских воров и бродяг.

В XX веке изучение субстандарта стало системным. Исследования прежде всего касались отдельных аспектов социолекта – жаргонов, арго, сленга. Появилось значительное количество словарей жаргона и молодежного сленга. Первым словарем воровского жаргона стала книга Василия Трахтенберга «Блатная музыка. Жаргон тюрьмы», изданная в Санкт-Петербурге в 1908 году [Трахтенберг, 1908]. В словаре собраны и истолкованы самые частотные лексические единицы воровского жаргона, описаны интересные факты жизни арестантов в тюрьмах, например «бекасиная охота» (ловля вшей) и пр.

Словарь является первым научным изданием, поскольку тип словарной статьи создавался И.А. Бодуэном де Куртене; книга дает возможность оценить в исторической ретроспекции динамику развития лексики воровского жаргона.

К настоящему времени издано несколько десятков словарей жаргонов, молодежного сленга и даже арго.

Среди самых больших по объему словника следует назвать «Большой словарь русского жаргона» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [Мокиенко, Никитина, 2000]; «Словарь блатного воровского жаргона» в двух томах Д.С. Балдаева [Балдаев, 1997]; «Толковый словарь молодежного

сленга» Т.Г. Никитиной [Никитина, 2006]. Уникальным в своем роде изданием стал словарь «Русский жаргон: Историко-этимологический словарь» М.А. Грачева и В.М. Мокиенко, в котором произведен диахронический анализ лексических единиц и выражений из русского арго, дано их толкование [Грачев, Мокиенко, 2009]. Во введении к данному словарю авторы отмечают: «Русский криминальный жаргон, или арго, – лексика криминальных элементов (преступников различных категорий, босяков, нищих, бродяг, беспризорников, проституток и проч.) складывался на протяжении длительного времени» [Грачев, Мокиенко, 2009, *3*]. То есть между понятиями «криминальный жаргон» и «арго» ставится знак равенства.

Активное лексикографирование жаргонов, молодежного сленга, даже арго свидетельствует об активном анализе особых пластов лексики, о системном развитии исследований в области социалектов русского языка.

В конце XX – начале XXI века появилось большое количество исследований в области терминологии социолектов. Уточнялись понятия «жаргон», «сленг», «арго»; в активный научный оборот введены термины «стандарт», «субстандарт», «нонстандарт».

В 1993 году в Германии в журнале «Русистика» была опубликована аналитическая статья З. Кестер-Тома «Стандарт, субстандарт, нонстандарт», в которой делается попытка упорядочить терминологию социальных исследований языка.

З. Кестер-Тома предлагает употреблять термин «стандарт» в связи с тем, что понятие «литературный язык» соотносится прежде всего с языком художественной литературы: «Введение термина *стандарт* необходимо ввиду чрезмерной “привязки” термина “литературный язык” к понятию “язык литературы”, особенно условному в наши дни, когда *стандарт* создается во многом средствами массовой информации, а также иерархической коррелятивностью с его оппозитом *нонстандартом* в отличие от негативной отнесенности терминов *нелитературная речь*, *просторечие*, *vulgar speech* и т.п.» [Кестер-Тома, 1993, *15–31*].

К субстандарту при этом относится лексика, «обладающая системностью» на различных уровнях языка, «диалект, язык фольклора» [Кестер-Тома, 1993, *15–31*].

В этой же статье обосновывается введение термина «нонстандарт», так как, по мнению исследователя, нонстандарт дает возможность разделить на группы или «ступени» группу негативной лексики и включить в нее элементы, которые невозможно включить в субстандарт: «Введение обоих терминов *субстандарт* и *нонстандарт* дает возможность детально подойти к данной проблематике, а также включить в трехступенчатую модель те языковые элементы, которые нельзя с уверенностью отнести ни к одной из вышеназванных сфер. Разграничение *нонстандарта* на группы и подгруппы

(напр., жаргон, сленг, мат и т.п.) обусловлено рядом экстралингвистических параметров» [Кестер-Тома, 1993, *15–31*].

Однако в других работах по языкознанию, исследующих негативную лексику, а также лексику с пейоративной окраской, термин «субстандарт» используется как родовое обозначение всех групп лексики с негативными характеристиками семантики и/или стилистической окраски.

В.В. Химик в монографии «Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен» [Химик, 2000] утверждает, что термины «арго», «просторечие», «жаргон» стали употребляться как смежные, они в некоторых научных работах даже взаимозаменяемы. Впрочем, В.В. Химик отмечает, что термин «сленг» употребляется для характеристики особой социальной формы языка и речи. В последующих работах В.В. Химик выдвигает идею существования социализированного субстандарта, который определяет как функционально-стилистическое просторечие, в которое включает все, что находится за пределами языковой нормы; социализированному субстандарту он противопоставляет частные субстандарты, которые включают «территориальные и социально-групповые диалекты» [Химик, 2004].

В.Б. Быков в докторской диссертации «Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта» отмечает, что «стандарт – субстандарт» следует противопоставлять по признаку «наличие – отсутствие облигаторной кодификации», при этом стандарт и субстандарт являются нормированными подсистемами национального русского языка, которые отличаются характером нормы, кодифицированной в стандарте и некодифицированной, узуальной в субстандарте [Быков, 2001].

В докторской диссертации В.П. Коровушкина «Основы контрастивной социолектологии» языковой субстандарт соотносится (отождествляется) с просторечием; при этом выделяются четыре разновидности: 1) внелитературное, 2) территориальное, 3) этническое, 4) лексическое просторечие [Коровушкин, 2005].

М.А. Грачев, исследуя историю русского арго, предложил рассматривать его как социальный вариант языка деклассированных элементов, при этом выделяются три вида арго: общеуголовное арго, тюремное арго, специализированное арго (используемое представителями различных «специалистов» своего дела, например, карманниками, домушниками и пр.). В ряде научных работ М.А. Грачев анализирует различные виды жаргонов, соотнося их с социальными характеристиками или профессиональным статусом говорящих; отдельно рассматривается молодежный сленг [Грачев, 1992; 2009].

В последних работах М.А. Грачев задается вопросом о необходимости ограничения использования арготических единиц в современном языке СМИ, поскольку их активизация в публицистике и в разговорной речи снижает «уровень нейтрального пласта языка, а значит, и вся речь становится

грубее. При этом осуществляется лишь эмоциональное воздействие, а информации передается меньше. Все это происходит в ущерб выразительности общенародного языка» [Грачев, 2022].

В.М. Мокиенко, создатель ряда словарей жаргона, в своих работах употребляет термин «субстандарт», включая в это понятие различные виды жаргонов (социальные и профессиональные), а также сленг и арго. В понимании субстандарта полностью поддерживаем позицию В.М. Мокиенко, включая в субстандарт социальные и профессиональные жаргоны, сленг и элементы арго.

Е.Н. Калугина в статье «Понятийно-теоретический аспект исследования языкового субстандарта» определяет «субстандарт как гетерогенный языковой континуум, характеризующийся ненормативностью, устной формой бытования, манифестацией субкультурных ценностей, нечеткими границами между его разновидностями, лексическим уровнем существования» [Калугина, 2013, *267*].

Теоретические споры о сущности субстандарта в настоящее время перестали быть острыми, поскольку практически все современные ученые соглашаются с тем, что субстандарт – сложное языковое явление, репрезентирующее социальные варианты языка и речи.

Так, в статье А.В. Агеевой «Субстандарт как маркер коммуникативной интенции во франкоязычном Интернет-дискурсе» демонстрируется общая тенденция современного понимания субстандарта, который «представляет собой сложную подсистему, включающую разного рода социально ограниченные формы существования языка, одной из которых является сленг» [Агеева, 2023, *4101*].

Полагаем, что при разграничении стандарта и субстандарта следует обратить внимание на кодифицированность / некодифицированность нормы. «Некодифицированные, узуальные нормы субстандарта отражают субкультурные ценности» [Новикова, 2008, *12*].

В художественных произведениях XX века лексические единицы из различного вида жаргонов, арго, молодежного сленга являются значительными в количественном плане, хотя все зависит от тематики и коммуникативной цели автора текста.

Поскольку в художественной литературе отражается переосмысленная творческим воображением автора реальная действительность, в XX веке в ряде художественных текстов употребление субстандартной лексики и фразеологии стало необходимым.

При этом во многих лингвистических исследованиях отмечается, что активизация субстандартной лексики и ее проникновение в разговорную речь влечет за собой включенность и в публицистику.

Л.П. Крысин полагает: «Жаргонные слова и обороты далеко не редкость и в литературной речи. Сначала жаргонная лексика просачивалась главным образом в устно-разговорную ее разновидность, затем, ближе к

нашим дням, – в язык средств массовой информации, а потом широким потоком хлынула в публицистику, в публичные выступления политиков, депутатов и даже писателей» [Крысин, 2001, *214*].

Во второй половине XX века создается большое количество художественных текстов различного уровня, в которых осмысляется непростое недавнее историческое прошлое Советской России.

Одним из первых произведений о заключенных, опубликованных в СССР, стал рассказ А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», в котором довольно подробно описан лагерный быт. Употребление социально ограниченных словарных единиц из лагерного жаргона оказывается необходимым и оправданным. Впервые в советском журнале появляется художественный текст, в котором используются лексемы и словосочетания «косануть» (увильнуть от работы), «шмон» (обыск), «работать придурком» (выполнять легкую работу), «баланы» (распиленные бревна, очищенные от веток), «шестерить» (находиться в полном и безоговорочном подчинении у кого-либо), «бабки» (деньги), «сидка» (срок, проведенный в тюрьме или лагере), «стучать на кого-либо» (доносить на кого-либо), «задолбать» (вывести из себя, сильно разозлить), «врубаться» (начать понимать) и пр.

Ряд приведенных словарных единиц в настоящее время вошел в просторечие, а некоторые – в стилистически сниженную группу разговорной лексики.

В рассказе А.И. Солженицына элементы лагерного жаргона не только выполняют номинативную и эмоционально-экспрессивную функцию, но и являются основой создания образов персонажей и их индивидуализации. Лексика лагерного жаргона придает особую стилистическую окраску тексту.

А.И. Солженицын, сам проведший в лагерях около семи лет, в личном активном словарном запасе имел большое количество жаргонизмов и арготизмов. Однако следует указать, что они не составляют основу его художественных и публицистических текстов. Солженицын обращается к подобной лексике по необходимости, не злоупотребляя ее количеством.

Элементы лагерного жаргона используются в таких художественных текстах, как «Архипелаг ГУЛАГ», «В круге первом», «Красное колесо», в отдельных публицистических текстах.

Полагаем, что в художественной прозе Солженицына жаргонизмы и арготизмы выполняют идентификационную функцию; использование данных лексических единиц персонажами его произведений позволяет показать, как формировались и поддерживались соответствующие социальные связи.

А.И. Солженицын зачастую использует жаргонную лексику для реализации когнитивной функции, поскольку жаргонизмы и арготизмы в его произведениях передают общественно-исторический опыт поколения, попавшего

под «колесо сталинских репрессий», сохраняют именования определенных понятий и явлений, позволяют переосмыслить трагическую историю революции в России, двух мировых войн, разруху, коллективизацию, послевоенное восстановление и т.д. Отметим, что, по классификации М.А. Грачева, в произведениях Солженицына преобладают единицы из общеуголовного арго (или лагерного жаргона), например жаргонизм *придурок*.

Приведем пример из «Архипелага ГУЛАГ»: *Одно из первых… понятий, которое узнает приехавший в лагерь новичок, это придурок. Так грубо называли тех, кто сумел не разделить общей обреченной участи: или же ушел с общих, или не попал на них… Истые зонные придурки – это: повара, хлеборезы, кладовщики, врачи, фельдшеры, парикмахеры, воспитатели «КВЧ», заведующий баней… пекарней… каптерками… посылочной, старшины бараков, коменданты, нарядчики, бухгалтеры, писаря штабного барака, инженеры зоны и хоз. двора. Эти все… имеют большую власть над тем, что нужно человеку, а значит, власть над людьми* [Солженицын, 2017].

Г.В. Колшанский в работе «Коммуникативная функция и структура языка» отмечает, что «когнитивный мир языка, то есть общественное сознание, в своей форме объективно отражает исходный мир и поэтому служит средством дальнейшего его познания» [Колшанский, 2005, *21*]. В художественных и художественно-публицистических текстах А.И. Солженицына когнитивный мир языка «объективно отражает исходный мир».

Когнитивная функция употребления жаргонной, арготической лексики, а также элементов просторечия позволяет автору создать языковую модель неязыковой окружающей действительности. По сути, когнитивная функция языка в целом может интерпретироваться как гносеологическая, сохраняющая знание о мире и явлениях окружающей действительности. Солженицын при использовании жаргонизмов и арготизмов в художественных текстах создал и репрезентировал модель трагической общественно-политической системы, репрессивной пенитенциарной системы в Советской России. Как очевидец и жертва этой системы, он сохранил и передал ужас обыденности происходящих событий.

В период изменения политической системы в СССР, в начале перестройки, в русскоязычном художественном пространстве появляется большое количество текстов, в которых повествуется о периоде репрессий 30-х годов в Советской России. Среди произведений, вошедших в историю русской литературы, следует назвать «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург, созданные авторами, которые сами стали жертвами «красного колеса», по выражению А.И. Солженицына.

В автобиографической повести Евгении Гинзбург «Крутой маршрут» подробно повествуется обо всех мытарствах политической заключенной и ее «товарищей по несчастью» в тюрьме и лагерях, при этом детально описываются тюремные камеры, пересыльные вагоны, лагерные бараки,

нравы надзирателей и конвойных. Следует отметить, что субстандартной лексики в повести Гинзбург немного; основной функцией жаргонных лексических единиц является номинативная. Лексические единицы лагерного жаргона называют предметы тюремного быта, реалии жизни заключенных.

Теперь уже никто не поднимается с нар. Щель в двери закрыта. Болт закручен наглухо. Хлебные пайки сокращены почти вдвое. Баланды не приносят. Карцерное положение.

Но это все почти никого не расстраивает. Вернее, почти никто не замечает этих ухищрений Соловья-разбойника. Не до того. У всех одна мысль – Таня не выйдет живой [Гинзбург, 1990].

Незначительное количество подобной лексики создает определенный стилистический эффект. Сопряжение стихотворных текстов, высокой поэтической лексики и словарных единиц лагерного жаргона формирует фантасмагорическую картину окружающей персонажей действительности.

Словарные единицы лагерного жаргона в повести Евгении Гинзбург также выполняют кумулятивную функцию сбора, сохранения и передачи информации.

Как и в повести Евгении Гинзбург, в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова используется незначительное количество лексики лагерного жаргона, чаще всего это лексические единицы, выполняющие номинативную функцию называния каких-либо предметов или явлений действительности. Однако даже отдельные лексические единицы подобного рода создают особую гипертрофированную экспрессию.

Из рассказа «Заговор юристов»: *В бригаду Шмелева сгребали человеческий шлак – людские отходы золотого забоя. Из разреза, где добывают пески и снимают торф, было три пути: «под сопку» – в братские безымянные могилы, в больницу и в бригаду Шмелева, три пути доходяг. Бригада эта работала там же, где и другие, только дела ей поручались не такие важные. Лозунги «Выполнение плана – закон» и «Довести план до забойщиков» были не просто словами. Их толковали так: не выполнил норму – нарушил закон, обманул государство и должен отвечать сроком, а то и собственной жизнью* [Шаламов, 2005].

Осмысление трагических событий советского периода истории содержится и в художественных текстах, авторы которых избежали участи своих персонажей. Это такие произведения, как «Московская сага» Василия Аксенова, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. В них описания собственно мест заключения и лагерного быта не такие пронзительные, как в текстах Солженицына, Гинзбург, Шаламова. Однако жаргонная лагерная лексика и лексика арго содержится и в этих произведениях, позволяя реалистично изобразить исторические события конца 30-х годов в Советской России.

Лексика субстандарта в произведениях В. Аксенова, А. Рыбакова, В. Гроссмана демонстрирует системно-языковую экспрессивность, необходимую для создания образной системы художественного текста, а также помогает передать колорит эпохи для реалистичного описания особой группы общества – необоснованно репрессированных людей творческих профессий и интеллигенции.

С течением времени осмысление обществом произошедших событий стало более глубоким и разносторонним. «Красное колесо» истории переосмыслилось с христианских позиций. В художественных текстах начала XXI века причины произошедшей трагедии репрессий и гибели большого количества людей показаны не как воля одного тирана, а как системная ошибка всего политического руководства страны. Таким произведением является роман «Обитель» Захара Прилепина, в котором одним из персонажей становится Соловецкий лагерь особого назначения.

Словарные единицы субстандарта (лагерного жаргона) являются неотъемлемой частью языка повествования, выполняя кумулятивную и когнитивную функции, создавая эмоциональную окраску и раскрывая мировоззренческие доминанты эпохи.

Рассматривая субстандартную лексику в рамках художественного пространства российской литературы конца XX – начала XXI века, следует указать, что эта лексика стала активно востребованной в произведениях детективного жанра, который стремительно развивался в России на рубеже веков. В издаваемых массовыми тиражами произведениях Дарьи Донцовой, Татьяны Устиновой, Андрея Кивинова, Александры Марининой, Юлии Шиловой используется большое количество жаргонизмов, арготизмов, просторечной и бранной лексики для создания экспрессии, передачи реалий жизни персонажей, которые не в ладах с законом, для оценки описываемых криминальных ситуаций. По многим произведениям названных авторов сняты фильмы и сериалы, в которых субстандартная лексика выступает неотъемлемой частью художественного пространства. Зачастую из детективов и фильмов большое количество субстандартной лексики переходит в разговорную речь.

Помимо детективов в российском дискурсивном пространстве художественной прозы рубежа веков появляются низкопробные литературные тексты, самоцель которых – показать жизнь и быт преступной среды, эпатировать публику обилием грубых арготизмов и лексем из «русской фени». Таковы, например, тексты Эльмиры Нетесовой, специализирующейся на описании жизни людей, совершивших тяжелые преступления и отвергнутых обществом. Основу языка произведений Нетесовой составляет лексика субстандарта, зачастую непонятная обыкновенному читателю. То есть в произведениях подобного рода арготизмы и жаргонизмы употребляются не со строгим стилистическим заданием, но для создания настоящего шок-контента в рамках художественного пространства.

Субстандартная лексика используется не только в детективных произведениях или текстах, повествующих о тяжелых годах репрессий в Советской России, но и в литературе о молодежи и для молодежи. В таких текстах встречается большое количество единиц из молодежного сленга. Среди подобных произведений следует назвать повести и рассказы М. Кулакова «Аз есмь пацан» [Кулаков, 2019]; Е. Матвеевой «Прощай, Офелия» [Матвеева, 2003]; Т. Красновой «Мальчик из плохой семьи» [Краснова, 2007]; Е. Мурашовой «Класс коррекции» [Мурашова, 2007]; З. Прилепина «Санькя» [Прилепин, 2009] и пр.

Сленг в произведениях такого рода является необходимым условием реалистичности изображения нравов молодежной среды, эмоциональной оценки происходящего. Сленговые словарные единицы выполняют и когнитивную, и кумулятивную, и коммуникативную, и номинативную функции, позволяя авторам создать правдивый портрет молодого человека рубежа XXI века.

В целом следует констатировать, что современные исследования в области субстандартной лексики художественных текстов позволяют разносторонне анализировать все многообразие современного языкового пространства. Современный субстандарт реализует различные функции в художественных текстах, от номинативной до когнитивной и кумулятивной, от выражения эмоций до яркой оценочности. Субстандарт в настоящее время становится источником пополнения стилистически сниженного пласта современной разговорной речи.

ЛИТЕРАТУРА

Агеева А.В. Субстандарт как маркер коммуникативной интенции во франкоязычном Интернет-дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики (Philology. Theory & Practice). 2023. Т. 16, вып. 11. С. 4097–4102.

Балдаев Д.С. Словарь блатного воровского жаргона: в 2 т. М.: Кампана, 1997. 367 с.

Быков В.Б. Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта: дис. … д-ра филол. наук. М., 2001. 311 с

Гинзбург Е.С. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. М.: Сов. писатель, 1990. 601 с.

Грачев М.А. Адаптация арготических единиц в общенародном русском языке в XXI веке // Неофилология. 2022. Т. 8, № 2. С. 210–217.

Грачев М.А. Интервенция криминального языка // Наука и жизнь. 2009. № 4. С. 128–132.

Грачев М.А. Третья волна. // Русская речь. 1992. № 4. С. 61–64.

Грачев М.А., Мокиенко В.М. Русский жаргон: Историко-этимологический словарь. М.: АСТ – Пресс книга, 2009. 336 с.

Даль В.И. Рукописные словари: (офенские, шерстобитов, мазуриков). М.: Флинта: Бизнессофт, 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Калугина Е.Н. Понятийно-теоретический аспект исследования языкового субстандарта // Научный диалог. 2013. № 5(17): Филология. С. 261–269.

Кестер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нонстандарт // Русистика. 1993. № 2. С. 15–31

Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / отв. ред. Т.В. Булыгина. 2-е изд., стер. М.: URSS, 2005. 173 с.

Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Пятигорск, 2005. 50 с.

Краснова Т.А. Мальчик из плохой семьи: повесть // Мы. 2007. № 1. С. 16–74.

Крысин Л.П. О русском языке наших дней // Изменяющийся языковой мир: докл. междунар. науч. конф. (Пермь, 12–17 ноября 2001 г.) / отв. ред.: Б.В. Кондаков, Г.С. Двинянинова. Пермь: Пермский гос. унив., 2002. 296 с.

Кулаков М. Аз есмь пацан: повести и рассказы. М.: У Никитских ворот, 2019. 200 с.

Матвеева Е.А. Прощай, Офелия: повесть. М.: Глобулус, 2003. 250 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона: 25 000 слов, 7000 устойчивых сочетаний. СПб.: Норинт, 2000. 716 с.

Мурашова Е.В. Класс коррекции: повесть. 2-е изд. М.: Самокат, 2007. 188 с.

Никитина Т.Г. Толковый словарь молодежного сленга: слова, непонятные взрослым: около 2000 слов. М.: Астрель: АСТ, 2006. 734 с.

Новикова Т.С. Субстандарт XX века и его контрастивно-художественная интерпретация (на материале повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»): автореф. дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2008. 19 с.

Прилепин З. Санькя: роман. М.: Ad marginem, 2009. 366 с.

Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: полное издание в одном томе / под ред. Н.Д. Солженицыной. М.: Альфа-книга, 2017. 1279 с.

Трахтенберг В.Ф. Блатная музыка. Жаргон тюрьмы / под ред. и с предисл. И.А. Бодуэна де Куртене. СПб.: Тип. А.Г. Розена, 1908. 116 с

Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с

Химик В.В. Разговорная речь как творчество // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г.): труды и материалы / сост. М.Л. Ремнева, О.В. Дедова, А.А. Поликарпов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 374–375.

Шаламов В.Т. Колымские рассказы. М.: Эксмо, 2005. 686 с.

T.S. Novikova
PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Chair of Humanities and Mathematical Sciences,
Smolensk State Agricultural Academy
Smolensk, Russia

Substandard in Literary Texts of the Second Half of the XX – Beginning of the XXI Centuries

The article talks about the use of various substandard units in artistic and artistic-journalistic texts of the second half of the 20th century – the beginning of the 21st century.

In works of art of the 20th century, lexical units from various types of jargon, argot, and youth slang are significant in quantitative terms, although everything depends on the topic and communicative purpose of the author of the text.

Since fiction reflects real reality rethought by the creative imagination of the author, in the 20th century in a number of literary texts the use of substandard vocabulary and phraseology became necessary.

At the same time, many linguistic studies note that the activation of substandard vocabulary and its penetration into colloquial speech reduces the expressive potential of the vocabulary and phraseology of the standard, correlated with the literary language.

Considering substandard vocabulary within the artistic space of Russian literature of the late 20th – early 21st centuries, it should be noted that this vocabulary has become actively in demand in works of the detective genre, in artistic and artistic-journalistic works that comprehend the era of the Great Terror, as well as in works about youth and for youth.

Modern research in the field of substandard vocabulary of literary texts allows us to fully analyze the modern language space. The modern substandard implements various functions in literary texts, from nominative to cognitive and cumulative, from the expression of emotions to vivid evaluativeness. The substandard is currently becoming a source of replenishment of the stylistically reduced layer of modern colloquial speech.

Keywords: *substandard; jargon; argot; social variants of language.*

REFERENCES

Ageeva A.V. Substandard as a marker of communicative intention in French-language Internet discourse [Substandart kak marker kommunikativnoj intencii vo frankojazychnom Internet-diskurse]. *Philological Sciences. Questions of theory and practice,* 2023. Vol. 16. Issue 11. Pp. 4097–4102 (in Russian).

Baldaev D.S. Dictionary of thieves' slang: in 2 volumes [Slovar' blatnogo vorovskogo zhargona]. Moscow: Campana, 1997. From A to P. Moscow: Campana, 1997. 367 p. (in Russian).

Bykov V.B. Lexicological and lexicographical problems in the study of the Russian substandard [Leksikologicheskie i leksikograficheskie problemy issledovanija russkogo substandarta: dissertacija… doktora filologicheskih nauk]. *Dissertation... Doctor of Philology*. Moscow, 2001. 311 p. (in Russian).

Ginzburg E.S. Steep route: Chronicle of the times of the cult of personality [Krutoj marshrut: Hronika vremen kul'ta lichnosti]. Moscow: Soviet writer, 1990. 601 p. (in Russian).

Grachev M.A. Adaptation of argotic units in the popular Russian language in the 21st century [Adaptacija argoticheskih edinic v obshhenarodnom russkom jazyke v XXI veke]. *Neophilology.* 2022. Vol. 8, No. 2. Pp. 210–217 (in Russian).

Grachev M.A. Criminal language intervention [Intervencija kriminal'nogo jazyka]. *Science and life*. 2009. No. 4. Pp. 128–132 (in Russian).

Grachev M.A. Third wave. [Tret'ja volna]. *Russian speech.* 1992. No. 4. Pp. 61–64 (in Russian).

Grachev M.A., Mokienko V.M. Russian jargon: Historical and etymological dictionary. [Russkij zhargon: Istoriko-jetimologicheskij slovar']. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2009. 336 p. (in Russian).

Dal V.I. Handwritten dictionaries: (Ofensky, Sherstobitov, Mazuryk) [Rukopisnye slovari: (ofenskie, sherstobitov, mazurikov)]. Moscow: Flinta: Businesssoft, 2007. 1 electron. wholesale disk (CD-ROM) (in Russian).

Kalugina E.N. Conceptual and theoretical aspect of the study of linguistic substandard [Ponjatijno-teoreticheskij aspekt issledovanija jazykovogo substandarta]. *Scientific dialogue*. 2013. No. 5 (17). Philology. Pp. 261–269 (in Russian).

Köster-Thoma S. Standard, substandard, nonstandard [Standart, substandart, nonstandart]. *Russian Studies*. Berlin, 1993, No. 2. Pp. 15–31 (in Russian).

Kolshansky G.V. Communicative function and structure of language. [Kommunikativnaja funkcija i struktura jazyka]. Edited by T.V. Bulygina. The 2nd ediion, stereotype one. Moscow: URSS, 2005. 173 p. (in Russian).

Korovushkin V.P. Fundamentals of contrastive sociolectology: abstract of the dissertation... Doctor of Philology [Osnovy kontrastivnoj sociolektologii: avtoreferat dissertacii… doktora filologicheskih nauk]. *Pyatigorsk*, 2005. 50 p. (in Russian).

Krasnova T.A. A boy from a bad family: a story [Mal'chik iz plohoj sem'i: povest']. *We.* 2007. No. 1. Pp. 16–74 (in Russian).

Krysin L.P. About the Russian language of our days: The changing linguistic world. [O russkom jazyke nashih dnej: Izmenjajushhijsja jazykovoj mir]. *Report of the Internationl scientific conference (Perm, Perm. University, November 12–17, 2001).* Edited by B.V. Kondakov, G.S. Dvinyaninov. Perm: Perm State University. 2002. 296 p. (in Russian).

Kulakov M. I am a boy: stories and stories. [Az esm' pacan: povesti i rasskazy]. Moscow: At the Nikitskie Gate, 2019. 200 p. (in Russian).

Matveeva E.A. Farewell, Ophelia: [Proshhaj, Ofelija]. Story: For Wednesdays. school age. Moscow: Globulus, 2003. 250 p. (in Russain).

Mokienko V.M. Large dictionary of Russian jargon: 25,000 words, 7,000 stable combinations [Bol'shoj slovar' russkogo zhargona: 25 000 slov, 7 000 ustojchivyh sochetanij]. M. Mokienko, T. G. Nikitina; Saint Petersburg State University. Interdepartmental words office named after prof. B. A. Larina. Saint Petersburg: Norint, 2000. 716 p. (in Russian).

Murashova E.V. Correction class: story [Klass korrekcii: povest']. For middle and high school age. The 2nd edition. Moscow: Samokat, 2007. 188 p. (in Russian).

Nikitina T.G. Explanatory dictionary of youth slang: words incomprehensible to adults: about 2000 words. [Tolkovyj slovar' molodezhnogo slenga: slova, neponjatnye vzroslym: okolo 2000 slov]. Moscow: Astrel: AST, 2006. (Ulyanovsk: Ulyanovsk Printing House). 734 p. (in Russian).

Novikova T.S. Substandard of the 20th century and its contrastive artistic interpretation (based on the story by A.I. Solzhenitsyn «One Day in the Life of Ivan Denisovich» abstract of the dissertation of a candidate of philological sciences. [Substandart XX veka i ego kontrastivno-hudozhestvennaja interpretacija (na materiale povesti A.I. Solzhenicyna «Odin den' Ivana Denisovicha» avtoref. na soisk. uchen. step. kandidata filol. nauk]. Belgorod, 2008. 19 p. (in Russian).

Prilepin Z. Sankya: a novel [San'kja: roman]. Moscow: Ad marginem, 2009. 366 p. (in Russian).

Solzhenitsyn A.I. The Gulag Archipelago: complete edition in one volume [Arhipelag GULAG: polnoe izdanie v odnom tome]. Edited by N.D. Solzhenitsyna. Moscow: Alfa-kniga, 2017. 1279 p. (in Russian).

Trakhtenberg V.F. Blatant music. Prison jargon. [Blatnaja muzyka. Zhargon tjur'my]. Edited and with a preface by Baudouin de Courtenay. Saint Petersburg: Type. A.G. Rosen, 1908. 116 p. (in Russian).

Chemist V.V. Poetics of the low, or Vernacular as a cultural phenomenon. [Pojetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyj fenomen]. Saint Petersburg: Faculty of Philology of Saint Petersburg State University, 2000. 272 p. (in Russian).

Chemist V.V. Spoken speech as creativity [Razgovornaja rech' kak tvorchestvo] // *Russian language: historical destinies and modernity: II International Congress of Russian Language Researchers (Moscow, M.V. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, March 18–21, 2004): Proceedings and materials.* Moscow: Publishing house Mosk. University, 2004. Pp. 374–375 (in Russian).

Shalamov V.T. Kolyma stories [Kolymskie rasskazy]. Mosco: Eksmo, 2005 (JSCTver. polygraph. comb.). 686 p. (in Russian).

Ли Лусы

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы Москва, Россия

УДК 811.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2025-69-1-88-101

ПАРЕМИИ ОБ ОТЦЕ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Ключевые слова: *паремии; русская и китайская лингвокультура; аксиологические ценности.*

В статье говорится о пословицах об отце (батюшке) в паремиологическом фонде русского и китайского языков. В конце XX – начале XXI века в Китае, как и в России, появляется большое количество научных работ по лингвокультурологии, в которых анализируются уникальные аксиологические ценности, а также комплекс универсальных общечеловеческих морально-нравственных аксиологических доминант.

В китайской паремиологической картине мира образ отца соотносим с образом батюшки в русской паремиологии. Полагаем, что это объясняется общностью патриархальных представлений народов об устройстве общества и семьи. Андроцентричный мир русского и китайского крестьянства зафиксировал в пословицах базовые основы «правильного» миропорядка.

В китайских и русских паремиях во многом (не во всем!) отражается одинаковое отношение к роли отца и ценности в жизни общества и отдельного человека. Отец ответственен за всю семью (и материально, и духовно), но при этом его воля, его решения становятся обязательными для домочадцев, которые не должны с ним спорить. Патриархальная мужская иерархия в полной мере отражена в пословицах об отце в русской и китайской лингвокультурах.

Лингвокультура как особая лингвистическая дисциплина дает возможность изучить ценности и антиценности этноса, морально-нравственные идеалы, речеповеденческие стереотипы и традиции, отраженные в устойчивых словесных комплексах.

Фразеологический и паремиологический фонд любого языка выражает уникальные аксиологические ценности, а также комплекс универсальных общечеловеческих морально-нравственных аксиологических доминант.

В российском языкознании лингвокультурологические исследования получили активное развитие в последние десятилетия, когда был обоснован принцип антропоцентричности, который провозглашал, что человек должен

быть помещен в центр научного знания. В связи с этим постулатом возник целый комплекс проблем, требующих научного решения и осмысления, в том числе и описание этномаркированных компонентов национального сознания.

Лингвокультура как научная дисциплина получила развитие в связи с анализом неразрывной связи между языком и культурой народа. Об этом писали еще во времена Античного мира. Античные философы, начиная с Демокрита, полагали, что история человечества движется от дикости к цивилизации и в это время возникает язык и культура; причем уже в период зарождения различных представлений о появлении и развитии языка, о взаимосвязи языкового знака с реальными предметами вещного мира разрабатываются концепции о взаимосвязи языкового знака и культуры при обозначении абстрактных понятий. Платон полагал, что язык выражает представления человека об окружающей действительности путем соединения «истинных и ложных имен» (то есть названий), что порождает правильное или неверное представление человека об окружающем мире. По сути, древнегреческие философы создали первую в мире философию языка и первое учение о естественном возникновении речи, связанном с появлением культуры и необходимостью передачи знаний.

Китайское языкознание в древнейшие времена также предлагало свое осмысление происхождения языка и культуры, их взаимосвязи.

Как и для античных философов, главным для китайских ученых стал вопрос о связи имени (слова и его звуковой оболочки) со смысловым его наполнением. Конфуций полагал, что такая связь существует и она упорядочена, а представители даосской традиции считали, что подобная связь произвольна. Конфуций также учил, что если связь «имени» и реальной действительности нарушена, то возникает хаос, поэтому подобную связь нужно восстанавливать, отсюда и идея «исправления имен». Сюнь Куан, живший в III веке до н.э., предложил концепцию, по которой «исправление имен» не требовалось, так как изначально связь между словом и реальной действительностью была произвольной, но стала восприниматься как «правильная», так как люди «договорились» считать верной эту связь. То есть «правильной» связь «имени» (слова) и реального предмета или явления следует считать по традиции употребления.

В целом «…лингвистическое знание Древнего Китая не может не быть заданным, закодированным изначально концепциями религиозных и философских мировоззрений, базируясь на аксиологическом фундаменте конфуцианства и даосизма, подвергаясь влиянию проникающего из Индии буддизма…», – справедливо указывает В.А. Шелбогашев в статье «Философские основания лингвистического знания в Древнем Китае» [Шелбогашев, 2017, *106*].

Поскольку китайская традиция языкознания всегда основывалась на постулатах об уникальности китайского языка, китайской иероглифической письменности и культуры, она не оказала никакого влияния на европейскую

традицию анализа соотношения языка и культуры. По сути, схожие представления о соотношении языка и культуры и в Древнем Китае, и в Античной Греции свидетельствуют о том, что уже в древнейшие времена начала развития языкознания вопросы о связи слова, реальных предметов и явлений, а также слова и культуры народа были одними из центральных.

В европейской традиции о взаимовлиянии языка и культуры писали на протяжении столетий, однако идеи систематического изучения национальных языков в аспекте влияния культурных факторов оформились лишь в XIX веке. В этот период шло не только активное формирование системы национальных языков, но и их динамичное исследование. В. Гумбольдт полагал, что язык отражает «народный дух» и является основой самопознания народа, а также познания народом окружающей действительности [Гумбольдт, 1984].

О взаимовлиянии языка и культуры писали создатели знаменитых сказок братья Гримм, которые считаются основателями мифологической школы.

В начале XX века независимо друг от друга ученые Э. Сепир и Б. Уорф предложили гипотезу, которую впоследствии назвали теорией «лингвистической относительности». Сущность этой теории заключается в том, что язык определяет структуру и способ мышления человека, то есть язык зависит от культуры, но культура отражается в языке. Б. Уорф писал: «Язык является системой, а не просто комплексом норм. Структура большой системы поддается существенному изменению очень медленно, в то время как во многих других областях культуры изменения совершаются сравнительно быстро. Язык, таким образом, отражает массовое мышление; он реагирует на все изменения и нововведения, но реагирует слабо и медленно, тогда как в сознании производящих изменения все происходит моментально» [Уорф, 1960].

Уорф полагал, что язык определяет национальное стереотипное языковое поведение человека, то есть окружающий мир, являясь одним и тем же, воспринимается представителями различных народов неодинаково, поскольку знаки обозначения (слов языка) имеют различные оттенки значений. То есть представители различных культур по-разному воспринимают окружающую действительность.

В работе «Язык» Э. Сепир отмечал: «Язык – это в первую очередь продукт социального и культурного развития, и воспринимать его следует именно с этой точки зрения» [Сепир, 1993б].

Сепир указывает: «Переход от одного языка к другому психологически подобен переходу от одной геометрической системы отсчета к другой. Окружающий мир, подлежащий выражению посредством языка, один и тот же для любого языка... Однако формальные способы обозначения того или иного элемента опыта, равно как и той или иной точки пространства, столь различны, что возникающее на их основе ощущение ориентации не может быть тождественно ни для произвольной пары языков, ни для произвольной пары систем отсчета» [Сепир, 1993а, *252*].

В России о вопросах влияния культуры на язык рассуждал еще Ф.И. Буслаев в работе середины XIX века «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию», где отмечал, что на язык влияют «предания и верования народа».

В середине XX века об этнокультуре и ее отражении в языке писал Н.И. Толстой, который ввел понятие этнолингвистики [Толстой, 1995].

Однако, несмотря на общелингвистические идеи о взаимовлиянии языка и культуры в европейском, российском и китайском языкознании, лингвокультурология как отдельная лингвистическая дисциплина оформилась только в конце XX – начале XXI века.

В 1995 году В.В. Воробьев представил научному сообществу диссертацию «Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии», а затем опубликовал монографию «Лингвокультурология. Теория и методы», где было дано определение лингвокультурологии, которая охарактеризована как «комплексная научная дисциплина, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и культурного содержания» [Воробьев, 1997, *4*].

Основы лингвокультурологии были заложены в работах В.М. Шаклеина, который утверждает, что «современная лингвокультурология выступает как новая самостоятельная парадигма исследовательского подхода и взаимосвязи языка и культуры» [Шаклеин, 2003, *6–12*].

О лингвокультурологии как отдельной научной дисциплине, находящейся в парадигме различных научных направлений – от лингвистики, культурологии, истории культуры, этнографии до палеографии и археологии, писали Н.Д. Арутюнова, В.А. Маслова, Н.Ф. Алефиренко, В.Н. Телия, В.М. Мокиенко, Ю.С. Степанов, В.Г. Костомаров, В.В. Красных, В.И. Карасик, И.А. Стернин и др.

Ю.С. Степанов рассматривает лингвокультуру как часть антропоцентрической парадигмы современных лингвистических исследований, а также как составляющую когнитивного направления в языкознании. Он указывает: «Лингвокультурный подход к пониманию концепта (= культурного концепта) состоит в том, что концепт признается базовой единицей культуры, ее концентратом» [Степанов, 1997, *41*].

Н.Ф. Алефиренко предлагает следующее объяснение сущности лингвокультуры: «Лингвокультура – неотъемлемая часть любой этнокультуры, представляющая собой синергетически возникшую амальгаму (слияние, сплав, совокупность) взаимосвязанных явлений культуры и языка, зафиксированную и освоенную определенным этноязыковым сознанием» [Алефиренко, 2010, *51*].

В.Н. Телия полагает, что лингвокультура представляет собой «часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [Телия, 1996, *217*].

Концепцию В.Н. Телии о важности лингвокультурного описания фразеологической системы русского языка можно дополнить тезисом о необходимости изучения паремиологического фонда любых языков в сравнительно-сопоставительном аспекте для выявления сходства и различий в этноментальном восприятии аксиологических ценностей различных народов.

Полагаем, что следует отметить сходные тезисы китайского языкознания. Современное изучение в Китае родного языка связывается с выявлением влияния культуры на языковые стереотипы и особенности поведения.

В конце XX века в Китае, как и в России, появляется большое количество научных работ по лингвокультурологии, укажем только некоторые из них. Например, работу Чжао Айго «Несколько философских размышлений об основах теоретической лингвокультурологии», в которой он утверждает, что «лингвокультурология является всеобъемлющей дисциплиной. По сравнению с лингвострановедением, объект исследования лингвокультурологии более обширен и глубок. Лингвокультурология фокусируется не только на интерпретации культурной семантики лингвистических символов, но и концентрируется на механизме формирования системы знаний коммуникаторов. Кроме того, лингвокультурология также фокусируется на характеристике языка, языковой форме, особенностях языковой системы и других проблемах» [Чжао Айго, 2011, *31–32*]. Чжао Айго отмечает, что лингвокультурология является частью антропоцентрического подхода в лингвистике.

Пэн Вэнчжао в статье «Лингвокультурология: происхождение и развитие» утверждает, что целью исследования лингвокультурологии является «сосредоточение внимания на эффективности и расширении национальной культуры языка». «Лингвокультурология как дисциплина направлена на изучение того, как проявляются и интерпретируются различные формы национальной культуры» [Пэн Вэнчжао, 2008, *15–16*].

Лингвокультурологические исследования русского и китайского языков включают рассмотрение паремиологии, в которой репрезентируется система национальных ценностей и антиценностей, закрепляются стереотипы национального сознания и поведения, отражаются традиции, обычаи и верования этносов.

В диссертационном исследовании «Семантика чрезмерности в русских пословицах на фоне паремий китайского языка (лингвокультурологический аспект)» Шан Вэньцин справедливо отмечает: «Пословичная картина мира является составляющей языковой картины мира, репрезентирует предметы и явления окружающего мира, их осмысление и оценку носителями определенной культуры совокупностью единиц паремиологического пространства языка» [Шан Вэньцин, 2022, *28*].

В любой лингвокультуре находят отражение представления народа о семье, о взаимоотношениях внутри семьи. Паремиологический фонд русского и китайского языков зафиксировал многочисленные паремии о матери и отце, родителях в целом. Именно эти пословицы отражают глубинные, находящие практически без изменений с древнейших времен представления о том, как должна быть устроена семья, являющаяся основой жизни вообще.

Рассматривая китайские пословицы о семье, об отце, следует уточнить, что китайская паремиология и китайская фразеологическая система довольно сложны. В китайском языке существует большое количество устойчивых выражений, среди которых выделяются:

成语 (дословно «готовое выражение») – идиома, чэнъюй;

谚语 – пословица, яньюй (дословно «законченное выражение»);

歇后语 (дословно «речение с усеченной концовкой») – недоговорка-иносказание (выражение с определенной недосказанностью);

惯用语 сехоуюй (дословно «привычное выражение») – фразеологическое сочетание;

俗语 гуаньюнъюй (дословно «просторечное выражение») – поговорка; суюй.

Мы рассматриваем яньюй и гуаньюнъюй, что соотносится в русском языкознании с пословицами и поговорками.

В российской лингвистике пословицы и поговорки системно изучаются с XIX века, когда появляются первые научные словари пословиц и поговорок. В настоящее время пословицы в различных парадигмах научного знания рассматриваются в зависимости от исследовательских направлений. Но в целом все исследователи пишут о тесной связи фразеологии и паремиологии, некоторые даже включают паремии в состав фразеологической системы языка, широко рассматривая фразеологию.

Так, например, в книге А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского «Аспекты теории фразеологии» указывается, что пословицы – «это фразеологизмы со структурой предложения, имеющие в своем значении идею всеобщности, иллокутивную семантику рекомендации или совета (нравоучения) и характеризующиеся относительной дискурсивной самостоятельностью» [Баранов, Добровольский, 2008, *69*].

В.М. Мокиенко рассматривает пословицу как «минимальный художественный текст… как таковой она, в отличие от такой строевой единицы языка, как слово, воспринимается индивидуально, избирательно. Пословиц “для всех” нет, поскольку их употребляют по индивидуальному вкусу, в зависимости от языковой компетенции и отношению к Слову как эстетической категории» [Мокиенко, 2015, *17*].

Л.Б. Савенкова в монографии «Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты» поясняет, что пословицы – это «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, хотя бы часть элементов которого наделена переносным значением и которое пригодно к использованию в дидактических целях» [Савенкова, 2002, *100*].

Несмотря на различные трактовки сущностных характеристик пословиц, при рассмотрении паремий все современные лингвисты сходятся во мнении, что они представляют собой неотъемлемую часть лингвокультуры.

Китайская и русская лингвокультуры являются традиционно-патриархальными. По наблюдениям многих лингвокультурологов и паремиологов, пословицы отражают андроцентрический взгляд на мир, поскольку большая часть пословиц создавалась мужчинами. Именно поэтому в паремиологическом фонде и китайского, и русского языков содержится большое количество паремий о женщинах с отрицательной коннотацией.

У бабы волос долог, да (а) ум короток.
Курица не птица, баба не человек.
Баба черта перехитрит.
Баба – вторая сатана [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

***

女人心，海底针 Женское сердце так же непредсказуемо, как игла, которая погружается на дно моря (о женской неверности и непредсказуемости).

女人的心，秋天的云 Женское сердце непостоянно, как осенние облака, плывет по течению (о женском непостоянстве).

嫁鸡随鸡，嫁狗随狗 Если ты выйдешь замуж за курицу, ты следуешь за курицей, если ты выйдешь замуж за собаку, ты следуешь за собакой (о полном бесправии женщины и зависимости от мужчины) [温端政. 中国俗语大辞典. 上海:上海辞书出版社, 1989].

В китайской и русской паремиологии пословицы о матери и отце как основе семьи и жизни любого человека являются многочисленными. В этих пословицах немного отрицательных характеристик, отец и мать в паремиологической картине мира обоих народов пользуются большим уважением, об их отрицательных чертах пословиц практически нет.

Образ *отца, батюшки* в русских пословицах связан прежде всего с христианскими верованиями. В соответствии с христианской православной традицией отец в семье наделяется качествами Бога-Отца (в христианской Троице: Бог-Отец, Бог-Сын и Бог – Святой дух). Он является справедливым, заботливым, благодаря его стараниям и трудам семья живет хорошо. Отцу необходимо подчиняться, так как он лучше знает, что нужно его детям.

Отец-батюшка всегда думает о своих детях, русские паремии отмечают, что батюшка – самый близкий человек (хотя такие же пословицы и о матушке).

Нет дружка, как батюшка.

Нет такого дружка, как родимая матушка да родимый батюшка [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

Отец бучит – не на худо учит [Даль, 1989]. В данной пословице *бучит* – значит «ругает, наставляет, учит жизни».

Те счастливцы дети, от коих отец и мать радость может имети [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

Батюшка определял жизнь детей, по его воле заключались браки, определялась доля имущества семьи, положенного детям. Но отец зачастую и терпел от своих детей обиды, так как не смог их правильно воспитать.

Каков батюшка, таковы у него и детки.

Детки подросли – отца растрясли; оттого растрясли, что умел отец родить, а не умел разуму научить.

Родимый мой ***батюшка****, прошу ни злата, ни серебра, а прошу твоего родительского благословения (невеста родителю)* [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

Отец и мать в национальной картине мира русского народа всегда стремятся помочь своим детям независимо от того, что дети бывают неблагодарными, не хотят слушать наставлений, совершают плохие поступки.

Отец *накопил, а сын раструсил.*

В глупом сыне и ***отец*** *не волен.*

Дети крадут, ***отец*** *прячет. Дети воруют, мать горюет* [Даль, 1989].

Творят дети, а отец в ответе [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

В паремиологической системе русского языка с образом *батюшки* соотносят важнейшие аспекты человеческой жизни, в частности хлеб, без которого невозможно существование ни одной семьи.

Хлеб – батюшка, вода – матушка.

Хлеб – батюшка, водица – матушка.

Хлеб – батюшка, картошка – матушка.

Хлеб – батюшка-кормилец.

Хлеб – батюшка, кормилец: кроху наземь уронить грешно.

Хлеб – дар Божий, отец, кормилец [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

Олицетворение хлеба, наделение его чертами отца семейства свидетельствует о том, что *батюшка* и *хлеб* – основа русской национальной системы ценностей. В этих концептах выражается представление о ценности самой жизни, исторически это основа всего бытия русского крестьянина.

В статье А.К. Волошкина «Актуализация концепта “Хлеб”» справедливо указывается: «Можно с уверенностью сказать, что концепт хлеб и является одной из констант культуры и языка русского (и не только) лингвокультурного пространства, которая останется до тех пор, пока существует жизнь на Земле» [Волошкин, 2017, *73*].

Батюшка, отец в русской паремиологической картине мира соотносился с Богом, а также с главой светской власти – царем. Отсюда и пословицы:

У меня молодца четыре отца, пятый ***батюшка*** *(бог, царь, духовник, крестный, родитель).*

Бог до людей, а отец до детей [Даль, 1989].

В китайской паремиологической картине мира образ *отца* соотносим с образом батюшки в русской паремиологии. Полагаем, что это объясняется общностью патриархальных представлений народов об устройстве общества и семьи. Андроцентричный мир русского и китайского крестьянства закрепил в пословицах базовые основы «правильного» миропорядка.

Китайская лингвокультура зафиксировала еще и ценностную парадигму древней китайской философии, во многом основанной на концепции Конфуция о «благородном муже» (то есть благородном мужчине, отце семейства). Согласно Конфуцию, каждый мужчина несет ответственность за благополучие своей семьи, это касается и материальной, и духовной составляющей. Если отец не сумел воспитать почтительных сыновей и дочерей, то его прошедшая жизнь считалась никчемной. Конфуций, хотя и пишет в известном трактате «Сяо Цзин» о сыновней почтительности, не снимает с отца ответственности за неправильное построение семьи и плохое воспитание детей. Конфуций считал, что в семье все должно быть построено на гармонии отношений, но гармония соотносится с полным повиновением младших страшим, детей и жены отцу и мужу. Именно такая модель семейных отношений и зафиксирована в китайской паремиологии, до настоящего времени по большому счету она не оспаривается, хотя современная эпоха диктует свои правила семейной жизни в Китае.

Нужно отметить, что в «Сяо Цзин» Конфуций описал не только идеальную модель семьи, но и, по сути, идеальное устройство государства, в котором старшие заботятся о младших (богатые и власть имущие о бедных и слабых), а младшие почтительны со старшими и с благодарностью им повинуются. При этом все выполняют свои обязанности, никто не злоупотребляет властью и не протестует. Отношения в государстве, по Конфуцию, должны строиться по модели отцовско-сыновних отношений.

Приведем в качестве примера ряд пословиц, репрезентирующих представления китайского народа о хорошем отце.

父兄失教，子弟不堪. Дети не вырастут хорошими, если отцы не будут воспитывать своих детей, а братья не будут воспитывать своих братьев и сестер.

父子无礼，其家必凶；兄弟无礼，不能久同 *Без вежливости между отцом и сыном в его семье обязательно случится несчастье; без вежливости между братьями невозможна жизнь.*

父子相疑，其家不祥；君臣相疑，其国多难 *Когда отцы и сыновья подозревают друг друга, семья неблагополучна; когда государь и его министры подозревают друг друга, на страну обрушиваются бедствия.*

父子不和家不旺，邻里不和是非多 *Если отцы и сыновья не ладят друг с другом, семьи вряд ли будут процветать; если соседи не ладят друг с другом, будут частые ссоры.*

父不疼，子不孝 *Если отец не любит своего сына, сын не будет уважать его, когда вырастет.*

父道尊，母道亲 *Отцы должны сохранять достоинство, а матери – милость к своим детям* [温端政. 中国俗语大辞典. 上海:上海辞书出版社, 1989].

То есть в китайских пословицах об отце народная мудрость не просто определяет отцовское поведение, но и выражает предостережения по поводу неразумного поведения, поучает, как именно должен отец заботиться о своих детях.

В китайской лингвокультуре особое отношение к обучению, получению новых знаний, к учителю (наставнику) как второму отцу. Поэтому в ряде паремий говорится о том, что отцы (и матери) должны заботиться об образовании детей.

养子不教父之过. *Отец виноват в том, что вырастил сына и не дал ему образования.*

儿要自养，谷要自种l *Сына надо растить самому, и зерно надо выращивать самому.*

知子莫若父，知女莫若母 *Отец знает сына лучше всего, мать знает дочь лучше всего.*

教子之法，莫叫离父；教女之法，莫叫离母 *Отец виноват в том, что плохо учил своего сына, а мать – в том, что плохо воспитывала свою дочь* [温端政. 中国俗语大辞典. 上海:上海辞书出版社, 1989].

Многие китайские паремии об отце соотносятся тематически с русскими пословицами. Так, например, китайская пословица ***有其父必有其子*** *Каков отец, таков и сын* выражает ту же основную идею, что и русская паремия: *Каков батька, таковы и детки*.

Приведем еще один пример: 子孙虽愚，经书不可不读 *Хотя наши дети и внуки могут быть глупцами, мы не должны забывать читать Священные Писания.* То есть, когда дети и внуки глупцы, а родители и деды ничего не могут сделать, остается только молиться.

Соотносительные русские пословицы: *Глупому сыну и родной* ***отец*** *ума не пришьет. Сын запоет – и* ***отец*** *не уймет. Сын мой, а ум у него свой* [Даль, 1989].

В русской и китайской патриархальной лингвокультуре репрезентируется особое отношение к сыновьям. В Китае и России господствовало представление, что взрослый сын – опора семьи, он должен заботиться о престарелых родителях, почитать и оберегать их. Дочери в Китае всегда считались не совсем частью семьи отца и матери, дочери уходили в другую семью. Именно поэтому в китайской паремиологии содержатся такие пословицы.

养儿人家热腾腾，养女儿***家冷清清*** *Воспитание сына, который женится и родит ребенка, – дело живое, а воспитание дочери, которая вырастет и выйдет замуж, оставит дом пустым и очень холодным.*

嫁出去的姑娘, 泼出去的水 *Замужняя дочь подобна воде, которую выбросили (вылили)* [温端政. 中国俗语大辞典. 上海:上海辞书出版社, 1989].

Но при этом китайская лингвокультура содержит паремии, в которых поучительно утверждается, что сыновья и дочери должны создавать семьи, а родители не должны их удерживать при себе.

女儿大了理当嫁, ***女大不嫁人笑***话 *Дочери должны выходить замуж, когда они достаточно взрослые. Если она не выйдет замуж, люди будут сплетничать о ней.*

男大须婚，女长须嫁 *Юноши должны жениться, когда становятся старше, девушки должны выходить замуж, когда становятся старше* [温端政. 中国俗语大辞典. 上海:上海辞书出版社, 1989].

Русская и китайская лингвокультуры содержат ряд паремий, которые философски осмысляют любовь родителей к своим детям и, наоборот, равнодушие и даже жестокость детей по отношению к родителям.

天下有狠心的儿女, ***无狠心的爹娘***. *Есть жестокосердные сыновья и дочери, но нет жестокосердных отцов и матерей* [温端政. 中国俗语大辞典. 上海:上海辞书出版社, 1989].

Матка по дочке плачет, а дочка по доске скачет [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

Подводя итоги рассмотрения репрезентации образа отца в русских и китайских паремиях, следует указать, что во многом (не во всем!) китайская

и русская лингвокультуры отражают одинаковое отношение к роли и ценности отца в жизни общества и отдельного человека. Отец ответственен за всю семью (и материально, и духовно), но при этом его воля, его решения становятся обязательными для домочадцев, которые не должны с ним спорить. Патриархальная мужская иерархия в полной мере отражена в пословицах об отце в русской и китайской лингвокультурах.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: Флинта, 2010. 224 с.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.

Волошкин А.К. Актуализация концепта «Хлеб» // Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология. 2017. Т. 23, № 1.1. С. 72–76.

Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. М.: РУДН, 1997. 331 с.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред., с предисл. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 397 с.

Даль. В.И. Пословицы русского народа. В 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 431 с. Т. 2. 447 с. URL: https://vdahl.ru/ (дата обращения: 28.04.2024).

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

Мокиенко В.М. Аспекты исследования славянской паремиологии // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS, 2014. 294 с.

Пэн Вэнчжао. Лингвокультурология: происхождение и развитие // Вестник Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли. 2008. № 4(19). С. 15–20.

Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 240 с.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. М.: Прогресс, 1993а. 655 с.

Сепир Э. Язык. М., 1934. XX, 223 с. То же: Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс: Изд. группа «Универс», 1993б. С. 26–203.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.

Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по слав. мифологии и этнолингвистике / предисл. А. Журавлева. М.: Индрик, 1995. 509 с.

Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике / под ред. В.А. Звегинцева. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. Вып. 1. С. 157–201. URL: http://philology.ru/linguistics1/whorf-60.htm (дата обращения: 28.04.2024).

Чжао Айго. Несколько философских размышлений об основах теоретической лингвокультурологии // Вестник Института иностранных языков НОАК. 2011. № 1(34). С. 31–35.

Шаклеин В.М. Современная парадигма лингвокультурологических исследований // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2003. № 1. С. 6–12.

Шан Вэньцин. Семантика чрезмерности в русских пословицах на фоне паремий китайского языка (лингвокультурологический аспект): дис. … канд. филол. наук. СПб., 2022. 359 с.

Шелбогашев В.А. Философские основания лингвистического знания в Древнем Китае // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2017. № 7(184). С. 103–109.

温端政. 中国俗语大辞典. 上海:上海辞书出版社, 1989 年 1252 页. (Вэнь Дуаньчжэн. Большой словарь китайских пословиц. Шанхай: Шанхайское словарное изд-во, 1989. 1252 с.).

郑宏峰, 姜瑞良. 中华谚语. 北京: 线装书局, 2008 年 779 页. (Чжэнь Хунфэн, Цзян Жуйлян. Пословицы китайского языка. Пекин: Книжный дом Сяньчжуань, 2008. 779 с.).

Lee Lousy
Postgraduate Student,
Chair of General and Russian Linguistics,
RUDN University
Moscow, Russia

Paremias about Father in Russian and Chinese Linguacultures

The article deals with proverbs about father (papa) in the paremiological fund of the Russian and Chinese languages. At the end of the 20th – beginning of the 21st centuries. In China, as in Russia, a large number of scientific works on linguoculturology are appearing, which analyze unique axiological values, as well as a complex of universal common to mankind moral axiological dominants.

In the Chinese paremiological picture of the world, we correlate the image of the father with the image of the priest in Russian paremiology. We believe that this is explained by the common patriarchal ideas of peoples about the structure of society and the family. The androcentric world of the Russian and Chinese peasantry recorded in proverbs the basic foundations of the «correct» world order.

In Chinese and Russian linguistic culture, proverbs largely (not all) reflect the same attitude towards the role of the father and value in the life of society and the individual. The father is responsible for the entire family (both financially and spiritually), but at the same time his will, his decisions become binding on the household, who should not argue with him. The patriarchal male hierarchy is fully reflected in proverbs about the father in Russian and Chinese linguistic cultures.

Keywords: *proverbs; Russian and Chinese linguistic culture; axiological values.*

REFERENCES

Alefirenko N.F. Linguoculturology. The value-semantic space of language: a textbook. [Lingvokul'turologija. Cennostno-smyslovoe prostranstvo jazyka: uchebnoe posobie]. Moscow: Flinta, 2010. 224 p. (in Russian).

Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. Aspects of the theory of phraseology. [Aspekty teorii frazeologii]. Moscow: Znak, 2008, 656 p. (in Russian).

Voloshkin A.K. Updating the concept «Bread» [Aktualizacija koncepta «Hleb»]. *Bulletin of Samara University*. History. Pedagogy. Philology. Saratov, 2017. Vol. 23 No. 1.1. Pp. 72–76 (in Russian).

Vorobiev V.V. Linguoculturology. Theory and methods. [Lingvokul'turologija. Teorija i metody]. Moscow: RUDN, 1997. 331 p. (in Russian).

Humboldt V. Selected works on linguistics. [Izbrannye trudy po jazykoznaniju]. Translated by G.V. Ramishvili. Moscow: Progress, 1984. 397 p. (in Russian).

Dahl. V.I. Proverbs of the Russian people, in 2 volumes. [Poslovicy russkogo naroda, v 2 t.]. Moscow: Fiction literature, 1989. Vol. 1. 431 p. Vol. 2. 447 p. Available at: https://vdahl.ru/ (accessed on April 28, 2024) (in Russian).

Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. Large dictionary of Russian proverbs. [Bol'shoj slovar' russkih poslovic]. Moscow: OLMA Media Group, 2010. 1024 p. (in Russian).

Mokienko V.M. Aspects of the study of Slavic paremiology [Aspekty issledovanija slavjanskoj paremiologii]. P*aremiology in discourse: General and applied issues of paremiology. Proverb in discourse and text. Proverb and linguistic picture of the world / International com. Slavists, Phraseological Commission.* Edited by O.V. Lomakina. Moscow: URSS, 2014. 294 p. (in Russian).

Peng Wenzhao Linguoculturology: origin and development [Lingvokul'turologija: proishozhdenie i razvitie]. *Bulletin of Guangdong University of Foreign Languages and Foreign Trade.* 2008. No. 4(19). Pp. 15–20 (in Russian).

Savenkova L.B. Russian paremiology: semantic and linguocultural aspects. [Russkaja paremiologija: semanticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty]. Rostov-on-Don: Rostov State University, 2002. 240 p. (in Russian).

Sapir E. Selected works on linguistics and cultural studies [Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii]. Translated from English. Moscow: Progress, 19936. 655 p. (in Russian).

Sapir E. Language. [Jazyk]. Moscow, 1934. XX, 223 p.; the same: *Sapir E. Selected works on linguistics and cultural studies*. Moscow: Progress: Publishing house group «Univers», 1993. Pp. 26–203 (in Russian).

Stepanov Yu.S. Constants. Dictionary of Russian culture: Research experience. [Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury: Opyt issledovanija]. Moscow: Languages of Russian culture. 1997. 824 p. (in Russian).

Telia V.N. Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects. [Russkaja frazeologija: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty]. Moscow: School «Languages of Russian culture». 1996. 284 p. (in Russian).

Tolstoy N.I. Language and folk culture: Essays on fame. mythology and ethnolinguistics. [Jazyk i narodnaja kul'tura: Ocherki po slav. mifologii i jetnolingvistike]. Preface by A. Zhuravleva. Moscow: Indrik, 1995. 509 p. (in Russian).

Whorf B. Relation of norms of behavior and thinking to language [Otnoshenie norm povedenija i myshlenija k jazyku]. *New in linguistics*. Edied by V.A. Zvegintseva. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1960. Vol. 1. Pp. 157–201 Available: http://philology.ru/linguistics1/whorf-60.htm (in Russian).

Zhao Aiguo. Several philosophical reflections on the foundations of theoretical linguoculturology. [Neskol'ko filosofskih razmyshlenij ob osnovah teoreticheskoj lingvokul'turologii]. *Bulletin of the Institute of Foreign Languages of the PLA.* 2011. No. 1(34). Pp. 31–35 (in Russian).

Shaklein V.M. Modern paradigm of linguistic and cultural research. [Sovremennaja paradigma lingvokul'turologicheskih issledovanij]. *Bulletin of RUDN University. Series: Russian and foreign languages and methods of teaching them.* 2003. No. 1. Pp. 6–12 (in Russian).

Shang Wenqing Semantics of excess in Russian proverbs against the background of Chinese language proverbs (linguistic and cultural aspect. Thesis for the degree of candidate of philological sciences. (as a manuscript). [Semantika chrezmernosti v russkih poslovicah na fone paremij kitajskogo jazyka (lingvokul'turologicheskij aspekt]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 2022. 359 p. (in Russian).

Shelbogashev V.A. Philosophical foundations of linguistic knowledge in Ancient China. [Filosofskie osnovanija lingvisticheskogo znanija v Drevnem Kitae]. *TSPU Bulletin.* 2017. Vol. 7 (184). Pp. 103–109 (in Russian).

温端政. 中国俗语大辞典. 上海:上海辞书出版社, 1989 年 1252 页. (in Chinese).

郑宏峰, 姜瑞良. 中华谚语. 北京: 线装书局, 2008 年 779 页. (in Chinese).

А.А. Стрельцов

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия

УДК 81.111'255.2

DOI 10.35785/2072-9464-2025-69-1-102-116

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В АНГЛО- И ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX И XX ВЕКОВ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: *воображаемая геральдика; герб; перевод терминов; художественный перевод; соответствие.*

В статье анализируются особенности передачи геральдических терминов в художественной литературе. Материалом послужили отрывки из различных англо- и франкоязычных произведений и их переводы на русский язык. Исследуемые фрагменты содержат упоминание тех или иных геральдических терминов, называющих отдельные геральдические элементы и фигуры или служащих для описания вымышленного герба одного из персонажей. Показано, как разные переводчики смогли преодолеть встретившиеся переводческие трудности: многие из них незнакомы со спецификой блазонирования (геральдического описания), а в словарях зачастую отсутствуют отдельные термины или узкоспециальные значения слов, что часто приводит к неточностям и ошибкам в описании отдельных элементов герба и геральдических фигур. Выявлено, что терминологические соответствия в русскоязычных переводах встречаются реже, чем нейтральные. В отдельных случаях имели место опущения, добавления, генерализация, калькирование, контекстуальная замена и описательный перевод.

Результаты исследования могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности, связанной с изучением особенностей художественного перевода историко-приключенческой литературы.

Сюжет – это, безусловно, основа любого художественного произведения, но реалистичность повествованию придают детали – различные подробности, помогающие раскрыть образ персонажа или создать нужную атмосферу. Нередко для этого используется специальная лексика – реалии, историзмы, термины.

Объектом настоящего исследования являются лексические единицы специального языка – геральдического, а предметом – лексические особенности функционирования геральдического языка в художественной литературе. Ранее [Moiseiuk, 2021] осуществил схожее исследование, но количество примеров в его работе было невелико, их отбор не был системным, и в

статье отсутствовал переводоведческий аспект. В статье [Бойко, 1997], посвященной вымышленным гербам и флагам, упоминаемым в художественных проведениях, их переводу уделено немного внимания. При этом в статье для специализированного журнала автор совершенно верно указал: «Все подобные упоминания… служат своеобразным источником геральдической информации, зачастую недоступной по различным причинам или же малодоступной узкому кругу специалистов. Однако гораздо большее внимание должны привлечь гербы литературных персонажей… В отличие от реальных символов, последние живут лишь на страницах романа или рассказа, являясь порождением фантазии писателя» [Бойко, 1997, *143*]. В свою очередь, мы уже обращались к вопросу перевода описания герба литературного персонажа или отдельных элементов на примере фрагмента [Стрельцов, 2023b] или произведений одного автора [Стрельцов, 2023a].

В настоящей статье мы изучим, как используются геральдические термины в франко- и англоязычной литературе и как они передаются с этих двух иностранных языков на русский. Источником материала для исследования послужил Национальный корпус русского языка (НКРЯ), в частности основной и параллельный подкорпуса, а также по одному примеру взято нами из статей [Бойко, 1997; Moiseiuk, 2021]. Нами проанализированы вымышленные геральдические символы из произведений В. Набокова, А. Кристи, Дж. Голсуорси, В. Скотта, Э. Гаскелл, А. Дюма, А. Конан-Дойля, Ж. Верна, Э. Бульвер-Литтона, Н. Готорна, Т. Гарди и их переводов на русский язык; где представлялось возможным, мы применили сопоставительный анализ переводов. Для удобства анализа все примеры сгруппированы в зависимости от рассматриваемого геральдического элемента (щит, шлем, девиз и т.д.) и расположены внутри групп в хронологическом порядке – по году написания оригинального произведения. Примеры в тексте выделены курсивом, и перед каждым содержится указание, на каком языке он приводится: англ. (английский), фр. (французский) или рус. (русский). Основными методами являются описательный и сравнительно-сопоставительного анализа.

1. Девиз (motto) на латыни.

1.1. В романе Вальтера Скотта «Ivanhoe» упоминается, что у барона Фрон де Бефа (Front-de-Boeuf), который являлся весьма высокомерным человеком, девиз был соответствующим: англ. *arrogant motto*, «Cave, Adsum». В прижизненном переводе неизвестный переводчик прибег к дополнению и описательному переводу: рус. *изъ двухъ дерзкихъ словъ на Латинскомъ языкѣ: «Cave, adsum, то есть: берегись, я здѣсь»*. В более позднем переводе, выполненном также неизвестным, указано: *съ надменною надписью*: переводе Е. Бекетовой – *с хвастливым девизом*: «Берегись, вот я». Таким образом, в трех вариантах перевода представлены три способа передачи

иноязычного вкрапления: экспликация, переводческий комментарий и семантический перевод, причем в последнем случае предшествующий термин передан словарным соответствием, в более раннем переводе – генерализацией (девиз – это надпись на гербах, орденах), а в первом по времени – с избыточной описательностью.

1.2. В романе Жюль Верна «20 000 Lieues sous les mers» упоминается девиз (фр. *devise*) подводного судна «Наутилус»: MOBILIS IN MOBILI. Далее в оригинале следует перевод, или даже толкование: фр. *Mobile dans l'élément mobile*!, и небольшое пояснение, как именно следует передать предлог *in* – как «в», а не «на» (фр. d*e traduire la préposition in par dans et non par sur*).

В прижизненных переводах на русский язык, выполненных Е. Желабужским и неизвестным переводчиком, толкование передано как «Подвижный въ подвижномъ элементѣ», тогда как М. Вовчок заменила последнее слово на «стихия», а советский переводчик И.И. Петров, как и Н. Яковлева и Е. Корш, на «среда»: рус. *Подвижный в подвижной среде*. Причем Игнатий Петров посчитал необходимым заменить девиз на латыни переводом фразы: «ПОДВИЖНЫЙ В ПОДВИЖНОМ» (и также поступили переводчики на украинский: Рухомий у рухомому), а сопереводчики сохранили оригинальный девиз, но добавили пояснение в скобках. Они также сохранили авторский комментарий по поводу значения предлога, что сделали и два неизвестных переводчика. В позднейшем из дореволюционных переводов отмечается наиболее буквальная передача девиза: «Двигающийся в движущемся элементе!», что близко к переводу на английский язык Ф.П. Уолтера: англ. *Moving within the moving element*! Этот переводчик посчитал необходимым добавить, что девиз был на латыни (a Latin motto), что было бы избыточным как для современников автора, так и для читателей начала прошлого века.

2. Девиз и геральдический элемент / фигура.

2.1. В начале романа Вальтера Скотта «Talisman» упоминается герб (англ. *the arms*), на котором изображен *a couchant leopard* – отдыхающий леопард и девиз: англ. *I sleep; wake me not* – рус. *Я сплю – не буди меня*. В тексте допущена ошибка по причине того, что или автор, или рассказчик перепутал две позы: *отдыхающий* (couchant) и *спящий* (dormant), в обоих случаях фигура изображается в лежащем положении, с вытянутыми вперед передними конечностями, но в первом случае голова поднята, а во втором – положена на лапы. Перевод С. Вольского точнее – *лежащий леопард*, тогда как в коллективном переводе *спящий леопард* отсутствует разночтение между геральдической фигурой и девизом.

2.2. Следует отметить, что оба слова часто встречаются в британской литературе, причем первое – в отношении поз хищных животных. Так, в романе Элизабет Гаскелл «Cranford» упоминается: англ. *the most wonderful representation of a lion COUCHANT that ever was moulded*; речь о пудинге. В дореволюционном анонимном переводе указано, что он был сделан

удивительно, рус. *въ видѣ лежачаго льва*, а в советском – что *ему с неподражаемым искусством была придана форма льва couchant*, а значение иноязычного вкрапления указано в переводческом комментарии (Лежащего (франц.) – геральдический термин). В романе Э. Бульвер-Литтона «Pelham»: англ. *a large black dog, which, till then, had remained couchant, sprung towards me* – рус. *большой черный пес, спокойно лежавший у его ног, бросился на меня*. В обоих случаях терминологический галлицизм выделен в тексте оригинала графически.

Слово *dormant* чаще используется как эпитет: *dormant sympathies / thoughts – дремлющие чувства/мысли*, *it might have lain dormant – так и осталось бы подспудным*.

2.3. В романе Т. Гарди «Far from the Madding Crowd» упоминается герб и девиз (англ. *a crest and a motto*) графов Северн: англ. *A coronet with five points* – рус. *корона / венец с пятью зубцами* и *Cedit amor rebus* – англ. «*Love yields to circumstance*» – рус. *Любовь подчиняется / уступает обстоятельствам*. В первом случае термин coronet передан словарным соответствием, во втором – вариантным, а также добавлено слово «надпись» перед девизом.

2.4. В одном из самых известных романов А. Кристи «The Murder of Roger Ackroyd» есть строки: англ. *The motto of the mongoose family, so Mr. Kipling tells us, is: «Go and find out.» If Caroline ever adopts a crest, I should certainly suggest a mongoose rampant*. Здесь содержится отсылка к одному из рассказов Р. Киплинга, в котором он придумал девиз семейства мангустовых, который К. Чуковский (перевод которого является самым растиражированным – он также был единственным известным советскому читателю и все еще издается) перевел с дополнением: «Беги Разузнай и Разнюхай», а слово *motto* передал описательно (если не сказать – вольно) – *начертано на семейном гербе*.

Только Е. Калявин воспользовался данным переводом девиза, указав источник в сноске, но никто не заимствовал второй по степени известности перевод вышеупомянутого рассказа Р. Киплинга, выполненный Е.М. Чистяковой-Вэр: «Беги и узнай», равно как и перевод Н. Гиляровской: «Бегай и исследуй»; в переводах советского времени, выполненных И. Гуровой и Т. Озерской, а также А. Кондратенко, девиз калькирован: «Пойди и узнай», В.В. Тирдатов предложил близкий вариант: «Иди и узнай», тогда как А.С. Петухов прибег к контекстуальной замене: «Беги и разнюхай».

Следует указать, что в романе А. Кристи данный девиз, по мнению рассказчика, подошел бы одному из персонажей (Кэролайн / Каролине), и поэтому уместным было бы изображение на ее гербе, если бы таковой понадобился, стоящего на задних лапах (*англ*. rampant) мангуста. В первом переводе, выполненном И. Гуровой и Т. Озерской, данная деталь опущена: *Если Каролина решит завести себе герб, я посоветую ей заимствовать девиз у*

мангуст; как и в переводе В.В. Тирдатова*: Если бы Кэролайн когда-либо обзавелась гербом, я бы, безусловно, предложил ей этот девиз*. В переводе А. Кондратенко на гербе следовало бы изобразить: рус. *стоящую на задних лапах мангусту* (здесь допущена грамматическая ошибка, поскольку слово мангуст – мужского рода), тогда как А.С. Петухов, возможно, чтобы избежать повторов, прибег к генерализации: *зверек, стоящий на задних лапах*. Таким образом, оба переводчика перевели термин *rampant* описательно, и только Е. Калявин использовал «терминологическое» соответствие: *восстающий мангуст*.

3. Геральдический элемент и фигура.

3.1. В романе В. Скотта «Quentin Durward» прославленный рыцарь Дюнуа заявляет: англ. *my bar sinister may never be surmounted by the coronet of Croye*. Само существование такой геральдической фигуры невозможно: слово *bar* означает полосу, она может располагаться наверху (глава), посередине (пояс) или внизу (оконечность) гербового щита, также возможно наличие нескольких полос, но она не может быть «правой» – *dexter* или «левой» – *sinister*. В данном случае автор перепутал ее с другой фигурой – *перевязью* (*англ*. bend), но с его легкой руки эта фраза прижилась и стала указанием на незаконнорожденность обладателя герба: Camden Elizabeth Lambert «The Bar-sinister: Or Memoirs of an Illegitimate» (1836); Charles Allston Collins «The Bar Sinister. A tale» (1868). Сам Дюнуа был внебрачным сыном герцога Орлеанского, принца крови, и имел на гербе такую перевязь.

В прижизненном переводе, выполненном А.И. Писаревым, использовано именно переносное значение: рус. *полоса незаконности на щитѣ моемъ никогда не будетъ увѣнчана короною Графа Круа*. В более позднем дореволюционном переводе допущена неточность: рус. *черная полоса моего герба никогда не украсится короной де-Круа*; в действительности полоса была белого цвета, но в оригинале эта подробность не упоминалась, зато неизвестный переводчик не указал расположение полосы; можно предположить, что по незнанию он посчитал слово *sinister* эпитетом, означающим «мрачный, зловещий, жуткий», и передал его метафорически, другим эпитетом, – подобная замена представляется неоправданной и является ошибкой. А. Горлин и М. Шишмарева, чей перевод является самым тиражируемым, прибегли к генерализации: рус. *Мой герб никогда не украсится короной графов де Круа*; два перевода одной фразы различаются только частицей «де», и в целом переводы настолько близки, что более поздний можно считать отредактированной версией. Следует отметить, что и они, и А.И. Писарев добавили слово «граф», указывающее на титул обладателя герба: для каждого титула в геральдике предусмотрен свой тип короны.

3.2. Так, в романе А. Дюма «Le Comte de Monte Cristo» управлявший отмечает деталь в изображении: фр. *surmontés d'un tortil de baron*, в переводе

на английский: *surmounted by a baron's coronet*. Это дает основание главному герою предположить, что его слуга разбирается в геральдике (фр. *héraldiques*, англ. *heraldry*), если ему знакомы фр. *de termes de blason* / англ. *heraldic terms* (в переводе на русский заменено словом «геральдика», а слово «геральдика» – «гербоведением»).

3.3. В том же произведении упоминался в оригинале: фр. *les armes de la famille Spada*, в переводе: англ. *the arms of the Spada family* – рус. *с гербом рода Спада*. Далее следует краткое его описание: фр. *c'est-à-dire une épée posée en pal sur un écusson ovale, comme sont les écussons italiens*, в переводе на английский: *viz., a sword, pale, on an oval shield, like all the Italian armorial bearings*, в переводе на русский: *отвесно поставленный меч в овальном итальянском щите*. Здесь необходим комментарий: фр. *pal* и англ. *pale* в геральдике служат обозначением одной фигуры – *столба*, фраза *расположен «в столб»* означает, что некая фигура, в данном случае *меч* – фр. *une épée*, англ. *a sword*, расположена вертикально в середине геральдического щита – фр. *un écusson*, англ. *shield*; указана форма последнего – овал: фр. *ovale*, англ. *oval*, и дается пояснение: фр. *comme sont les écussons italiens* – англ. *like all the Italian armorial bearings*, что приблизительно переводится: *как (выглядят) (все) итальянские гербы*; в русскоязычном переводе применено стяжение – *итальянский* – это традиционное название для геральдических щитов овальной формы. В заключение отмечается, что гербовой щит фр. *surmonté d'un chapeau de cardinal – англ*. surmounted by a cardinal's hat – рус. *увенчан кардинальской шапкой*.

Щит(ок) является основным геральдическим элементом, шлем и корона (шапка) встречаются реже и указывают на титул (в данном случае сан) обладателя герба, а нашлемник и щитодержатели присутствуют только на полном гербе.

3.4. Следует отметить, что в гербе Ватикана папская тиара изображена на самом щите – в романе Д. Брауна «Angels and Demons» главный герой легко заметил: *a coat of arms emblazoned on the side – two skeleton keys crossing a shield and papal crown – на борту был изображен герб: два скрещенных ключа на фоне папской тиары* (в переводе Г. Косов опустил определение), тогда как на личном гербе пап тиара увенчивает щит.

3.5. В романе В. Набокова «Ada, or Ardor» один из персонажей видит *Ada's crest on a separate card* – карточку со шлемом (?) Адиного герба; в данном случае переводчик С. Ильин «раздвоил» термин: слово *crest* обозначает «шлем», но в художественной литературе часто выступает синонимом слова (coat of) arms – «герб»; О.М. Кириченко калькировал словосочетание: *Адин герб*, а А. Бабиков использовал пермутацию: *герб Ады*.

4. Геральдическое описание.

4.1. В романе А. Дюма «Le Comte de Monte Cristo» представлено два описания гербов, одно из них – главного героя: фр. *armes de Monte-Cristo*,

armes représentant une montagne d'or, posant sur une mer d'azur, avec une croix de gueules au chef – англ. *Monte Cristo arms, which were a mountain, or, on a sea azure, with a cross gules on the shield* – рус. *флаг с гербом Монте-Кристо: золотая гора на лазоревом море, увенчанная червленым крестом*; в немецком переводе описание опущено. Упомянутые в отрывке геральдические термины – это названия финифтей: фр. *d'azur* / англ. *azure – лазурь* и фр. *gueules* / англ. *gules – червлень*, металла: фр. *d'or* / англ. *or* – золото – и почетной геральдической фигуры: фр. *une croix* / англ. *a cross – крест.*

Второй герб – его врага, графа де Морсер: фр. *D'azur à sept merlettes d'or posées en bande* – англ. *Azure seven merlets, or, placed bend*er – рус. *По лазоревому полю семь золотых мартлеток, расположенных снопом*. Здесь снова упоминается финифть «лазурь» и металл – «золото», но присутствует другая почетная геральдическая фигура фр. *en bande* / англ. *bend – перевязь*. В обоих переводах допущены неточности: в англоязычном следовало вместо малопонятного *placed bender* указать *placed in a bend* – расположенный в перевязь, то есть диагонально. Если бы переводчики на русский язык поинтересовались, что из себя представляет фр. *merlette* / англ. *martlet* – стилизованная птица (без лапок, а иногда и клюва), они бы не сочли возможным разместить их на щите подобно колосьям. Герб графа был соединен с гербом его жены: фр. *de gueule à la tour d'argent* – англ. *gules, a silver tower* – рус. *серебряная башня в червленом поле*; в этом примере упоминается финифть *червлень* и другой металл: фр. *d'argent* / англ. *silver* – серебро. Финифти и металлы – это названия двух групп красок, используемых для покрытия поля или фигур.

4.2. В самом конце романа Н. Готорна «Scarlet Letter» говорится о *monuments carved with armorial bearings*; а на одном из памятников было: *an engraved escutcheon. It bore a device, a herald's wording of which might serve for a motto* …: «On a field, sable, the letter A, gules». П.Л. Емельянова перевела *armorial bearings* как *фамильные гербы*, а *escutcheon* как *гербовой щит*, а Т. Иванова – наоборот, что неточно, но допустимо в данном контексте. Кроме того, обилие гербов на надгробиях может вызвать предположение у русскоязычного читателя, что речь идет о некоем дворянском некрополе, тогда как в оригинале перед цитируемым фрагментом стоит слово *semblance*, которое Т. Иванова и Е. Осенева передали словарным соответствием – *подобие*.

Далее употреблены слова *device* и *motto*: первое является «ложным другом» переводчика, поскольку означает не «девиз» (который ниже не упоминается), а «эмблема». Обеих переводчиц могло ввести в заблуждение то, что через запятую упоминается англ. *herald's wording*, которое Т. Иванова калькировала – *геральдическая формулировка*, а П.Л. Емельянова, объединив с предыдущим словом, перевела как: рус. *на геральдическом языке девиз* – на самом деле девизы пишутся словами, обычно на латыни, реже на национальных языках, а «геральдический язык» представляет собой совокупность геральдических терминов и правил их сочетания для описания

герба – блазонирования. Слово *motto* может переводиться как *девиз*, и Т. Иванова так и поступила, результатом чего стала тавтология: «девиз … может служить девизом». Е. Осенева, опустив слово «геральдика», предложила вариант: рус. *надписи ... весьма подходящей для девиза*. В действительности же автор придавал этому моменту повествования символическое значение, и правильно поступила П.Л. Емельянова, использовав другое значение слова – «эпиграф». Вынесенное отдельной строкой описание эмблемы представляет собой, скорее, антиэпиграф: «On a field, sable, the letter A, gules», обе переводчицы передали его как: *На черном поле алая буква* «А». Здесь указана еще одна финифть *sable* – чернь, не встречавшаяся в текстах проанализированных нами примеров, а цвет буквы передан вариантным – *алый*, а не терминологическим соответствием и перекликается с названием самого произведения.

4.3. В романе Э. Бульвер-Литтона «Kenelm Chillingly» говорится, что на пергаменте с изображением фамильного древа был еще *the arms of the family emblazoned at the top. Those arms were simple, as ancient heraldic coats are, – three fishes argent on a field azure; the crest a mermaid's head*. В переводе Е.Н. Ахматовой: *фамильный герб Чиллингли. Он был прост, как все старинные гербы: три серебряные рыбы на лазурном поле и над ними голова сирены*. Здесь встречается упоминание одной из финифтей – *лазурь* (цвет поля) и металла – *серебро* (цвет рыб); выяснение того, что это за рыбы, стало предметом дальнейшего обсуждения гостей. Удивительным является упоминание *русалки / сирены*, изображение которой было очень редким в геральдике, а в данном случае голова этого фантастического создания расположена над щитом вместо шлема – слово *crest* в данном случае означает украшение над гербовым щитом.

4.4. В рассказе сэра А. Конан Дойля «The Adventure of the Noble Bachelor» приводится описание герба лорда Роберта Уолсингема де Вира (в дореволюционном переводе, Вальсингэмъ де-Вэръ) Сент-Саймона: *Arms: Azure, three caltrops in chief over a fess sable*. Первое слово – финифть, и, поскольку перед ним нет упоминания фигуры, следует считать, что речь о цвете самого поля: в переводах Д. Лифшица и В. Михалюка оно «голубое», тогда как А. Репина использовала терминологическое соответствие – «лазоревое», а В. Гурова, С. Сухарев и К. Савельев – однокоренное, но не употребительное в данном контексте слов «лазурное», тогда как Г.А. Чарский не использовал дополнение, и в его варианте *герб голубой*, что неточно; в переводе Н. Войтинской это предложение опущено.

Далее указано, что на щите изображены *three caltrops* – это слово многозначное и, возможно, является названием цветкового растения, но непонятно какого. В словарях отмечено несколько вариантов перевода, при этом сами растения относятся к разным порядкам: якорцы стелющиеся, василек колючеголовый и рогульник плавающий. Д. Лившиц и В. Михалюк

посчитали, что речь идет о чертополохе (это растение – символ Шотландии, а отцом обладателя герба был герцог Балморал(ский), одноименный замок находится в Шотландии, и является королевской резиденцией), и перевели название фигуры как «звездочки» и «головки» чертополоха соответственно. Чертополох и василек относятся к одному семейству, но ни один из видов чертополоха не обозначается в английском языке словом *caltrop*, у которого есть основное значение, и мы полагаем, что перевод Г.А. Чарского *три чертовых орешка* точнее; рогульник плавающий, он же чилим, он же водяной или чертов орех – разные названия одного растения. С другой стороны, речь может идти о транслитерированном историзме – *кал(ь)троп* (именно так перевели это слово С. Сухарев и В. Савельев), которым обозначали противопехотное или противоконное заграждение, но это не *три шара с шипами*, как перевела И. Гурова, а *подметныя каракули* (пер. А. Репиной) – они же рогульки, «чеснок», триволы или шострапы – несколько соединенных звездообразно кованых острых стальных штырей или шипов.

Они располагались *in chief – в верхней части щита*, как правильно указал К. Савельев, над *a fess sable – черный пояс*, а в самом тиражируемом переводе Д. Лившица – *над полоской собольего меха*, что является ошибкой: меха используются в геральдике – это тоже разновидность тинктур, но только горностаевый и беличий, а слово *sable* может переводиться как соболь, но в данном случае речь идет о специальном значении – *чернь*. Во всех остальных переводах указано, что цвет – черный, но название геральдической фигуры fess передано по-разному: *черная лента* (В. Михалюк), *черная перекладина* (И Гурова), *перекладина черняди* (К. Савельев) – возможно, для стилизации переводчик использовал устаревшее слово, обозначающее «темно-красная охра», неуместное при описании герба, – или *черная полоса* (Г.А. Чарский и С. Сухарев), но если у первого она *поперечная*, то у второго – *посредине щита.* При этом И. Гурова перевела предлог *over* как *на*, изменив смысл фразы: если некие фигуры находятся на другой фигуре – столбе, полосе, или перевязи, то такая фигура считается обремененной, а в переводе А. Репиной эти фигуры оказались *на черномъ щитѣ*, что противоречит ранее указанному цвету геральдического щита. Точным был бы такой перевод: *В лазоревом поле пояс чернью, над ним три водяных ореха / три рогульки*.

4.5. В романе Дж. Голсуорси «The Man of Property» Суизин Форсайт, «повинуясь импульсу», отправляется в англ. *Heralds'Office* – в дореволюционном переводе Э. Пименовой *отдѣленіе Геральдики*, в советском переводе Н. Волжиной *Геральдическое управление*. Там его заверили, что он является потомком: англ. *the well-known Forsites with an'i,'* – Э. Пименова сохранила написание фамилии, поместив пояснение в скобке: рус. *извѣстныхъ Форсайтовъ (черезъ i)*, тогда как Н. Волжина изменила фамилию с учетом «пояснения», опустив его: *известных Форситов*. Далее Э. Пименова упоминает *украшенія гербоваго щита*, не уточняя, что именно было изображено на

нем, то есть опустив описание гербового щита (впрочем, редактировавший ее перевод в 1920-х годах А.Н. Горлин сократил весь этот фрагмент и ряд других, как немного позднее поступил и В. Станевич), а также допускает грамматическую ошибку, переведя англ. *they assured him* как рус. *старался увѣрить чиновниковъ*. Этим она изменила не только субъект-объектные отношения в предложении, но и отношение героя к важности совершаемого действия – в ее переводе появилась отсутствовавшая в оригинале фраза: рус. *преисполненъ надменной гордости*; на самом деле Суизин отказался от герба, сочтя его *ostentatious – претенциозным* (в переводе Н. Волжиной – «кричащим»), но не от использования некоторых элементов.

В гербе Форситов было англ. *three dexter buckles on a sable ground gules* – рус. *три червленые пряжки на черном поле вправо* (точнее, в правой части). Также имелись и другие элементы: англ. *a crest was a 'pheasant proper'* – рус. *клейнод составлен из «натурального цвета фазана»*; слово *proper – натуральный* – это название тинктуры, которая используется для изображений (не фантастических) растений и животных, то есть щит венчал фазан «натурального окраса», и девиз: англ. *the motto «For Forsite»* – рус. *«За Форситов»*. Впоследствии Суизин поместил оба элемента на почтовую бумагу (в переводе Э. Пименовой: рус. *на почтовой бумагѣ, которую всегда употреблялъ для писемъ*, что представляется избыточным – трудно предположить, что деловой человек мог использовать такую бумагу по другому назначению), а фазана – на дверцы кареты.

4.6. В автобиографическом романе Владимира Набокова «Speak, memory» есть описание герба: в оригинале использован термин *blazon*, который крайне редко встречается в англоязычных произведениях. Описание состоит из двух частей: англ. *a couple of lions … rampant, regardant* – рус. *два льва, вздыбленные, смотрящие назад* (правильнее «обернувшиеся») – их количество, а также упоминание, что они англ. *demonstrating the unfortunate knight's shield* – рус. *предъявляют щит невезучего рыцаря*, позволяют предположить, что это щитодержатели; сам щит: англ. *a checkerboard, of alternate tinctures, azure& gules, with a botonée cross, argent, in each rectangle* – рус. *схожий с шахматной доской из чередующихся лазурных и красных квадратов, с крестом серебряным, трилистниковым, в каждом* требует комментария. Шахматное деление предполагает равное количество рассечений и пересечений поля, при этом каждая клетка должна быть квадратной, а сам щит называется шахматным; в данном случае щит разделен на лазурь и червлень (так называемая лазорево-червленая шаховница), а также в каждой клетке имеется трилистниковый серебряный крест.

В романе «Pale Fire» имеется описание англ. *heraldic butterfly* – рус. *геральдической бабочки* (так автор характеризует ее расцветку) – предположительно, красного адмирала: англ. *volant en arrière, sable, a bend gules* –

первую часть фразы Вера Набокова не переводит, а включает в текст перевода словосочетание на французском языке, которое означает «летящий спиной к зрителю с распростертыми крыльями», а далее приводятся сразу три геральдических термина – *с червонной перевязью на черном*. Набоков нередко использовал геральдические термины вне соответствующего контекста: в романе «Look at the harlequins!» упоминается *sable armpit – аспидная подмышка*, а в «Ada, or Ardor» *vair-furred bedroom slippers – подбитые беличьим мехом спальные туфельки* (пер. С. Ильин).

Проведенное исследование позволяет утверждать, что геральдические термины нередко встречаются в художественной литературе: по отдельности, в составе словосочетаний или простых предложений – геральдических описаний. При передаче геральдических терминов на русский язык переводчики чаще используют не специальную, а нейтральную лексику.

Иногда переводчики с английского языка на русский прибегают к описательному переводу или к переводческому комментарию. В некоторых случаях они опускают либо сильно сокращают геральдическое описание или допускают ошибки, причиной которых лишь отчасти можно считать тот факт, что «долгое время в нашей стране отсутствовали русско-иноязычные геральдические словари, и переводчикам оставалось делать лишь дословные переводы» [Бойко, 1997, *150*], – объем больших двуязычных словарей превышал сто тысяч слов, и в словарных статьях приводились практически все значения слов, в том числе с пометой «геральд.». К тому же справочная литература существовала и в дореволюционный период, как и в советские годы: так, статья «Геральдика» была в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона и в Большой советской энциклопедии. Настоящей причиной ошибок перевода геральдических терминов следует считать игнорирование их специфики по причине невнимательного отношения к «второстепенным» деталям описания.

ЛИТЕРАТУРА

Бойко Д.А. Рожденные фантазией // Гербовед. 1997. № 5(17). С. 142–152.

Стрельцов А.А. Вариативность перевода художественного текста (на примере переводов романа М. Твена «Приключения Гекльберри Финна» на русский язык) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. Т. 40, № 2. С. 292–300.

Стрельцов А.А. Использование и трудности перевода геральдических терминов в драматическом произведении // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 4. С. 32–41.

Moiseiuk Iu. The functions of heraldic symbols in the English fiction // Cognition, communication, discourse. 2021. 22. P. 42–58. DOI: http://doi.org/10.26565/2218-2926-2021-22-03.

ИСТОЧНИКИ

Браун, 2004 – Браун Д. Ангелы и демоны [пер. Г. Косов]. URL: https://www.litres-lib.ru/book/56461/readpart-angely-i-demony-den-braun/~36?ysclid=lsaflrb24x340180005 (дата обращения: 20.01.2024).

Бульвер-Литтон, 1873 – Бульвер-Литтон Э. Кенелм Чиллингли, его приключения и взгляды на жизнь [пер. Е.Н. Ахматова]. URL: https://litlife.club/books/129462/read?page=4&ysclid=lsag00gk7c530954066 (дата обращения: 20.01.2024).

Бульвер-Литтон, 1958 – Бульвер-Литтон Э. Пелэм, или Приключения джентльмена [пер. А.С. Кулишер]. URL: https://litmir.club/br/?b=129463&p=6 (дата обращения: 20.01.2024).

Верн, 1951 – Верн Ж. 80 000 километров под водой [пер. И.И. Петров]. Каунас: Государственное издательство художественной литературы Литовской ССР, 1951. URL: https://litlife.club/books/266159/read?page=13&ysclid=ls9cwhu26v421700711 (дата обращения: 20.01.2024).

Верн, 1872 – Верн Ж. Восемьдесятъ тысячь верстъ подъ водой. Путешествіе подъ волнами океана [пер. М. Вовчок]. СПб.: Издание книгопродавца С.В. Звонарева, 1872. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Восемьдесят_тысяч_верст_под_водой_(Жюль_Верн;_Вовчок) (дата обращения: 20.01.2024).

Верн, 1956 – Верн Ж. Двадцать тысяч лье под водой [пер. Н. Яковлева, Е. Корш] // Собрание сочинений. Т. 4. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1956.

Верн, 2013 – Верн Ж. Двадцать тысяч лье под водой [пер. неизвестен]. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. URL: https://libking.ru/books/sf-/sf/516138-16-zhyul-vern-dvadtsat-tysyach-le-pod-vodoy.html#book (дата обращения: 20.01.2024).

Верн, 1870 – Верн Ж. Двадцать тысячъ лье подъ водой. М.: Въ Университетской типографіи (Катковъ и Ко), на Страстномъ бульварѣ, 1870. Приложеніе къ Русскому вѣстнику. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Двадцать_тысяч_лье_под_водой_(Верн;_1870)/ДО (дата обращения: 20.01.2024).

Верн, 1872 – Верн Ж. Сто тысяч верст: Кругосветное путешествие под водою, льдом и среди исчезнувшей Атлантиды [пер. Е. Желабужский]. М.: Типография И.Е. Шюманъ, 1872. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Сто_тысяч_верст_(Верн;_Желабужский)/ДО (дата обращения: 20.01.2024).

Верн, 1956 – Верн Ж. 20 000 льє під водою [пер. Т. Черторижської та В. Пащенка]. Киев: Молодь, 1956.

Гарди, 2020 – Гарди Т. Вдали от обезумевшей толпы [пер. М. Николенко]. М.: АСТ, 2020. URL: https://cinematext.ru/movie/vdali-ot-bezumnoj-tolpy-far-from-the-madding-crowd-1998_1402225265/?page=19&ysclid=lsaeraf4yl686933892 (дата обращения: 20.01.2024).

Гарди, 1970 – Гарди Т. Вдали от обезумевшей толпы [пер. М. Богословская, Н. Высоцкая]. URL: https://kniga-online.com/books/proza/raznoe/page-41-237332-tomas-gardi-vdali-ot-obezumevshei-tolpy.html.

Гаскелл, 1855 – Гаскелл Э. Крэнфорд [пер. неизвестен] // Отечественныя Записки. 1855. № 7–9. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Крэнфорд_(Гаскелл)/ДО (дата обращения: 20.01.2024).

Гаскелл, 1973 – Гаскелл Э. Крэнфорд [пер. И.Г. Гурова]. М.: Худож. лит., 1973. URL: http://lib.ru/INPROZ/GASKELL_E/gaskell1_1.txt (дата обращения: 20.01.2024).

Голсуорси, 1929 – Голсуорси Дж. Собственник [пер. Э.К. Пименовой; под ред. А.Н. Горлина]. Л.: Красная газета, 1929. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/В_мире_собственников_(Голсуорси;_Пименова)/РМ_1910_(ДО) (дата обращения: 20.01.2024).

Голсуорси, 1946 – Голсуорси Дж. Собственник [пер. Н. Волжина]. М.: ГИХЛ, 1946. URL: https://litlife.club/books/76078/read?page=53&ysclid=lsaezim7f1264505884 (дата обращения: 20.01.2024).

Голсуорси, 1930 – Голсуорси Дж. Семья Форсайтов [сокращ. пер. с англ. В. Станевич]. М.: Молодая гвардия, 1930.

Готорн, 2014 – Готорн Н. Алая буква [пер. Т. Иванова]. Харьков: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2014. URL: https://iknigi.net/avtor-nataniel-gotorn/91042-alaya-bukva-sbornik-nataniel-gotorn/read/page-17.html (дата обращения: 20.01.2024).

Готорн, 1957 – Готорн Н. Алая буква [пер. Н.Л. Емельянниковой]. М.: ГИХЛ, 1957. URL: https://litlife.club/books/57637/read?page=60&ysclid=lsaelindgc157484078 (дата обращения: 20.01.2024).

Готорн, 2023 – Готорн Н. Алая буква [пер. Е. Осеневой]. М.: АСТ, 2023.

Дюма, 1946 – Дюма А. Граф Монте-Кристо [пер. В.М. Строева в ред. Л. Олавской]. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1946.

Конан Дойл, 2009 – Конан Дойл А. Приключение знатного холостяка [пер. В. Михалюк] // Приключения Шерлока Холмса. Убийца, мой друг. Харьков: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2009. С. 259–287.

Конан Дойль, 1903 – Конан-Дойль А. Исчезнувшая невеста [пер. Г.А. Чарский] // Приключенія сыщика Шерлока Холмса. II-я серія. СПб.: Изданіе В.И. Губинскаго, 1903.

Конан Дойль, 2016 – Конан-Дойль А. Приключение знатного холостяка [пер. И. Гурова]. URL: https://chitat-online.org/str/priklyuchenie-znatnogo-holostyaka-artur-doyl?ysclid=ls9a69864y4167613 (дата обращения: 20.01.2024).

Конан Дойль, 1908 – Конанъ-Дойль А. Аристократъ-Холостякъ [пер. А. Рѣпина] // Изъ приключеній Шерлока Холмса. Изданіе Второе. М.: Типографія Вильде, 1908. URL: https://онлайн-читать.рф/конан-дойл-аристократ-холостяк/ (дата обращения: 20.01.2024).

Конан Дойль, 1946 – Конан Дойль А. Аристократический холостяк [пер. Н. Войтинская] // Записки о Шерлоке Холмсе. Л.: Молодая гвардия, 1946.

Конан Дойль, 1966 – Конан Дойль А. Знатный холостяк [пер. Д. Лившиц] // Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1. М.: Правда, 1966. URL: https://skazki.rustih.ru/artur-konan-dojl-znatnyj-xolostyak/?ysclid=ls9a3rx274821608597 (дата обращения: 20.01.2024).

Дойл, 2018 – Дойл А.К. Знатный холостяк [пер. С. Сухарев] // Приключения Шерлока Холмса. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018.

Дойл, 2019 – Дойл А.К. Знатный холостяк [пер. К. Савельев] // Шерлок Холмс с комментариям и иллюстрациями. Т. 1. М.: Престиж Бук, 2019.

Киплинг, 1993 – Киплинг Р. Книги Джунглей [пер. Н. Гиляровская]. М.: Республика, 1993.

Киплинг, 1996. – Киплинг Р. Книга джунглей [пер. Е.М. Чистякова-Вэр] // Собрание сочинений в шести томах. Т. 3. М.: Терра, 1996. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Книга_джунглей/Рикки-Тикки-Тави_(Киплинг;_Чистякова-Вэр) (дата обращения: 20.01.2024).

Киплинг, 1956 – Киплинг Р. Книга джунглей [пер. К. Чуковский]. URL: https://litlife.club/books/48422/read?ysclid=lsagdstmao275837565 (дата обращения: 20.01.2024).

Кристи, 2003 – Кристи А. Убийство Роджера Экройда: романы, рассказы [пер. В.В. Тирдатова]. М.: Центрполиграф, 2003.

Кристи, 2023 – Кристи А. Убийство Роджера Экройда [пер. Е. Калявин]. URL: https://libs.ru/book/1080569/read/?ysclid=lrx7810whr324672654 (дата обращения: 20.01.2024).

Кристи, 1991 – Кристи А. Убийство Роджера Экройда (пер. А. Кондратенко). Избранные произведения. Т. 3. Новосибирск: Гермес, 1991. URL: http://kniga-life.ru/ubijstvo-rodzhera-ekrojda (дата обращения: 20.01.2024).

Кристи, 2019 – Кристи А. Убийство Роджера Экройда [пер. А.С. Петухова]. М.: Эксмо, 2019

Кристи, 1993 – Кристи А. Убийство Роджера Экройда [пер. И. Гурова, Т. Озерская]. URL: https://detectiveworld.ru/book/chelovek-v-korichnevom-kostyume-tajna-zamka-chimniz-ubijstvo-rodzhera-ekrojda/page-94/?ysclid=ln5yqfwddv602158628 (дата обращения: 20.01.2024).

Набоков, 2015 – Набоков В. Ада, или Радости страсти. Ч. 2 [пер. С. Ильин]. СПб.: Азбука, М.: Азбука-Аттикус, 2015. URL: http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/ada/ada-2-1.htm?ysclid=lsahg6ohuf484005237 (дата обращения: 20.01.2024).

Набоков, 2001 – Набоков, В. Ада, или Эротиада. Ч. 2 [перевод О.М. Кириченко] М.: АСТ, 2001. URL: http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/ada-ili-erotiada-kirichenko/2-glava-1.htm (дата обращения: 20.01.2024).

Набоков, 2022 – Набоков В.В. Ада, или Отрада [пер. А. Бабиков]. М.: АСТ, CORPUS, 2022.

Скотт, 1974 – Айвено. Романы Вальтера Скотта. Петербург: Типография К.Н. Плотникова, 1874. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Айвено_%28Скотт%3В_1874%29/ДО (дата обращения: 08.01.2024).

Скотт, 1826 – Скотт В. Ивангое или возвращение из крестовых походов [пер. не указан]. СПб.: В типографии А.Ф. Смирдина, 1826. URL: http://az.lib.ru/s/skott_w/text_0032_ivanhoe-1826-1-oldorfo.shtml (дата обращения: 08.01.2024).

Скотт, 1985 – Скотт В. Айвенго [пер. Е.Г. Бекетова]. М.: Худож. лит., 1985.

Скотт, 1827 – Скотт В. Кентень Дюрвард, или Шотландец при дворе Людовика XI [пер. А.И. Писарев]. М.: Типография Императорскаго Московскаго Театра, 1827.

Скотт, 1865 – Скотт В. Квентин Дорвард [пер. неизвестен]. Изданіе А.И. Мамонтова. М., 1865. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Квентин_Дорвард_(Скотт)/Версия_2/ДО (дата обращения: 20.01.2024).

Скотт – Скотт В. Квентин Дорвард [пер. М.А. Шишмарева]. URL: https://litlife.club/books/166438/read?page=112&ysclid=lsae4k83b1374654841 (дата обращения: 20.01.2024).

Скотт, 1937 – Скотт В. Квентин Дорвард [пер., обработка и прим. А. Горлина]. 2-е изд. М.; Л.: Детиздат, 1937.

Скотт, 1965 – Скотт В. Талисман, или Ричард Львиное Сердце в Палестине [пер. Оболенский, В. Ровинский, Т.Л. Ровинская]. Т. 19. М.; Л.: Худож. лит., 1965. URL: https://litlife.club/books/261605/read?ysclid=lsagyhsjhl390325865 (дата обращения: 20.01.2024).

Скотт, 1992 – Скотт В. Ричард Львиное Сердце [пер. С. Вольский]. М.: Республика, 1992.

Brown, 2000 – Brown D. Angels and Demons. URL: https://onlinereadfreenovel.com/dan-brown/p,12,733-angels_demons_read.html (accessed: 08.01.2024).

Bulwer-Lytton, 1828 – Bulwer-Lytton E. Pelham or the adventures of a gentleman. Vol 1. URL: https://www.gutenberg.org/files/7623/7623-h/7623-h.htm (accessed: 08.01.2024).

Bulwer-Lytton, 1873 – Bulwer-Lytton E.G. Kenelm Chillingly. URL: https://www.gutenberg.org/files/7658/7658-h/7658-h.htm (accessed: 08.01.2024).

Christie, 1926 – Christie A. The Murder of Roger Ackroyd. URL: https://fantlab.ru/edition243350.pdf?ysclid=ln5yiu3sun476343007 (accessed: 08.01.2024).

Conan-Doyle, 1892 – Conan-Doyle A. The Adventure of the Noble Bachelor. URL: https://www.weblitera.com/book/?id=96&lng=1&l=ru (accessed: 08.01.2024).

Dumas, 1846 – Dumas A. Le Comte de Monte Cristo. URL: https://www.weblitera.com/title/?id=27&l=ru&lng=4 (accessed: 08.01.2024).

Gaskell, 1853 – Gaskell E. Cranford. URL: https://www.pagebypagebooks.com/Elizabeth_Gaskell/Cranford/Friends_In_Need_p4.html (accessed: 08.01.2024).

Galsworthy, 1906 – Galsworthy J. The Man of Property. URL: https://litlife.club/books/126341/read?page=42&ysclid=lsaexd5rap968391154 (accessed: 08.01.2024).

Hardy, 1874 – Hardy T. Far from the Madding Crowd. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Far_from_the_Madding_Crowd/Chapter_XXVI (accessed: 08.01.2024).

Hawthorne, 1850 – Hawthorne N. Scarlet Letter. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Scarlet_Letter_(1850)_2ed/Chapter_24 (accessed: 08.01.2024).

Nabokov, 1968 – Nabokov V. Ada, or Ardor. URL: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.460882 (accessed: 08.01.2024).

Scott, 1819 – Scott W. Ivanhoe. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Ivanhoe_(unsourced) (accessed: 08.01.2024).

Scott, 1823 – Scott W. Quentin Durward (1823). URL: https://litlife.club/books/99379/read?page=116&ysclid=lsait8cdak698751860 (accessed: 08.01.2024).

Scott, 1825 – Scott W. The Talisman URL: https://royallib.com/read/Scott_Walter/the_talisman.html?ysclid=ls9dml4w3q409027144#20480 (accessed: 08.01.2024).

Verne, 2001 – Verne, J. Twenty Thousand Leagues Under the Seas An Underwater Tour of the World (tr. by F.P. Walter). URL: https://www.familyandhomeliving.com/wp-content/uploads/2022/05/Twenty-Thousand-Leagues-Under-The-Sea-PDF.pdf (accessed: 08.01.2024).

Verne, 1870 – Verne J. Vingt Mille Lieues sous les mers. URL: https://litlife.club/books/125258/read?ysclid=ls9d2sqlnz375980238 (accessed: 08.01.2024).

Verne, 2007 – Verne, J. Twenty Thousand Leagues Under the Seas An Underwater Tour of the World. URL: https://www.familyandhomeliving.com/wp-content/uploads/2022/05/Twenty-Thousand-Leagues-Under-The-Sea-PDF.pdf (accessed: 08.01.2024).

A.A. Streltsov
MA, PhD Associate Professor,
Chair of translation an IT in linguistics,
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia

The Usage of Heraldic Terms in Works of Fiction of the XIXth and XXth Centuries and Translation Techniques

The article deals with the peculiarities of usage and translation of heraldic terms in fiction. We have picked out for analysis various extracts from novels and stories by American, British and French authors and their translations into Russian. Each except contains one or several special terms, used in heraldry, sometimes making fabulous descriptions of coats of arms. We have shown the means the translators resorted to in overcoming the difficulties: dictionaries often fail to provide certain terms or specific meanings, which may cause mistakes or blunders concerning the blazoning of heraldic achievements. We have noted the most frequent translation methods – neutralization and generalization, rather than exact translation. Some translators omitted or added words or resorted to contextual replacement, calques and explication.

Keywords: *imaginary heraldry; emblem; translation of terms; literary translation; equivalent.*

REFERENCES

Boiko D.A. Rozhdennye fantaziei [Born by fantasy]. *Specialist in coat of arms*, 1997, No. 5 (17). Pp. 142–152 (in Russian).

Strel'tsov A.A. Blazon in prose: translation peculiarities of a heraldic description in a fiction book (based on translations of M. Twain's novel «The Adventures of Huckleberry Finn» into Russian) [Variativnost' perevoda khudozhestvennogo teksta (na primere perevodov romana M. Tvena «Prikliucheniia Gekl'berri Finna» na russkii iazyk)]. *Issues of journalism, pedagogy, linguistics*, 2023. Vol. 40. No. 2. Pp. 292–300 (in Russian).

Streltsov A.A. The usage of heraldic terms in a drama piece and difficulties of their translation [Ispol'zovanie i trudnosti perevoda geral'dicheskikh terminov v dramaticheskom proizvedenii]. *Foreign languages in higher education,* 2023. No. 4. Pp. 32–41 (in Russian).

Moiseiuk, Iu. The functions of heraldic symbols in the English fiction. *Cognition, communication, discourse*, 2021, No. 22. Pp. 42–58 Available at: http://doi.org/10.26565/2218-2926-2021-22-03 (in Russian).

А.И. Бочкарев

Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия

УДК 81’811.111:22
DOI 10.35785/2072-9464-2025-69-1-117-128

МЕТАКОМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЦЕННОСТНОГО КОНЦЕПТА ‘INTELLIGENCE’ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКРАННОМ ЮМОРЕ

Ключевые слова: *аксиологическая лингвистика; ум; концептосфера комического; ценности; комический метаконцепт; стендап-комедии.*

Цель статьи – анализ метакомической природы ценностного концепта ‘intelligence’. В работе применяется аксиологический подход к изучению метакомических характеристик концепта ‘intelligence’. Этот подход состоит из определения реакции аудитории на проявление ума субъектом / объектом комического; выявления комически значимых характеристик ценностного концепта ‘intelligence’ на основе анализа соответствующих словарных дефиниций, текстовых фрагментов комического дискурса, в которых актуализируется рассматриваемый концепт, и работ, посвященных изучению представленного концепта в целом; анализа языковых средств, используемых для актуализации ценностного концепта ‘intelligence’. В основу анализа вошли записи и скрипты современных англоязычных стендап-концертов, эпизодов ситкомов и скетчкомов. Под метакомическими характеристиками аксиологического концепта понимаются характеристики, лежащие в основе восхваления или осмеяния других аксиологических явлений. Основной метакомической характеристикой ценностного концепта ‘intelligence’ выступает остроумие, которое обычно выражается через выявление мелких, но существенных деталей действительности; новый взгляд на повседневные вещи; нахождение контраргумента к очевидному утверждению; нахождение одновременно абсурдного и логичного доказательства необъяснимого явления; обнаружение неразумности в повседневных действиях. Можно выделить семь основных языковых способов выражения остроумия: каламбур, новые метафоры, гиперболы, новые обозначения, неожиданные сравнения, аллюзии и парадоксы. Данные языковые средства используются для восхваления / осмеяния различных ценностей / антиценностей. Также исследование показало, что ум является безусловной ценностью комического дискурса. В большинстве комических контекстов актуализация концепта ‘intelligence’ сопровождалась аплодисментами.

Аксиологическая концептосфера комического представляет собой совокупность концептов, отражающих комически значимые ценности и антиценности, характерные для определенной лингвокультуры. С одной стороны, комический эффект достигается путем высмеивания объекта через

ограниченный круг антиценностей, который высмеивается в большинстве современных комических текстов. С другой стороны, в комическом дискурсе присутствует восхваление определенных ценностей, что также вызывает комический эффект. В основном исследования аксиологических концептов в комическом дискурсе сосредоточены на изучении человеческих пороков, таких как глупость, похоть, пьянство и другие. Ценности комического дискурса остаются недостаточно изученными.

В ходе анализа аксиологической концептосферы комического было установлено, что она представляет собой иерархическую структуру, состоящую из метаконцептов и концептов. В качестве аксиологических метаконцептов комического выступают аксиологические концепты, на которых базируется построение комического. Под метакомическими характеристиками понимаются характеристики, лежащие в основе восхваления или осмеяния других аксиологических явлений.

Идея о том, что в основе создания комического лежат комически-порождающие концепты, по своей сути не является новой. Впервые мысль о разных комически-порождающих сущностях была озвучена еще Аристотелем, который отметил разную природу комического. Так, шутовство не подобает свободному человеку, ирония ему больше подходит [Аристотель, 2000, *147*]. В этом же ключе комическое в ценностном плане была разделено Цицероном на остроумие и смешное, при этом отмечался непристойный и безобразный характер смешного [Cicero, 2004]. В дальнейшем остроумие начало устойчиво ассоциироваться с «тонким» комическим, а непристойное комическое с «грубым» комическим [Пропп, 1976; Kirchmann, 1868]. Более того, как в англоязычных, так и в русскоязычных словарях прослеживается неразрывная связь остроумия (wit) с умом. Таким образом, можно выделить как минимум два комически-порождающих концепта: ум и грубость. В основе разделения комического часто лежит социальный подтекст, то есть «тонкий» комизм приписывается образованным людям, в то время как «грубый» комизм предназначен для необразованных людей.

В данной статье анализируются метакомические характеристики ценностного концепта ‘intelligence’, который является одним из основных комических метаконцептов.

В представленной работе применяется аксиологический подход к исследованию комического. Алгоритм анализа включает в себя следующие этапы.

1. Определение реакции аудитории на проявление ума субъектом или объектом комического.

2. Когнитивный анализ концепта ‘intelligence’, направленный на выявление его комически значимых когнитивных признаков.

3 Анализ языковых средств, используемых для выражения концепта ‘intelligence’.

В качестве эмпирического материала для исследования были выбраны записи и скрипты стендап-комедий (70 выпусков), скетчкомов (100 эпизодов) и ситкомов (100 эпизодов). Следует отметить, что в современной массовой культуре стендап-комедии, ситкомы и скетчкомы образуют ядро экранных комических жанров.

В современных словарях основное значение слова «intelligence» определяется как «the ability to learn, understand and think in a logical way about things; the ability to do this well» [Oxford Advanced Learner’s Dictionary] или «the ability to understand and think about things, and to gain and use knowledge» [Macmillan Dictionary]. В том числе и на основе данных словарных дефиниций в лингвистических работах выделяют следующие характеристики концепта ‘intelligence’: 1) способность мыслить; 2) способность осуществлять познание на основе различных функций, таких как память, восприятие и т.д.; 3) деятельность, связанная с развитием мышления; 4) умение быстро и успешно осуществлять определенный набор мыслительных процедур (умение сопоставлять факты, выявлять закономерности, делать выводы и т.д.) [Дзюба, 2011, *136–140*].

Концепт ‘intelligence’ представляет собой неотъемлемую составляющую когнитивной оппозиции «intelligence – stupidity», которая характеризует интеллектуальные способности индивида [Кириллова, 2012, *4*]. В общем смысле ум – это способность человека хранить и обрабатывать информацию, что противопоставляется отсутствию такой способности, то есть глупости [Мишин, 2007, *9*].

Относительно аксиологического статуса концепта ‘intelligence’ можно отметить, что ум является одной из основных утилитарных ценностей, поскольку результаты умственной деятельности приносят пользу обществу [Дзюба, 2011; Кириллова, 2012]. Так, ум выделяется в сознании посредством реализации чисто практических навыков и умений [Кириллова, 2012, *14*]. Вместе с тем ум является не только утилитарной, но и нравственной категорией [Дзюба, 2011, *58*].

Соотношение ума и речи очень важно для англоязычной культуры, поскольку речь выступает в качестве отражения интеллектуальных способностей индивида. Так, ум может быть отражен в речи через остроумие [Дзюба, 2011]. Кроме того, концепт ‘intelligence’ связан с такими понятиями, как талант, дар и интеллект в английской культуре [Мишин, 2007, *14*]. Также отмечается, что ум относится к базовым ценностям человечества [Peterson, Seligman, 2004].

Метакомические характеристики концепта ‘intelligence’ можно соотнести с таким явлением, как остроумие, которое, в свою очередь, имеет собственные языковые средства выражения.

Под остроумием подразумевается сочетание двух аспектов: разумности / интеллектуальности и забавности [Григоренко, 2008, *183–188*]. В результате анализа практического материала были выделены ключевые характеристики остроумия, такие как выявление мелких, но важных деталей действительности; новый взгляд на повседневные вещи; нахождение контраргумента к очевидному утверждению; нахождение одновременно абсурдного и логичного доказательства определенного явления; обнаружение неразумности в повседневных действиях.

В большинстве случаев остроумные высказывания направлены на выявление мелких, но важных деталей действительности:

(1) *I'm beginning to notice there's some advantages to putting on a few extra years.* ***The first one is you never have to carry anything heavy ever again*** [Carlin, 2008].

Реакция: смех и аплодисменты зрителей. Комик находит преимущества в старости, одним из которых является тот факт, что пожилым людям не нужно носить тяжелые предметы.

Также остроумные высказывания могут представлять новый взгляд на повседневные вещи:

(2) *I like an escalator, man. Because an escalator can never break.* ***It can only become stairs*** [Hedberg, 1999].

Реакция: смех и бурные аплодисменты зрителей. По словам комика, эскалатор нельзя сломать, потому что, даже когда он останавливается, его можно использовать как лестницу. Этот случай относится к примерам позитивного мышления (нахождение положительной стороны в негативной ситуации).

Кроме того, остроумные высказывания могут быть направлены на поиск контраргумента к очевидному утверждению:

(3) *Eventually, they all disappeared, and I went to get my cigar. Now, the cigar store was just a little kiosk ... «Do you know that can kill you?» «****Yes, so can boredom, it just takes longer****»* [Connolly, 2016].

Реакция: смех и бурные аплодисменты зрителей. Стендап-комик находит оправдание курению через неизбежность смерти. Его аргумент заключается в том, что скука тоже может убить.

Остроумные высказывания могут представлять собой одновременно абсурдные и логичные доказательства определенных явлений:

(4) *And he's married to a Kennedy, Maria Shriver, who has been getting thinner and thinner and smaller.* ***I believe he is sucking the Kennedy out of*** [Williams, 2009].

Реакция: смех и бурные аплодисменты зрителей. Комик предполагает, что Мария Шрайвер худеет из-за того, что Арнольд Шварценеггер высасывает из нее объем. Сокращение размера предметов путем выкачивания из них объема чего-либо легко встречается в нашей жизни, и это объяснение

логично для различных явлений. Но абсурдно полагать, что такое может случиться с человеком.

Обнаружение неразумности в повседневных действиях также является примером остроумия:

(5) *I bought a donut. And they gave me a receipt for the donut. I don’t need a receipt for a donut. I'll just give you the money. You give me the donut. End of transaction.* ***We don’t need to bring ink and paper into this. I -. I just can’t imagine the scenario where I have to prove I bought a donut*** [Hedberg, 1999].

Реакция: смех и аплодисменты зрителей. Комик отмечает, что чек на покупку пончиков для обычного покупателя бессмысленен, то есть нет ситуации, в которой ему понадобился бы чек на пончик.

В процессе исследования остроумия необходимо провести анализ основных языковых средств, которые используются для его выражения. На их значимость впервые обратил внимание Цицерон [Cicero, 2004]. Можно выделить семь основных языковых средств для выражения остроумия: каламбур, новые метафоры, гиперболы, новые обозначения, неожиданные сравнения, аллюзии и парадоксы.

Одной из ключевых проблем большинства теорий комического является то, что они, как правило, рассматривают каламбуры как основной материал для анализа [Attardo, 1994, *46*]. Каламбуры принято классифицировать по синтагматическому критерию на ситуативные, фонологические, лексические, синтаксические и морфологические [Hausmann, 1974; Milner, 1972; Sherzer, 1978]. Соответственно, в основе каламбуров могут лежать паронимы, омонимы, омографы, омофоны [Attardo, 1994, *110*]. При этом каламбуры обычно строятся на противопоставлении антонимичных значений, которые могут быть локальными антонимами [Raskin, 1985, *108*]. Каламбуры основаны в первую очередь не на многозначности слов (все слова многозначны), а на многозначности контекста, то есть именно контекст позволяет трактовать слово двояко. Обычно функция контекста заключается в разрешении неоднозначности [Attardo, 1994, *133*]. Кроме того, в основе каламбуров лежат следующие процессы: добавление (редупликация, эпентеза), вычитание (усечение), замена (ассимиляция, диссимиляция и т.п.) и инверсия (метатеза) [Guidi, 2017, *26*]. Также каламбур может быть основан на изменении смысла от идиоматического к свободному, реинтерпретации идиоматичности или разрушении идиоматичности [Partington, 2017, *337*]. Следует также отметить, что в каламбурах, в отличие от других двусмысленных предложений, должен быть высокий уровень ясности [Kao, Levy, Goodman, 2013]. Каламбуры могут использоваться для высмеивания или восхваления различных явлений. В следующем примере каламбур используется для высмеивания глупости:

(6) *Tom Hanks: [leaning to speak into his pen] I-I-I am a slow starter, Alex, but I think you will find that I will catch up with Double Jeopardy. Alex Trebek: Well,*

you've, uh — ***you've managed to cast away quite a number of points****. Tom Hanks: [he shrugs] I'm sorry… what's that? Alex Trebek: Oh, I'm sorry. I was making a pun on the title of your movie, «Cast Away»* [Saturday Night Live. Celebrity Jeopardy! Kathie Lee, Tom Hanks, Sean Connery, Burt Reynolds, 2008].

Реакция: закадровый смех. Каламбур (you've managed to cast away quite a number of points) в этом контексте выражает два значения. С одной стороны, реализуется значение глагола *cast away*: выбрасывать. При этом глагол *manage* используется в ироничном смысле, так как направлен на характеристику отрицательного результата объекта комического – минус 46 700 долларов. С другой стороны, словосочетание *cast away* является аллюзией и отсылает зрителей к фильму *Cast away* (Изгой), в котором снялся объект комического.

Метафора представляет собой одно из ключевых средств выражения остроумия в языке. Согласно теории метафоры, мы можем интерпретировать метафору как «универсальное категориальное явление, где в качестве категориального значения выступает значение сравнения, возникающее в результате перегруппировки семантических признаков в объеме актуального значения слова таким образом, что отдельные второстепенные семантические признаки становятся доминирующими» [Нагуш, 2017, *4*]. Выделяется три основных механизма создания комического, в основе которых лежит метафора, а именно: метафоризация (акт выявления общих моментов в сравниваемых предметах и явлениях), деметафоризация (акт буквального прочтения высказывания) и реметафоризация (акт восстановления метафорического значения у стертой метафоры) [Там же]. Кроме того, отмечается, что метафора при создании комического эффекта содержит в себе некую общую черту двух объектов и добавляет что-то новое к самому объекту высказывания [Colston, 2017, *237*]. В нижеприведенном примере метафора служит для того, чтобы высмеять семейные отношения:

(7) *Key: Okay. yeah, Jordan is not a big fan of marriage. For Jordan marriage is, um… Peele:* ***The end of life*** [Key and Peele. Gay Marriage Legalized, 2012].

Реакция: смех всех зрителей и одобрение небольшой части зрителей. Комик выражает свое отношение к браку, который он характеризует как the end of life.

Другим распространенным приемом создания комического эффекта через выражение ума является гипербола. В американской лингвокультуре комическое зачастую приравнивается к гиперболизации действительности [Godioli, Little, 2022]. Преувеличение может быть направлено на высмеивание непривлекательности человека. В следующем примере предметом карикатуры становятся возрастные физиологические особенности человека.

(8) *Ted from 2030: Okay, kids, the truth is, Bob probably looked like this. (A fortyish-looking kind of man enters the bar) Bob: Hey, sweetie. Robin: Hi. Ted*

from 2030: But when your ex is dating someone new your mind tends to accentuate their flaws. This is how I saw bob. (Bob looks now like an eighty-years-old man) Bob: Hey, dudes, what's crackin'? Ted: ***Hey, man, how are you?*** *Bob: Good to meet you. Sorry I'm late. I just got off the phone with my parents. Ted:* ***Parents?*** *Bob: They were totally on my case: «What are you gonna do with your life? You're forty-one.» and I'm like, «Chillax,* ***snowboarding is a legit career****. You ought to be stoked I found my bliss.» and speaking of bliss,* ***sugar me, baby*** *(Robin and Bob kiss)* [How I Met Your Mother. Slapsgiving, 2007].

Реакция: подготовительный закадровый смех (Hey, man, how are you?; Parents?; snowboarding is a legit career) и основной закадровый смех (sugar me, baby; Robin and Bob kiss). Комизм ситуации построен на том, что главный герой видит карикатурный образ другого человека (сорокалетний мужчина трансформируется в восьмидесятилетнего в восприятии главного героя), что проявляется вербально (уточняющие вопросы) и невербально (выражения лица, которые свидетельствуют о недоумении от происходящего). Объект комического довольно молод, при этом субъект комического представляет его пожилым человеком, так как испытывает к нему негативные эмоции. Сравнение также является одним из основных языковых средств выражения остроумия [Григоренко, 2008, *195–197*]. Нахождение неожиданного сравнения может помочь в проведении границы между двумя явлениями. В представленном примере при помощи сравнения двух людей разграничиваются такие состояния, как rich и wealthy:

(9) *There are no wealthy black – or brown – people in America. We got some rich ones… People go, «What’s the difference?» Here’s the difference. Shaq is rich.* ***The white man that signs his cheque is wealthy*** [Rock, 2004].

Реакция: смех и бурные аплодисменты зрителей. Комик сравнивает состоятельность двух богатых по среднестатистическим меркам людей, при этом один из них значительно богаче другого. Данное сравнение позволяет комику показать разницу между двумя словами (rich – wealthy).

Аллюзия также связана с проявлением остроумия, так как в подобных случаях требуется нахождение уместной в соответствующем контексте интертекстуальной связи. Как отмечает С. Аттардо, аллюзия является основным языковым средством выражения комического в интертекстуальных шутках [Attardo, 2001, *87*]. В комическом дискурсе аллюзии зачастую представляют собой использование культовых фраз в контексте рутинных действий.

(10) *Jim Carrey: Wow! You look a little green. You should really quit smoking. Cousin Wayne [He’s ‘The Mask’ character]: Ooh! [showing a cigarette that’s in his hand]* ***Somebody stop me!*** *It’s party time* [Saturday Night Live. Carrey Family Reunion, 2014].

Реакция: закадровый смех. Представленный отрывок из скетча отсылает нас к фильму «Маска», в котором фраза ‘Somebody stop me!’ является

знаковой, при этом объект комического использует ее в контексте обычной просьбы о прекращении им курения в помещении.

Парадокс также относится к популярным языковым средствам создания комического эффекта:

(11) *I'm very touched, thank you. So, I don't know. I don't. There's too much. Isn't there?* ***And not enough at the same time*** [Moran, 2011].

Реакция: смех зрителей. В приведенной ситуации одновременно актуализируются фразы с противоположным значением (There's too much. – And not enough at the same time), которые представляются нам одинаково верными.

Аксиологический концепт 'intelligence' относится к ценностям комического дискурса. Анализ практического материала показал, что в большинстве комических контекстов актуализация концепта 'intelligence' сопровождалась аплодисментами. Более того, когда адресант демонстрировал свой ум в серьезной части сообщения, самой распространенной реакцией аудитории также были аплодисменты. Следует отметить, что концепт 'intelligence' может актуализироваться для осмеяния различных антиценностей и восхваления определенных ценностей. При осмеянии антиценностей смех может сопровождаться аплодисментами, что является реакцией на демонстрацию ума субъектом комического, а не на актуализацию антиценности объектом комического.

К основным метакомическим характеристикам концепта 'intelligence' относятся выявление мелких, но важных деталей действительности; новый взгляд на повседневные вещи; нахождение контраргумента к очевидному утверждению; нахождение одновременно абсурдного и логичного доказательства определенного явления; обнаружение неразумности в повседневных действиях. При этом можно выделить семь основных языковых способов выражения остроумия в современных стендап-комедиях: каламбуры, новые метафоры, гиперболы, новые обозначения, неожиданные сравнения, аллюзии и парадоксы.

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 221 с.

Григоренко Т.М. Остроумие // Антология концептов. Т. 6. Волгоград: Парадигма, 2008. С. 182–205.

Дзюба Е.В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре. Екатеринбург: УГПУ, 2011. 225 с.

Кириллова И.В. Лингвокультурологическая специфика когнитивной оппозиции ум-глупость в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2012. 168 с.

Мишин А.А. Концепты ум и глупость в немецкой и английской языковых картинах мира: дис. … канд. филол. наук. Владимир, 2007. 150 с.

Нагуш Н.В. Механизмы функционирования метафоры в анекдоте (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 17 с.

Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 183 с.

Attardo S. Humorous texts: a semantic and pragmatic analysis. New York: Mouton de Gruyter, 2001. 238 p.

Attardo S. Linguistic Theories of Humor. New York: Mouton de Gruyter, 1994. 426 p.

Colston H.L. Irony and sarcasm // The Routledge handbook of language and humor. New York: Routledge, 2017. P. 234–249.

Cicero M.T. The Three Dialogues of M. T. Cicero on the Orator. New York: Kessinger Publishing, 2004. 352 p.

Godioli A., Little L.E. Different systems, similar challenges: humor and free speech in the United States and Europe // HUMOR. 2022. Vol. 35(3). P. 305–327.

Guidi A. Humor Universals // The Routledge handbook of language and humor. New York: Routledge, 2017. P. 17–33.

Hausmann F.J. Studien zu einer Linguistik des Wortspiels. Das Wortspiel im Canard Enchaine. Tiibingen: Niemeyer, 1974. 166 S.

Kao J., Levy R., Goodman N. The funny thing about incongruity: A computational model of humor in puns // Proceedings from 35th Annual Meeting of the Cognitive Science Society. 2013. Vol. 35. P. 728–733.

Kirchmann J.H. Asthetik auf realistischer Grundlage. Bd. 2. Berlin: J. Springer, 1868. 360 S.

Oxford Advanced Learner’s Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com (дата обращения: 23.05.2024).

Macmillan Dictionary. URL: https://www.macmillandictionary.com (дата обращения: 23.05.2024).

Milner G.B. Homo ridens. Toward a semiotic theory of humor and laughter // Semiotica. 1972. Vol. 5. P. 1–30.

Partington A. Corpus-Assisted Studies of Humor and Laughter-Talk // The Routledge handbook of language and humor. New York: Routledge, 2017. P. 322–339.

Peterson C., Seligman M.E. Character strengths and virtues: A handbook and classification. New York: Oxford University Press, 2004. 800 p.

Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. Boston: D. Reidel Publishing Company, 1985. 284 p.

Sherzer J. Oh! That's a pun and I didn't mean it // Semiotica. 1978. Vol. 22. P. 335–350.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

Carlin G. It’s bad for ya! 2008. URL: https://scrapsfromtheloft.com/comedy/george-carlin-its-bad-for-ya.

Connolly B. High Horse Tout Live. 2016. URL: https://scrapsfromtheloft.com/2020/05/27/billy-connolly-high-horse-tour-live-transcript.

Hedberg M. Comedy Central Special. 1999. URL: https://scrapsfromtheloft.com/2017/07/06/mitch-hedberg-comedy-central-special1999-full-transcript.

How I Met Your Mother. Slapsgiving. 2007. URL: https://subslikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-3/episode-9-Slapsgiving.

Key and Peele. Gay Marriage Legalized. 2012. URL: https://26lordserial.site/4097-ki-i-pil-s29.html.

Moran D. Yeah, yeah. 2011. URL: https://scrapsfromtheloft.com/comedy/dylan-moran-yeah-yeah-2011-transcript.

Rock Ch. Never Scared. 2004. URL: https://scrapsfromtheloft.com/2018/01/19/chris-rock-never-scared-2004-full-transcript.

Saturday Night Live. Carrey Family Reunion. 2014. URL: https://snl-transcripts.jt.org/14/carrey-family-reunion.phtml.

Saturday Night Live. Celebrity Jeopardy! Kathie Lee, Tom Hanks, Sean Connery, Burt Reynolds. 2008. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Ch_hoYPPeGc.

Williams R. Weapons of Self Destruction. 2009. URL: https://scrapsfromtheloft.com/comedy/robin-williams-weapons-of-self-destruction-transcript.

A.I. Bochkarev
PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of Foreign Languages of the Technical Faculties,
Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russia

Metacomic Characteristics of the Value Concept of Intelligence in English Language on-screen Comedy

This article aims at analyzing the metacomic nature of the value concept of intelligence. This paper applies an axiological approach to study metacomic characteristics of intelligence, which consists of determining the reaction of the audience to intelligence by a humorous subject or object, distinguishing humorous characteristics of the concept of intelligence based on analyzing relevant dictionary definitions, text fragments of humorous discourse in which the concept of intelligence is actualized and literature devoted to studying the concept of intelligence, analyzing the language means used to express the concept of intelligence, and finding the corresponding conceptual opposition. The metacomical characteristics of an axiological concept are considered to be these which are used for ridiculing or praising other axiological phenomena. The main metacomical characteristic of the axiological concept of intelligence is wit which is usually expressed through: identification of small, but relevant details of reality; new perception of everyday life; finding an argument to an obvious statement; finding both absurd and logical evidence of phenomena; finding incoherency in everyday activities. At the same time seven main language means of expressing wit in stand-up comedies can be distinguished: pun, new metaphor, hyperbole, new designation, unexpected comparison, allusions, and paradoxes. These language means are used to praise or ridicule various values or anti-values. The study has also showed that the concept of intelligence is an absolute value of humorous discourse in English-language linguistic culture. So, in most humorous contexts actualizing the concept of intelligence is accompanied by applauding.

Keywords: *axiological linguistics; intelligence; conceptual framework of humor; virtues; metacomical concepts; stand-up comedies.*

REFERENCES

Aristotle. Rhetoric. Poetics [Ritorika. Poetika]. Moscow: Labyrinth, 2000. 221 p. (in Russian).

Grigorenko T.M. Wittiness [Ostroumie]. *Anthology of concepts. Vol. 6.* Volgograd: Paradigm, 2008. Pp. 182–205 (in Russian).

Dzyuba E.V. The concept of intelligence in Russian linguoculture [Kontsept um v russkoj lingvokul'ture]. Yekaterinburg: USPU, 2011. 225 p. (in Russian).

Kirillova I.V. Linguistic and cultural specificity of the cognitive opposition mind-stupidity in the Russian linguistic picture of the world [Lingvokul'turologicheskaja specifika kognitivnoj

oppozicii um-glupost' v russkoj jazykovoj kartine mira]. *Dissertation ... Candidate of Philology*. Nizhny Novgorod, 2012. 168 p. (in Russian).

Mishin A. A. Concepts of mind and stupidity in German and English language pictures of the world [Koncepty um i glupost' v nemeckoj i anglijskoj jazykovyh kartinah mira]. *Dissertation ... Candidate of Philology*. Vladimir, 2007. 150 p. (in Russian).

Nagush N. V. Mechanisms of metaphor functioning in an anecdote (based on the material of the modern German language [Mehanizmy funkcionirovanija metafory v anekdote (na materiale sovremennogo nemeckogo jazyka)]. *Abstract of dissertation ... Candidate of Philological Sciences*. Irkutsk, 2007. 17 p. (in Russian).

Attardo S. Humorous texts: a semantic and pragmatic analysis. New York: Mouton de Gruyter, 2001. 238 p. (in English).

Attardo S. Linguistic Theories of Humor. New York: Mouton de Gruyter, 1994. 426 p. (in English).

Colston H.L. Irony and sarcasm. *The Routledge handbook of language and humor*. New York: Routledge, 2017. Pp. 234–249 (in English).

Cicero M. T. The Three Dialogues of M. T. Cicero on the Orator. New York: Kessinger Publishing, 2004. 352 p. (in English).

Godioli A., Little L. E. Different systems, similar challenges: humor and free speech in the United States and Europe. *HUMOR*. 2022. Vol. 35(3). Pp. 305–327 (in English).

Guidi A. Humor Universals. *The Routledge handbook of language and humor*. New York: Routledge, 2017. Pp. 17–33 (in English).

Hausmann F. J. Studies on a linguistics of word play. Word play in Canard Enchaine [Studien zu einer Linguistik des Wortspiels. Das Wortspiel im Canard Enchaine]. Tiibingen: Niemeyer, 1974. 166 S. (in German).

Kao J., Levy R., Goodman N. The funny thing about incongruity: A computational model of humor in puns. *Proceedings from 35th Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. 2013. Vol. 35. Pp. 728–733 (in English).

Kirchmann J. H. Aesthetics on a realistic basis [Asthetik auf realistischer Grundlage]. Book 2. Berlin: J. Springer, 1868. 360 S. (in German).

Oxford Advanced Learner’s Dictionary. Available: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com (in English).

Macmillan Dictionary. Available: https://www.macmillandictionary.com (in English).

Milner G.B. Homo ridens. Toward a semiotic theory of humor and laughter. *Semiotica*. 1972. Vol. 5. Pp. 1–30 (in English).

Partington A. Corpus-Assisted Studies of Humor and Laughter-Talk. *The Routledge handbook of language and humor*. New York: Routledge, 2017. Pp. 322–339 (in English).

Peterson C., Seligman M.E. Character strengths and virtues: A handbook and classification. New York: Oxford University Press, 2004. 800 p. (in English).

Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. Boston: D. Reidel Publishing Company, 1985. 284 p. (in English).

Sherzer J. Oh! That's a pun and I didn't mean it. *Semiotica*. 1978. Vol. 22. Pp. 335–350 (in English).

LIST OF SOURCES OF EXAMPLES

Carlin G. It’s bad for ya! 2008. URL: https://scrapsfromtheloft.com/comedy/george-carlin-its-bad-for-ya (in English).

Connolly B. High Horse Tout Live. 2016. Available at: https://scrapsfromtheloft.com/2020/05/27/billy-connolly-high-horse-tour-live-transcript (in English).

Hedberg M. Comedy Central Special. 1999. Available at: https://scrapsfromtheloft.com/2017/07/06/mitch-hedberg-comedy-central-special1999-full-transcript/ (in English).

How I Met Your Mother. Slapsgiving. 2007. Available at: https://subslikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother -460649/season-3/episode-9-Slapsgiving (in English).

Key and Peele. Gay Marriage Legalized. 2012. Available at: https://26lordserial.site/4097-ki-i-pil-s29.html (in English).

Moran D. Yeah, yeah. 2011. Availble at: https://scrapsfromtheloft.com/comedy/dylan-moran-yeah-yeah-2011-transcript/ (in English).

Rock Ch. Never Scared. 2004. Available at: https://scrapsfromtheloft.com/2018/01/19/chris-rock-never-scared-2004-full-transcript (in English).

Saturday Night Live. Carrey Family Reunion. 2014. Available at: https://snl-transcripts.jt.org/14/carrey-family-reunion.phtml (in English).

Saturday Night Live. Celebrity Jeopardy! Kathie Lee, Tom Hanks, Sean Connery, Burt Reynolds. 2008. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=Ch_hoYPPeGc (in English).

Williams R. Weapons of Self Destruction. 2009. Availble at: https://scrapsfromtheloft.com/comedy/robin-williams-weapons-of-self-destruction-transcript/ (in English).

А.В. Мишнова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

УДК 811.11-112; 001.4

DOI 10.35785/2072-9464-2025-69-1-128-141

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕРМИНОВ И НОМЕНОВ СТАНДАРТИЗИРОВАННОГО ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ТЕСТИРОВАНИЯ

Ключевые слова: *термин; номен; лингводидактика; тестирование; стандартизированное лингводидактическое тестирование.*

В статье приводится анализ функциональных особенностей терминов и номенов немецкого стандартизированного лингводидактического тестирования. Показано, что лингводидактическое знание вербализуется при помощи как терминов, соотносящихся с общими понятиями теории и практики языкового тестирования, так и номенов, обозначающих единичные понятия. Выявление терминов и номенов происходит при помощи функционального подхода, основанного на их исследовании в специальных текстах. Выделены группы терминов из области теории тестирования (наименования критериев качества экзаменов, особенностей разработки языковых тестов), не выполняющих функцию номенов, и терминов, которые могут выступать в качестве номенов в ряде контекстов (обозначения видов речевой деятельности и критериев оценивания уровня сформированности коммуникативной компетенции). Описана бинарная структура номенклатурных единиц, проявляющаяся в наличии термина и номенклатурного маркера. Номенклатурный маркер может не выражаться формально в текстах, что ведет к тождеству планов выражения терминов и номенов.

Способность номенов к формальному совпадению с терминами признана особенностью вербализации знания в сфере стандартизированного лингводидактического тестирования.

Проблема выявления способов репрезентации специального знания в языке является одной из основных в современной лингвистике. Поскольку главным носителем знания выступает понятие, особый интерес представляет классификация специальных лексем по их взаимосвязи с различными видами понятий – общих или единичных, а также рассмотрение способов взаимодействия понятий и вербализующих их лексем в рамках определенной предметной сферы. Согласно одному из взглядов, общие понятия (конкретные и абстрактные) обозначаются терминами, а единичные понятия именуются номенами [Комарова, Хасаншина, 2009, *62–63*].

Целью данного исследования является изучение функциональных особенностей терминов и номенов немецкого стандартизированного лингводидактического тестирования. Выбор данной сферы обусловлен тем фактом, что в ее понятийно-терминологическом аппарате важные позиции занимают не только общие, но и единичные понятия теории и практики лингводидактики и языкового тестирования, соотносящиеся с терминами и номенами соответственно. Это объясняется в первую очередь экстралингвистическими причинами: с одной стороны, разработка качественных стандартизированных языковых экзаменов невозможна без четкой теоретической базы, предполагающей наличие теорий, классификаций и других способов представления научного знания, отраженного в терминах. С другой стороны, языковое тестирование ставит перед собой ряд практических задач, среди которых первостепенной является точное определение уровня владения языком отдельного тестируемого. Решение данной задачи невозможно без детального анализа особенностей письменной и устной речи конкретного экзаменуемого. Данные характеристики выражаются в единичных понятиях стандартизированного тестирования, соотносящихся с номенами.

Актуальность исследования связана с изучением способов вербализации лингводидактических понятий разных видов. Это необходимо как в теоретических (изучение терминологий социально-гуманитарных наук как одно из направлений современного терминоведения), так и в практических целях (составление новых и обновление существующих лексикографических источников).

В терминоведении отсутствует единая общепринятая типология специальных лексем, что связано с наличием различных способов вербализации знания в разных предметных областях: виды специальной лексики обусловлены природой терминологии, к которой они относятся [Kageura, 2016, *48*]. Основным носителем специального знания является термин, второй по значимости разновидностью специальных лексем признается номен [Гринев-Гриневич,

2008, *37*]. Соотношение между термином и номеном, терминологией и номенклатурой является одним из спорных вопросов, который поднимается в ряде работ [Лемов, 2000; Суперанская, Подольская, Васильева, 2012; Чернявский, 1971; de Bessé et al., 1997]. Дискуссия осложняется расхождениями в понимании «терминологии» и «номенклатуры» в терминоведческих школах разных стран. Среди зарубежных авторов распространен взгляд на номенклатуру (англ. *nomenclature*) как «набор терминов, связанных четко структурированными концептуальными отношениями» [de Bessé et al., 1997, *141*]. Номенклатура, таким образом, является «нормализованной системой точно определенных терминов, упорядоченных в соответствии с определенными принципами классификации» [Kachlik et al., 2008, *459*]. В отечественном терминоведении в качестве номена как элемента номенклатуры рассматривается специальная лексема, выполняющая номинативную функцию и обозначающая отдельные объекты и единичные понятия [Гринев-Гриневич, 2008, *38–39*]. В номенах «предметная соотнесенность сильнее, чем понятийная; значение мотивировано основным термином, узко специальным характером явления, предмета, с которым соотносится данное название» [Герд, 2011, *54–55*]. В приведенных мнениях отечественных ученых акцент делается на разных компонентах семантики специальных слов, где термины характеризуются преобладанием сигнификативной, а номены – денотативной составляющей.

С другой стороны, целесообразность противопоставления терминов и номенов может также подвергаться сомнениям. А.В. Лемов систематизирует ряд критериев, по которым ученые обычно различают термины и номены (наличие между ними родовидовых отношений, связь номена с более конкретным понятием в отличие от термина, превалирование у номена денотативного, а у термина – сигнификативного компонентов семантики), и приводит доводы в пользу ненадежности данных критериев. Он говорит о существовании деривационных цепочек, в которых «родовые и видовые признаки понятия переходят друг в друга» [Лемов, 2000, *31*], подчеркивает недостаточность развитости «методики разграничения большей-меньшей конкретности-абстрактности профессионального понятия» [Там же]. Исследователь приходит к выводу об отсутствии необходимости «разделять специальную лексику на так нечетко выделяемые сферы терминологии и номенклатуры» [Там же, *32*] и склоняется к обнаружению в каждом специальном слове черт, «которые наделяют его свойствами логоса-термина (наличие сигнификата в лексическом треугольнике) и лексиса-термина (наличие в этом треугольнике денотата)» [Там же].

Трудность разграничения терминов и номенов признается и теми учеными, которые предлагают разделять специальную лексику на данные классы лексем: «граница между терминами и номенами неустойчива» [Гринев-Гриневич, 2008, *38*]. Это связано с зависимостью смысла знака от ряда факторов: «смысл знака всегда функционален», поэтому «в одной знаковой ситуации интерпретаторы применяют и воспринимают данный знак в его

чисто десигнативной функции, а в другой знаковой ситуации – в концептуальной, классификационной» [Чернявский, 1971, *349–350*]. В отношении терминов и номенов данная функциональная обусловленность проявляется в том, что «одни и те же лексические единицы (последовательность букв, звуков, фонем) в разных условиях могут быть терминами или номенами» [Суперанская, Подольская, Васильева, 2012, *231*]. В исследовании И.С. Куликовой и Д.В. Салминой поднимается проблема отнесения названий языков (лингвонимов) к группе терминов или номенов, ученые подчеркивают, что «специфичность лингвонима состоит в его отнесенности к той разновидности терминов, которые принято называть номенами (номенклатурными знаками, номенклатурой), так как они называют единичное понятие, но в то же время их семантика не имеет предметного характера, она денотативно-сигнификативна» [Куликова, Салмина, 2002, *16*]. Описанная сложность встречается и в других областях знания, в том числе в сфере лингводидактического тестирования.

В связи с неразработанностью методики разграничения терминов и номенов ряд ученых выделяет промежуточные виды специальных лексем. М.Н. Чернявский, размышляя о различиях между терминами и номенами в медицинской сфере, приходит к выводу о существовании единиц, которые занимают «промежуточное место между термином и номенклатурным наименованием» [Чернявский, 1971, *352*], и называет их «терминологизированными номенклатурными наименованиями» [Там же]. Е.И. Дубиненко также пишет о метаномене, определяя их как «особый пласт специальной лексики, находящийся на границе между терминами и номенами» и обозначающий «специальные предметы (технические артефакты), обладая признаками как терминов, так и номенов» [Дубиненко, 2016, *6*].

В данном исследовании за основу принимается позиция, с точки зрения которой специальная лексика может делиться на термины и номены. Для их разграничения используется функциональный подход, согласно которому основная функция номена заключается в маркировке отдельных объектов и единичных понятий [Гринев-Гриневич, 2008, *39*], в то время как термин маркирует группы объектов и общие понятия [Там же, *81*].

Для анализа функциональных особенностей терминов и номенов в области стандартизированного языкового тестирования были выбраны руководства для Гете-сертификата [Bolton, 2008; Glaboniat et al., 2023; Hennemann et al., 2015; Perlmann-Balme, Kiefer, 2022; Perlmann-Balme et al., 2018]. Из данных источников (160 контекстов) были отобраны только терминологические единицы (30 слов), содержащие дефиницию, поскольку, по мнению С.Д. Шелова, наличие дефиниции у сегмента (слова, словосочетания) «оказывается условием, достаточным для того, чтобы этот сегмент считать обладающим известной мерой специальности и терминологичности» [Шелов, 2003, *100*]. Соответственно, можно утверждать, что отобранные

слова являются существенными элементами понятийно-терминологического аппарата рассматриваемой сферы. Термины были разделены на две группы: 1) термины, не функционирующие в качестве номенов; 2) термины, способные в ряде случаев выполнять функцию номенов. Для перевода немецких терминов на русский язык использовался справочник [Едличко, Захарова, Мишнова, 2022].

К первой группе относятся термины, обозначающие общие понятия тестологии и соотносящиеся:

– с теоретическими основами тестирования, например критериями качества экзамена – *Reliabilität* ‘надежность’, *Validität* ‘валидность’, *Praktikabilität* ‘практичность’, *Wash-Back* ‘обратное влияние’;

– с другими понятиями из области теории составления тестов – *Point-Biserial-Wert* ‘точечно-бисериальный коэффициент’, *System Usability Scale* ‘шкала удобства использования системы’.

В связи с отсутствием необходимости в обозначении единичных понятий данные термины не встречаются в качестве номенов. Например, в контекстах (1), (2) и (3) можно увидеть, что слова *Wash-Back*, *Point Biserial* и *System Usability Scale (SUS)* являются терминами с преобладанием сигнификативной функции, так как обозначают общетеоретические идеи тестологии, что отражено в их дефинициях:

(1) **Wash-Back**: *Bei der Wahl der Themen, Textsorten und Aufgaben wurde berücksichtigt, dass die Prüfung einen positiven Einfluss auf die Inhalte von vorbereitenden Sprachkursen und Lehr-Lern-Materialien haben soll* [Hennemann 2015: 16] (рус. **Обратное влияние**: при выборе тем, типов текстов и заданий учитывалось, что экзамен должен оказать положительное влияние на содержание подготовительных языковых курсов и учебно-методических материалов, пер. здесь и далее наш).

(2) **Point Biserial** *ist eine Korrelation der Ergebnisse aller Kandidaten bei einem Item im Vergleich zu dem Ergebnis eines Kandidaten im Gesamttest* [Perlmann-Balme et al., 2018, 25] (рус. **Point biserial (бисериальный коэффициент)** – это корреляционная зависимость между результатами выполнения одного задания всеми кандидатами и результатом выполнения всего теста одним кандидатом).

(3) *Anhand der* **System Usability Scale (SUS)** – *ein standardisierter Fragebogen zur Bewertung der Usability – wurde ein Gesamtscore von 78,0 ermittelt* [Perlmann-Balme et al., 2018, 27] (рус. С помощью шкалы **System Usability Scale (SUS)** – стандартизированного опросника для оценки эргономичности объекта или системы – был определен общий балл 78,0).

Таким образом, в понятийно-терминологическом аппарате стандартизированного лингводидактического тестирования ряд слов, связанных с теоретическими понятиями тестологии, выступает только в качестве терминов.

Во вторую группу входят слова, которые выполняют в разных контекстах функции обозначения общих или единичных понятий, обнаруживая, таким образом, признаки терминов или номенов. При этом их план выражения может как полностью совпадать, так и различаться. В рассматриваемую группу в основном входят термины, обозначающие критерии оценивания уровня сформированности коммуникативной компетенции: *Wortschatz* ‘словарный запас’, *Strukturen* ‘структуры’, *Kohärenz* ‘когерентность’, *Flüssigkeit* ‘беглость речи’, *Orthografie* ‘орфография’ и др. Так, в дефиниции (4) термин *Aussprache* ‘произношение’ связан с общим представлением о произношении как о фонетической категории. В контексте также дается отсылка к «Общеевропейским компетенциям владения иностранным языком» как документу, унифицирующему различные требования к уровню владения языком и определяющему ряд общих понятий лингводидактики и языкового тестирования:

(4) *Bei der «**Aussprache**» ... geht es um die Realisierung der sprachlichen Äußerungen in Bezug auf Satzmelodie, Wortakzent und einzelne Laute* [Perlmann-Balme et al., 2018, *79*] (рус. В случае **произношения** … речь идет о реализации языковых высказываний с точки зрения мелодики предложения, словесного ударения и отдельных звуков).

Однако слово *Aussprache* может выступать и в качестве номена, обозначая единичные понятия языкового тестирования. Это происходит в случае необходимости охарактеризовать произношение конкретного экзаменуемого. В подобных контекстах *Aussprache* функционирует как номен, связанный с единичным, предельно конкретизированным понятием, например произношением Паулы (5) или произношением Мариам (6):

(5) ***Paulas Aussprache** ist bezogen auf die Anforderungen des Niveaus A2 verständlich. Hörbare systematische Abweichungen zum Beispiel bei «Espanien», «esprechen», «isch» und Probleme mit der Aussprache langer Vokale beeinträchtigen das Verständnis nicht* [Hennemann, 2015, *68*] (рус. Согласно требованиям для уровня А2, **произношение Паулы** является разборчивым. Систематические фонетические отклонения, например в *Espanien, esprechen, isch*, и проблемы с произношением долгих гласных не препятствуют пониманию).

(6) ***Mariams Aussprache** ist bezogen auf die Anforderungen des Niveaus A2 klar. Es gibt kaum Abweichungen. Vereinzelte Abweichungen wie «gähe» statt «gehe» sind unerheblich* [Hennemann, 2015, *68*] (рус. Согласно требованиям для уровня А2, **произношение Мариам** является четким. Отклонений почти нет. Отдельные отклонения, такие как *gähe* вместо *gehe*, незначительны).

В приведенных примерах прослеживается бинарная структура номенклатурной единицы, которая, согласно В.М. Лейчику, обычно «состоит из термина, относящего ее к общему понятию, и номенклатурного маркера, называющего частное понятие» (цит. по: [Комарова, Хасаншина, 2009, *62*]).

Общее понятие *Aussprache* соединяется с именами конкретных участников экзаменационного процесса *Paula* и *Mariam*, выступающими как номенклатурные маркеры. Таким образом, в рассмотренных контекстах можно говорить о слове *Aussprache* как о компоненте номенклатурной единицы, соотносящейся с единичным понятием.

Еще одним примером терминов является слово *Strategie* ‘стратегия’. В контексте (7) приводится описание общего понятия «стратегия» в лингводидактическом ракурсе, закрепленное в руководствах Гете-сертификата. Слово *Strategie* в данном случае соотносится с общим понятием лингводидактики. В данном контексте также представлена классификация стратегий, что подчеркивает теоретический характер описания:

(7) *Bei einer* ***Strategie*** *handelt es sich um eine Art Gelenkstelle zwischen den Kompetenzen der Lernenden und dem, was sie mit diesen Kompetenzen in spezifischen Kontexten tun können. Im Bereich des Fremdsprachenlehrens und -lernens werden für gewöhnlich folgende Strategien unterschieden: kognitive (Informationsverarbeitung), metakognitive (Planung, Überwachung und Evaluation) und soziale (Kommunikation mit anderen)* [Glaboniat et al., 2023, *56*] (рус. **Стратегия** – это своего рода связующее звено между компетенциями обучающихся и тем, что они могут сделать с помощью этих компетенций в конкретных условиях. В области преподавания и изучения иностранных языков обычно выделяют следующие стратегии: когнитивные (обработка информации), метакогнитивные (планирование, контроль и оценка) и социальные (общение с другими)).

В ряде контекстов термин *Strategie* используется в качестве номена с предельно конкретизированным содержанием. При этом номенклатурный маркер, выраженный словосочетанием (*jdn. bitten, etwas aufzuschreiben*) или несколькими словосочетаниями (*Beispiele geben, etwas verdeutlichen*), указывает на разновидность стратегии, благодаря чему выстраивается система стратегий, важных для стандартизированного языкового тестирования, например (8), (9) и др.:

(8) ***Strategien****: jdn. bitten, etwas aufzuschreiben* [Perlmann-Balme, Kiefer, 2022, *21*] (рус. **Стратегии**: просить кого-либо записать что-либо).

(9) ***Strategien****: Beispiele geben, etwas verdeutlichen* [Perlmann-Balme, Kiefer, 2022, *22*] (рус. **Стратегии**: приводить примеры, прояснить что-либо).

Таким образом, в рассматриваемой специальной области распространено функционирование терминов, обозначающих общие понятия языкового тестирования и не образующих номенов. Наряду с ними встречаются термины, выступающие в качестве номенов и имеющие бинарную структуру, одним из компонентов которой является номенклатурный маркер.

Номены не всегда имеют формально выраженный номенклатурный маркер, что можно связать со стремлением к экономии места в печатном тексте. Это ведет к совпадению планов выражения терминов и номенов при

их функциональных отличиях. Подобная ситуация характерна для обозначений, связанных с коммуникативными видами деятельности и их подвидами: *mündliche Interaktion* ‘устная интеракция’, *Lesen* ‘чтение’, *Hörverstehen* ‘аудирование’, *Schreiben* ‘письмо’, а также для наименований критериев оценивания: *Kohärenz,* ‘когерентность’, *Wortschatz* ‘словарный запас’, *Strukturen* ‘структуры’ и др. Данные слова могут актуализироваться в качестве терминов, обозначающих общие понятия. Так происходит с термином *Lesen*, указывающим на чтение как рецептивное умение:

(10) ***Lesen*** *ist eine rezeptive Sprachaktivität, bei der schriftliche Texte von der Leserin / vom Leser visuell empfangen und kognitiv verarbeitet werden* [Perlmann-Balme et al., 2018, *41*] (рус. **Чтение** – это рецептивная речевая деятельность, в ходе которой письменные тексты визуально воспринимаются и когнитивно обрабатываются читателем).

Стоит отметить, что контекст также снабжен отсылкой к «Общеевропейским компетенциям владения иностранным языком» как документу, на котором основано приведенное понимание термина. В качестве номена *Lesen* выступает при необходимости обозначать единичное понятие, характерное для конкретного экзамена. Так, *Lesen* может функционировать в значении модуля экзамена Гете-института определенного уровня и года. Поскольку содержание модуля «Чтение» варьируется в зависимости от экзамена (в разных версиях экзамена не совпадают типы и количество заданий, время для их выполнения, предполагаемый объем текстов и др.), то можно говорить, что *Lesen* как модуль экзамена определенного уровня и года соотносится не с общим, а с единичным понятием лингводидактического тестирования. Так, сравнение контекстов (11) и (12) показывает, что в разноуровневых экзаменах (А2 – пример 11, В2 – пример 12) лексема *Lesen* как экзаменационный модуль наполняется разным содержанием, например в отношении количества составных частей модуля – четырех или пяти:

(11) *Der Prüfungsteil* ***Lesen*** *umfasst vier Teile* [Hennemann, 2015, *35*] (рус. Экзаменационная часть «**чтение**» состоит из четырех частей).

(12) *Das Modul* ***Lesen*** *umfasst 5 Teile* [Perlmann-Balme et al., 2018, *43*] (рус. Модуль «**чтение**» состоит из пяти частей).

В данных контекстах можно говорить не об одном термине *Lesen*, а о двух различных номенклатурных единицах, которые состоят из компонента *Lesen* и формально не выраженных номенклатурных маркеров *Lesen im Goethe Zertifikat A2 2015* ‘чтение в Гете-сертификате А2 2015’ и *Lesen im Goethe Zertifikat B2 2018* ‘чтение в Гете-сертификате В2 2018’. Отсутствие формального выражения номенклатурных маркеров можно объяснить экономией места в печатном тексте, не приводящей к искажению смысла.

Подобную функциональную особенность также имеют другие наименования для видов речевой деятельности, например, в качестве терминов слова *Hören* и *Sprechen* обозначают общие умения аудирования (контекст 13) и говорения (контекст 14) на уровне B2:

(13) ***Hören*** *– Kann die Hauptaussagen von inhaltlich und sprachlich komplexen Redebeiträgen zu konkreten und abstrakten Themen verstehen, wenn Standardsprache gesprochen wird* [Perlmann-Balme et al., 2018, 33] (рус. **Аудирование** – может понимать основные идеи сложной по содержанию и языковому оформлению речи на конкретные и абстрактные темы при использовании литературного языка).

(14) **Sprechen** – *Kann zu einer großen Bandbreite von Themen aus ihren / seinen Interessengebieten klare und detaillierte Beschreibungen und Darstellungen geben, Ideen ausführen und durch untergeordnete Punkte und relevante Beispiele abstützen* [Perlmann-Balme et al., 2018, 33] (рус. **Говорение** – Может давать четкие и подробные описания по широкому кругу тем из сферы своих интересов, развивая идеи и подкрепляя их соподчиненными пунктами и соответствующими примерами).

Однако данные слова могут выступать в качестве номенов, соотносящихся с единичными понятиями – содержанием модуля конкретного экзамена (пример 15) или организационными комментариями по поводу проведения экзаменационного модуля (пример 16):

(15) *Das Modul* ***Hören*** *besteht aus vier Teilen und umfasst circa 1.900 Wörter sowie 30 Items. Die Gesamtlänge des Tonträgers beträgt maximal 40 Minuten* [Perlmann-Balme et al., 2018, *53*] (рус. Модуль «**аудирование**» состоит из четырех частей и включает в себя примерно 1900 слов и 30 заданий. Общая продолжительность звучащего материала составляет не более 40 минут).

(16) *Das Modul* ***Sprechen*** *wird in der Regel in einer Paarprüfung mit zwei Teilnehmenden und zwei Prüfenden durchgeführt. In Ausnahmefällen, wenn sich nur eine Person zur Prüfung anmeldet, oder bei ungerader Anzahl an Teilnehmenden wird das Modul Sprechen als Einzel- prüfung abgelegt* [Perlmann-Balme et al., 2018, *10*] (рус. Модуль «**говорение**» обычно проводится как парный экзамен с двумя участниками и двумя экзаменаторами. В исключительных случаях, если на экзамен зарегистрировался только один человек или если количество участников неравное, модуль «говорение» сдается как индивидуальный экзамен).

Формальное совпадение терминов и номенов также прослеживается среди обозначений критериев оценивания. Слово *Strukturen* ‘структуры’ реализуется в ряде контекстов в функции термина, связанного с общим понятием языкового тестирования. Так, в примере (17) описывается, что подразумевается под «структурами» в руководствах Гете-сертификата:

(17) *Bei «****Strukturen****» wird bewertet, welche Strukturen verwendet werden und wie korrekt die verwendete Sprache im Hinblick auf Morphologie, Syntax, Orthografie und Interpunktion ist* [Perlmann-Balme et al., 2018, *70*] (рус.

Критерий «**структуры**» оценивает, какие структуры используются и насколько правильным является используемый язык с точки зрения морфологии, синтаксиса, орфографии и пунктуации).

Однако в ряде контекстов слово *Strukturen* обозначает не общее понятие лингводидактического тестирования, а единичное понятие, относящееся к конкретной работе экзаменуемого. Так, в контекстах (18) и (19) раскрывается содержание единичного понятия *Strukturen* в работах отдельных тестируемых уровня B1 и B2:

(18) *Das Spektrum an* ***Strukturen*** *ist flexibel und differenziert (dass ich … nicht kommen kann, muss operiert werden), in der Orthografie finden sich einzelne Fehlgriffe (Krank; Freundlichen), die den Lesefluss allerdings nicht behindern* [Glaboniat et al., 2023, 92] (рус. Диапазон **структур** гибкий и дифференцированный (*dass ich … nicht kommen kann, muss operieren werden*), в орфографии встречаются отдельные ошибки (*Krank; Freundlichen*), которые, однако, не затрудняют чтение).

(19) ***Strukturen*** *– Das Spektrum ist überwiegend angemessen: Aufgaben, die ich …, wenn ich zu viel zu tun habe, um diese Problem zu lösen, schlage ich vor* [Perlmann-Balme et al., 2018, 77] (рус. **Структуры** – в основном соответствующий уровню диапазон: *Aufgaben, die ich …, wenn ich zu viel zu tun habe, um diese Problem zu lösen, schlage ich vor*).

В данных примерах можно говорить о *Strukturen* как о номене, у которого отсутствует номенклатурный маркер, указывающий на объект оценивания (например, структуры в письменной работе Мариам или Паулы). Подобная ситуация прослеживается в отношении слова *Kohärenz* ‘когерентность’. В качестве термина оно функционирует при описании общих требований к когерентности письменных или устных текстов для определенного уровня, например B2. Такие контексты, как правило, содержат отсылку к «Общеевропейским компетенциям владения иностранным языком», поскольку данный документ служит основой для разработкти стандартизированных языковых экзаменов:

(20) ***Kohärenz*** *– Kann eine begrenzte Anzahl von Verknüpfungsmitteln verwenden, um ihre/seine Äußerungen zu einem klaren, zusammenhängenden Text zu verbinden (Europarat 2001, S. 125, Kohärenz und Kohäsion)* [Perlmann-Balme et al., 2018, *38*] (рус. **Когерентность** – Может использовать ограниченное количество средств связи для объединения своих высказываний в четкий, связный текст (Совет Европы 2001, стр. 125, Когерентность и когезия)).

Если в контексте представлен разбор работы какого-либо тестируемого, то фокус внимания смещается с общих признаков понятия *Kohärenz* на конкретную реализацию этих признаков в работе данного экзаменуемого. С точки зрения соответствия критерию «когерентность» подробно анализируются письменные работы на уровне B2 (пример 21) и C1 (пример 22):

(21) ***Kohärenz*** *– Der Textaufbau ist effektiv mit Einleitung, Hauptteil und Schluss. Die Verknüpfung von Sätzen und Satzteilen ist angemessen: als, deshalb,*

wie ich zuvor geschrieben habe, wenn – dann, weil, damit beende ich. Die Satzanfänge variieren: Meine Meinung, Diese Entscheidung, Aber eines [Perlmann-Balme et al., 2018, *75*] (рус. **Когерентность** – Текст выстроен правильно и содержит введение, основную часть и заключение. Связь предложений и частей предложения уместна: *als, deshalb, wie ich zuvor geschrieben habe, wenn – dann, weil, damit beende ich*. Начало предложений варьируется: *Meine Meinung, Diese Entscheidung, Aber eines*).

(22) *Textaufbau und* ***Kohärenz*** *– Der Text liest sich flüssig und ist klar strukturiert. Eine eindeutige Einleitung fehlt zwar, aber dies fällt kaum auf. Deswegen kein Punktabzug* [Bolton, 2008, 41] (рус. Структура текста и **когерентность** – Текст читается быстро и имеет четкую структуру. Отсутствует явно выраженное введение, но это едва заметно. Поэтому баллы не снимаются).

Соответственно, термины, обозначающие коммуникативные виды деятельности, виды речевой деятельности и критерии оценивания, в ряде случаев могут функционировать в качестве номенов, при этом не имея эксплицитно выраженного номенклатурного маркера. Различие между термином и номеном в подобных случаях определяют, исходя не из формальных характеристик (таких как двучленная структура номенклатурного наименования), а из функциональных особенностей единиц, проявляющихся в контексте.

Можно заключить, что проблема соотношения терминов и номенов остается одним из дискуссионных вопросов терминоведения. Данное разделение специальной лексики признается не всеми учеными, ряд исследователей выделяет, наряду с терминами и номенами, промежуточные виды специальных лексем, такие как метаномены, терминологизированные номенклатурные наименования и другие. Объектом анализа данного исследования послужила область стандартизированного лингводидактического тестирования, поскольку в этой сфере важны не только теоретические понятия лингводидактики и тестологии, обозначаемые терминами, но и единичные понятия, связанные с более прикладными аспектами языкового тестирования и обозначаемые при помощи номенов. Главное различие между двумя указанными разновидностями специальных лексем определяется на основе функции, которую они выполняют в контексте: термин обозначает общие понятия, тогда как номен соотносится с единичными понятиями. Ряд слов является терминами, поскольку они связаны с общими теоретическими понятиями языкового тестирования и не обозначают более единичные понятия. Другие слова способны функционировать в качестве как терминов, так и номенов. Они могут формально различаться, при этом номен будет иметь бинарную структуру, сформированную при помощи номенклатурного маркера, конкретизирующего данную единицу. Наряду с ними распространено совпадение терминов и номенов в плане их материального выражения, что связано, помимо прочих факторов, со стремлением к экономии места в печатном тексте. Последний случай представляет особый интерес,

поскольку формальное совпадение термина и номена при их функциональных различиях является особенностью вербализации лингводидактического знания в области стандартизированного языкового тестирования.

ЛИТЕРАТУРА

Герд А.С. Введение в изучение языков для специальных целей: учеб. пособие. СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2011. 60 с.

Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.

Дубиненко Е.И. Категория орудий труда в русском языке техники в сопоставлении с английским (на материале метаноменов стоматологических артефактов): дис. … канд филол. наук. Екатеринбург, 2016. 250 с.

Едличко А.И., Захарова О.Л., Мишнова А.В. Терминологический справочник к программе «Учимся обучать немецкому» = Fachlexikon zu DLL – Deutsch Lehren Lernen. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2022. 192 с.

Комарова З.И., Хасаншина Г.В. Латинизированный семантический метаязык в русском агрономическом подъязыке: монография. Екатеринбург: Белоярская типография, 2009. 333 с.

Куликова И.С., Салмина Д.В. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). СПб.: САГА, 2002. 352 с.

Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. 192 с.

Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории. М.: URSS, 2012. 243 с.

Чернявский М.Н. Упорядоченная совокупность номенклатурных наименований или… терминосистема? // Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики». М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. Ч. 2. С. 349–352.

Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2003. 280 с.

Bolton S. Goethe Zertifikat C1. Prüfungsziele. Testbeschreibung. München: Goethe Institut, 2008. 45 S.

De Bessé B., Nkwenti-Azeh B., Sager J.C. Glossary of terms used in terminology // Terminology, 1997. No. 4(1). P. 117–156.

Glaboniat M., Perlmann-Balme M., Studer T. Zertifikat B1. Prüfungsziele. Testbeschreibung. München: Hueber, 2023. 230 S.

Hennemann D., Karamichali E., Perlmann-Balme M., Stelter C. Goethe Zertifikat A2. Prüfungsziele. Testbeschreibung. München: Hueber, 2015. 117 S.

Kachlik D., Baca V., Bozdechova I., Cech P., Musil V. Anatomical terminology and nomenclature: past, present and highlights // Surgical and Radiologic Anatomy. 2008. No. 30(6). P. 459–466.

Kageura K. Terminology and lexicography // Handbook of terminology. Vol. 1 / H.J. Kockaert, F. Steuers (ed.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015. P. 45–59.

Perlmann-Balme M., Fromme L., Frey E. Goethe Zertifikat B2. Prüfungsziele. Testbeschreibung. München: Hueber, 2018. 98 S.

Perlmann-Balme M., Kiefer P. Goethe Zertifikat A1: Start Deutsch 1. Prüfungsziele. Testbeschreibung. München: Goethe Institut, 2022. 107 S.

A.V. Mishnova
Postgraduate Student,
Chair of German Language and Culture,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Functioning of Terms and Nomens of Standardized Language Teaching Testing

The article analyses functional characteristics of terms and nomens in the German standardized language testing. The paper shows that the special knowledge is verbalized by means of both terms correlating with general concepts and nomens denoting single concepts. A functional approach to the identification of terms and nomens based on their study in special texts is presented. Two groups of terms are singled out: those from the field of testing theory (criteria for assessing test quality, characteristics of language tests development) which do not fulfil the function of nomens, and terms which can act as nomens in contexts connected with types of speech activities and assessment of the communicative competence. The study describes the binary structure of nomens consisting in a core term and a nomenclature marker. It is revealed that the nomenclature marker may not be presented in texts, which leads to the formal identity of terms and nomens. The ability of nomens to formally coincide with terms is recognized as a feature of knowledge verbalization in the standardized language testing.

Keywords: *term; nomen; language teaching; testing; standardized language testing*

REFERENCES

Gerd A.S. Introduction to the Study of Languages for Special Purposes [Vvedenie v izuchenie iazykov dlia spetsial'nykh tselei: Ucheb. posobie]. Saint Petersburg: SPbGU. RIO. Philological faculty, 2011. 60 p. (in Russian).

Grinev-Grinevich S.V. Terminology [Terminovedenie]. Moscow: Akademiya, 2008. 304 p. (in Russian).

Dubinenko E.I. The category of instruments of labour in the Russian language of technology in comparison with English (on the material of metanomena of dental artefacts) [Kategoriia orudii truda v russkom iazyke tekhniki v sopostavlenii s angliiskim (na materiale metanomenov stomatologicheskikh artefaktov)]. *Dissertation*: ... *Candidate of Philology*. Ekaterinburg, 2016. 250 p. (in Russian).

Edlichko A.I., O.L. Zaxarova, Mishnova A.V. Terminological guide to the programme «Learning to teach German» = Fachlexikon zu DLL – Deutsch Lehren Lernen [Terminologicheskij spravochnik k programme «Uchimsya obuchat` nemeczkomu» = Fachlexikon zu DLL – Deutsch Lehren Lernen]. Moscow: Moscow State University, 2022. 191 p. (in Russian)

Komarova Z.I., Xasanshina G.V. Latinised semantic meta-language in Russian agronomic sublanguage: a monograph [Latinizirovanny`j semanticheskij metayazy`k v russkom agronomicheskom pod``yazy`ke: monografiya]. Ekaterinburg: Beloyarsk publishing house, 2009. 333 p. (in Russian).

Kulikova I.S., Salmina D.V. Introduction to metalinguistics (systemic, lexicographic and communicative-pragmatic aspects of linguistic terminology) [Vvedenie v metalingvistiku (sistemnyi, leksikograficheskii i kommunikativno-pragmaticheskii aspekty lingvisticheskoi terminologii)]. Saint Petersburg: SAGA, 2002. 352 p. (in Russian).

Lemov A.V. System, structure and functioning of a scientific term (on the material of Russian linguistic terminology) [Sistema, struktura i funkcionirovanie nauchnogo termina (na materiale russkoj lingvisticheskoj terminologii)]. Saransk: Mordov State University, 2000. 192 p. (in Russian).

Superanskaia A.V., Podol'skaia N.V., Vasil'eva N.V. General terminology: issues of theory [Obshchaia terminologiia: voprosy teorii]. Moscow: URSS, 2012. 243 p. (in Russian).

Cherniavskii M.N. An organised set of nomenclatural names or ... terminosystem? [Uporiadochennaia sovokupnost' nomenklaturnykh naimenovanii ili … terminosistema?]. *Nauchnyi simpozium «Semioticheskie problemy iazykov nauki, terminologii i informatiki»* [Scientific Symposium «Semiotic Problems of Languages of Science, Terminology and Informatics»]. Part 2. Moscow: Moscow State University, 1971. Pp. 349–352 (in Russian).

Shelov S.D. Term. Terminology. Terminological definitions [Termin. Terminologichnost`. Terminologicheskie opredeleniya]. Saint Petersburg: Philological faculty SPbGU, 2003. 280 p. (in Russian).

Bolton S. Goethe Certificate C1 [Zertifikat C1]. *Prüfungsziele. Testbeschreibung*. Prüfungsziele. Testbeschreibung. München: Goethe Institut], 2008. 45 S. (in German).

De Bessé B., Nkwenti-Azeh B., Sager J.C. Glossary of terms used in terminology. *Terminology*, 1997. No. 4(1). Pp. 117–156 (in English).

Glaboniat M., Perlmann-Balme M., Studer T. Certificate B1 [Zertifikat B1]. Prüfungsziele. Testbeschreibung. München: Hueber, 2018. 230 S. (in German).

Hennemann D., Karamichali E., Perlmann-Balme M., Stelter C. Goethe Certificate A2 [Zertifikat A2]. Prüfungsziele. Testbeschreibung. München, Hueber, 2015. 117 S. (in German).

Kachlik D., Baca V., Bozdechova I., Cech P., Musil V. Anatomical terminology and nomenclature: past, present and highlights. *Surgical and Radiologic Anatomy*, 2008. No. 30(6). Pp. 459–466 (in English).

Kageura K. Terminology and lexicography. *Handbook of terminology*. Vol. 1. H.J. Kockaert, F. Steuers (ed.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015. Pp. 45–59 (in English).

Perlmann-Balme M., Fromme L., Frey E. Goethe Certificate B2 [Zertifikat B2]. Prüfungsziele. Testbeschreibung. München, Hueber, 2018. 98 S. (in German).

Perlmann-Balme M., Kiefer P. Goethe Zertifikat A1: Start Deutsch 1. Prüfungsziele. Testbeschreibung. München: Goethe Institut, 2022. 107 S. (in German).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

М.Н. Волоскова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия
Музей истории и культуры староверия
Боровск, Россия

УДК 273.99

DOI 10.35785/2072-9464-2025-69-1-142-153

ПРИХОДЫ И ОБЩИНЫ СТАРООБРЯДЦЕВ БЕЛОКРИНИЦКОЙ ИЕРАРХИИ, НЕ ПРИЕМЛЮЩИХ «ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНИЕ» 1862 ГОДА, НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ключевые слова: *вторая половина XIX века; «Окружное послание»; 1862 год; старообрядцы; Белокриницкая иерархия; неокружники; конфликт; приходы; Российская империя.*

Статья посвящена истории возникновения и развития приходов и общин старообрядцев Белокриницкой иерархии, не приемлющих «Окружное послание» 1862 года, на территории Российской империи во второй половине XIX века. Издание «Окружного послания» в 1862 году спровоцировало конфликт в старообрядческой Церкви Белокриницкой иерархии и привело к отделению от нее большой группы верующих во главе с частью белокриницкого епископата. Возникла новая ветвь иерархии – неокружническая. Приходы старообрядцев-неокружников образовались во многих губерниях Российской империи. На сторону неокружников перешла большая часть старообрядческих селений Гуслиц, Калужской губернии, немалое число старообрядцев в Стародубье, Поволжье, Бессарабии, на Подолье, Екатеринославщине, Херсонщине и т.д. В Московской, Нижегородской и Костромской губерниях существовали неокружнические скиты, а на Подолье действовал Куреневский монастырь.

На протяжении второй половины XIX века приходы и общины старообрядцев Белокриницкой иерархии, не приемлющих «Окружное послание», развивались и увеличивались. Только с началом репрессивной политики Советского государства в 1920–1930-е годы, когда был уничтожен весь неокружнический епископат и ряд священников, возникшая в 1862 году ветвь Белокриницкой иерархии стала постепенно исчезать.

Старообрядчество – общее, довольно широкое название русского православного духовенства и мирян, отказавшихся принять реформу, предпринятую в XVII веке патриархом Никоном, и стремящихся сохранить церковные установления и традиции древней Русской православной церкви [Шахов, 2000, *18*]. Гонения, начавшиеся сразу после церковного раскола XVII века, на приверженцев старообрядческой традиции стали причиной разделения старообрядчества на несколько религиозных течений. Наиболее существенное размежевание в старообрядческой среде возникло по вопросу признания церковной иерархии господствующего исповедания (реформированной Русской церкви). Часть старообрядцев, которые получили наименование «поповцы», признала возможным принятие в свои ряды новообрядческих священнослужителей, желающих совершать богослужения во всем согласно древнерусской традиции. Поэтому в течение почти 180 лет поповцы принимали священников, переходящих от Греко-российской церкви. Другие старообрядцы, получившие наименование «беспоповцы», отказались принимать священство новообрядческой Церкви. Они предпочли остаться без церковной иерархии и выбирали исполнителей церковных таинств и обрядов из мирян, членов своих сообществ. Старообрядцы-поповцы несколько раз предпринимали попытки воссоздать полноценную трехчинную церковную иерархию. В 1846 году в с. Белая Криница (в прошлом – территория Австро-Венгрии, затем – Румынии, а в настоящее время – Черновицкая область Украины) была учреждена старообрядческая иерархия путем присоединения к старообрядчеству митрополита Босно-Сараевского Амвросия (Паппа-Георгополи; 1791–1863 годы). Эта старообрядческая иерархия получила наименование Белокриницкой. Большая часть старообрядцев-поповцев признала Белокриницкую иерархию. Но остались и те, кто продолжил принимать священников от синодальной Церкви.

После учреждения в 1846 году в Белой Кринице старообрядческой иерархии в среде поповцев началась дискуссия по острым вопросам отношения к государственной власти, Греко-российской церкви и другим старообрядческим согласиям. Ответы на некоторые из этих вопросов были опубликованы в 1862 году в документе под названием «Окружное послание старообрядческих епископов» [Окружное послание, 1911].

«Окружное послание старообрядческих епископов» – документ старообрядческой Церкви Белокриницкой иерархии, который был издан 24 февраля 1862 года от имени старообрядческого московского Духовного совета и адресован всем старообрядцам Белокриницкой иерархии. Составлением «Окружного послания» по согласованию с епископатом занимался старообрядческий публицист И.Г. Кабанов (Ксенос). В «Окружном послании» сказано, что причиной издания документа стали распространявшиеся среди старообрядцев белокриницкого согласия «беспоповские тетради», в которых рассматриваются учения, противоречащие православию. В первой

статье «Окружного послания» говорится о том, что Церковь, священство и Евхаристия будут до судного дня. Старообрядцы от начала гонений и до воссоздания трехчинной иерархии имели священников. Во второй статье говорится, что Греко-российская церковь, несмотря на различия в обрядах, не погрешает в основных догматах веры. В третьей статье «Окружного послания» отмечается, что имя Иисус не является именем иного Бога и хулить его нельзя. В четвертой статье говорится об отношении к Кресту Христову. Старообрядческая Церковь равнозначно почитает как восьмиконечный, так и четвероконечный крест, приводя в качестве примера крестное знамение, миропомазание, а также его изображение на ризах, стихарях, поручах и т.д. В пятой статье содержится призыв к старообрядцам Белокриницкого согласия уважительно относиться к Евхаристии, которая совершается в Греко-российской церкви, и не хулить ее. Шестая статья «Окружного послания» посвящена молитве за царя. Автор ссылается на слова апостола Павла, который призывал молиться за власти, и «Известительную грамоту» митрополита Кирилла Белокриницкого от 17 октября 1861 года, в которой говорится о том, что необходимо вынимать пятую просфору за царя. В седьмой статье старообрядцы призывались к единомыслию: необходимо уклоняться от ложных учений и сочинений, противоречащих духу Церкви. В восьмой статье говорится о том, что перед концом света пророки Илия и Енох будут посланы Богом для обличения антихриста, они сотворят чудеса и знамения, а потом будут убиты антихристом. Девятая статья отвергала беспоповский тезис «о свершившемся воцарении антихриста, пришествие которого надо воспринимать не чувственно, а духовно, иносказательно». В десятой статье ссылкой на евангелистов «Окружное послание» отвергает лжепророчества об уже наступившем последнем времени и призывает отказаться от опасных рассуждений о том, что антихрист уже пришел и царствует в господствующей Церкви [Окружное послание, 1911].

Однако многие положения этого документа вызвали резкую критику в среде старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию. Немалая часть из них не приняла «Окружное послание». Следствием этого конфликта стало новое разделение в среде поповцев, а также появление нового религиозного направления – неокружнического согласия. Приходы старообрядцев-неокружников образовались во многих губерниях Российской империи.

История возникновения и развития неокружнических приходов Белокриницкой иерархии во второй половине XIX века нашла отражение в ряде источников и литературы.

Особое значение для представления истории «неокружнического конфликта» Белокриницкой иерархии имеет описанное выше «Окружное послание старообрядческих епископов» [Окружное послание, 1911]. Оно включает в себя краткое вступление и десять статей. Во вводной главе перечислены и кратко охарактеризованы десять «беспоповских тетрадей».

Именно издание «Окружного послания» положило начало конфликту в среде старообрядцев Белокриницкой иерархии.

Важным опубликованным источником является сборник документов «Источники по истории Куреневских старообрядческих монастырей XIX – первой половины XX века» [Источники по истории Куреневских старообрядческих монастырей, 2014]. Куреневские монастыри стали неокружническим центром после издания «Окружного послания» в 1862 году.

До революции литература, связанная с темой «неокружнического конфликта», имела главным образом полемический характер в связи с тем, что конфликт между окружниками и неокружниками сохранялся до 1920-х годов. Упоминаний о неокружнических моленных не было.

Писатель-апологет М.И. Бриллиантов в 1903 году опубликовал свой сборник «Шувойская беседа и материалы для истории раздора именуемых неокружников» [Бриллиантов, 1903], в котором с позиции окружника он указывал на несостоятельность неокружнических взглядов. Из содержания текста становится известно, что в селе Шувое Московской губернии была Троицкая неокружническая моленная.

С 1907 года издавался старообрядческий журнал «Церковь». С 1915 по 1918 год этот журнал назывался «Слово Церкви». Авторы и корреспонденты периодического издания были окружниками, а статьи имели полемический или критический характер, в некоторых публикациях упоминались неокружнические моленные [Гусляков, 19, *496*].

Многие церковно-общественные деятели, публицисты второй половины XIX – начала XX века в своих работах лишь кратко упоминали о приходах и общинах старообрядцев-неокружников. Важно отметить, что все публикации, исследования и материалы, созданные в это время, выполняли полемические и публицистические задачи.

В советский период специализированные научные труды по теме «неокружнического конфликта» не издавались. О неокружниках встречаются упоминания только в контексте общей истории старообрядчества. Упоминаний о культовых сооружениях неокружников нет.

Из современных крупных исследователей, которые затрагивали тему возникновения и развития неокружнических приходов, можно назвать В.В. Боченкова [Боченков, 2014, *512*], С.С. Михайлова [Михайлов, 2013; 2014; 2018], Р.И. Перекрестова [Перекрестов, 2013] и С.В. Таранца [Таранец, 2009, *124–129*]. Труды В.В. Боченкова посвящены старообрядческим приходам, в том числе неокружническим, Калужского региона. С.С. Михайлов, специализирующийся на подмосковном краеведении, в своих публикациях рассказывает об истории неокружнических общин и храмов. Р.И. Перекрестов является автором книги «Ксенос», посвященной биографии и церковной деятельности автора «Окружного послания» И.Г. Кабанова (Ксе-

носа), в его книге упоминаются неокружнические приходы и общины. Работы С.В. Таранца посвящены истории становления и развития неокружнического движения на территории Украины.

Последним и на данный момент единственным изданием, в котором опубликованы работы, посвященные истории неокружнических приходов, стал сборник материалов круглого стола «Неокружническое движение в истории старообрядческой Белокриницкой иерархии: к 160-летию издания “Окружного послания”» [Неокружническое движение, 2022].

В анализируемых трудах дается определенное представление о предмете исследования, что позволяет выявить новые особенности истории неокружнических приходов Белокриницкой иерархии. Историографический обзор литературы по проблеме исследования показывает, что в настоящее время не только нет комплексной работы, но и большинство публикаций, сделанных за последние 150 лет, имеет публицистический и даже полемический характер. Несмотря на это, они вводят в научный оборот множество фактов, а также разнообразные оценочные мнения религиозного и исторического характера. Вместе с тем авторы опубликовали немало документов, которые являются историческими источниками по данной научной проблеме. К сожалению, среди имеющихся публикаций нет ни одной, непосредственно и исключительно посвященной истории неокружнических приходов Белокриницкой иерархии.

Из-за споров вокруг «Окружного послания» во второй половине XIX века количество старообрядческих храмов и молитвенных домов в России практически удвоилось: где раньше существовала одна община, возникали две-три окружнические и неокружнические общины.

На сторону неокружников перешла большая часть старообрядческих селений Гуслиц, Калужской губернии, немалое число старообрядцев в Стародубье, Поволжье, Бессарабии, на Подолье, Екатеринославщине, Херсонщине и т.д. Взглядов неокружников придерживались такие известные старообрядцы, как Л.А. Громов, В.П. Рябушинский, Ф.В. Винокуров, А.А. Досужев, Ф.И. Масленников, М.А. Муравьев, Ф.Е. Медведев, П.П. Ермилов, А.Т. Фомин, Г. Аралов, Ф. Яковлев, Г. Ананьев, И. Новиков и другие [Источники по истории Куреневских старообрядческих монастырей, 2014, *345–346*].

Гуслицы – неофициальное название исторической местности на востоке Подмосковья, в состав которой входили территории Богородского и Бронницкого уездов Московской губернии, Покровского уезда Владимирской губернии и Егорьевского Рязанской губернии. В деревне Курьяново (ныне в черте Москвы) располагалась неокружническая моленная во владении крестьянина Руннова. В моленной не было священника, вместо него служил некий мирянин Егорыч, который умер от холеры в 1893 году. В селе Борисове (ныне в черте Москвы) Царицынской волости Московского уезда Московской губернии неокружники собирались на молитву в молитвенный

дом, находившийся во владении крестьянина Степана Иванова Голованова [Дамаскин (Орловский), 2019, *19*].

В деревне Печатники (ныне в черте Москвы) находились две неокружнические моленные, настоятелем одной являлся священник Аким, а другой – отец Василий Спиридонов, проживающий в деревне Нагатиной (ныне в черте Москвы). Также среди прихожан второй моленной был некий Василий Иванович Хромов. Известно, что священники Аким и Василий раньше жили дружно, но потом разделились из-за метрических записей и стали считать друг друга еретиками [Дамаскин (Орловский), 2019, *23*].

В начале 1880-х годов в Зуеве (в настоящее время – город Орехово-Зуево в Московской области) открылся Мосинский приход, названный по имени попечителей. Изначально приход относился к пастве епископа Иосифа, который поставил сюда в 1883 году священника Иоанна Сидорова (впоследствии ушел к окружникам и в конце жизни принял схиму с именем Иоиль). Мосинский приход и его здание были устроены без разрешения властей, которые, узнав о таковом, затеяли судебный процесс. Игнатий вместе с начетчиком Кузьмой Политовым (впоследствии епископ Одесский и Балтский Кирилл) продали участок и здание егорьевскому мещанину Журавлеву. Известны имена двух настоятельниц скита в Зуеве, управлявших им в 1880–1890-х годах, – инокини Надежда и Апполинария. В 1895 году стало известно о существовании еще одного скита. Неокружнический священник Иоанн Омелин, намереваясь устроить большой иноческий скит, поселил в принадлежащем ему доме двух молодых монахинь. Позднее дом сгорел, а куда переселились инокини – неизвестно. Также в Зуеве существовала так называемая «Черная» Богородицерождественская моленная, построенная в 1830 году. Внешние стены здания были обиты листовым железом, которое со временем потемнело, поэтому моленную именовали «Черной». После 1860-х годов приход этой моленной стал неокружническим [Михайлов, 2018, *8*].

С 1840 года в Зуеве действовала Брызгаловская моленная, но в 1880-х годах она стала окружнической. В районе деревень Степановка, Богородское, Абрамовка и Шувое располагались неокружнические «сторожки», то есть скиты, где проживали старообрядцы, которые приняли решение отселиться от деревенского общества. Обычно они назывались по имени главного насельника, например «Макаркина сторожка», «Сторожка Петра», «Мартихина сторожка» и другие [Михайлов, 2014, *87*].

Не позднее конца 1870-х годов в городе Коломне Московской губернии, недалеко от городского пожарного депо, была построена старообрядческая моленная во имя Покрова Пресвятой Богородицы (молельня Морковкиной). В 1892 году настоятелем Морковкинской моленной был отец Иаков. В конце XIX века моленная принадлежала неокружникам, которых в городе насчитывалось около ста человек. Также моленная существовала в селе Лукерьино Коломенского уезда [Михайлов, 2013, *80–81*].

Одним из центров неокружничества на территории Российской империи была Калужская губерния. В городе Боровске в 1860-е годы неокружническая молельная располагалась в доме активного прихожанина – боровского мещанина Алексея Ларионовича Томилина. Моленная благополучно использовалась неокружниками до 1872 года. В этом году ввиду доносов все старообрядческие моленные были подвергнуты проверке. В поле зрения властей попала и моленная неокружников: сам Томилин по суду был оправдан, но устроенную им моленную закрыли и опечатали. Немного позднее в Боровске была открыта неокружническая моленная Манефы, в которой служил епископ Тарасий (Москвичев). В 1890-е годы появляется упоминание о моленной Жданова, в которой служил священник Иоанн Щедрин. Можно сделать предположение, что это одна и та же моленная: сначала она находилась у Томилина, затем «у Манефы», потом закрепилась у Жданова [Осипов, Осипова, 2022, *40–46*].

В городе Сухиничи Калужской губернии проживало около 400 неокружников, а с 1888 года официально существовала Сергиевская моленная, первым настоятелем которой являлся священник Зотик Ефимович Силин. В с. Брынь действовала неокружническая моленная, в которой служил священноинок Никанор. Молитвенные дома неокружников существовали в деревнях: Хотисино, Волое (настоятель Алексей Петрович Егоров), Гавриловка (священник Андрей Кириллович Прокошин), Износки (настоятель Иоанн Афанасьевич Вишняков), Плетеневка, Семкино, в с. Колодяссы (Покровская моленная) и других селениях губернии [Боченков, 2014, *157, 30, 31, 39, 44, 65, 86, 121, 148*].

В городе Ржеве Тверской губернии в конце XIX века появились два неокружнических молитвенных дома. Оба были освящены в честь Покрова Пресвятой Богородицы: Второй Покровский и Третий Покровский. Последний был построен около 1868 года. В конце XIX века в нем служил протоиерей Симеон Плохов. Кто служил в храме до него – неизвестно [Волоскова, 2018, *45*].

Неокружническая моленная существовала в с. Исады Спасского уезда Рязанской губернии. Правящим архипастырем был епископ Рязанский и Тверской Павел (Туркин) [Савинцев, 2016, *105–111*].

В Нижегородском крае подавляющее число старообрядцев Белокриницкой иерархии были окружниками. Только около тысячи человек не признавали «Окружное послание». Известно, что резиденцией неокружнического епископа Иосифа Нижегородского во второй половине XIX века был скит в деревне Матвеевка. Численность неокружников составляла нескольких сотен человек, около пяти-шести приходов. Неокружники также проживали в с. Великовское Нижегородской губернии [Гусляков, 2010, *493*].

В нескольких населенных пунктах Ярославско-Костромских пределов, таких как город Шуя, а также деревни Глухово и Шода, существовали неокружнические общины. В Шоде проживали неокружнические инокини, которые позднее перешли к окружникам. Известны имена этих инокинь:

Мелетина, Манефа, Мамелфа, Агафья, Анфиса, Антонина. В с. Песочное под Рыбинском существовала община неокружников [Воронцова, Сундукова, 2020, *83–102*].

В деревне Алешонка Демянского уезда Новгородской губернии существовала старообрядческая неокружническая община. Местные старообрядцы имели связь с Куреневскими монастырями, которые были центром неокружничества. В 1870-х годах старообрядцы-поповцы Алешонки не имели своего священника, а за духовными нуждами обращались к своим единоверцам в Москве и Санкт-Петербурге. В Алешонке нелегальная моленная размещалась в доме крестьянина Ефима Михайлова. Местные старообрядцы неоднократно подавали прошение о разрешении открыть в Алешонке моленную при кладбище. Однако до 1905 года получить дозволение на создание моленной не получилось, поскольку этому активно противилось местное новообрядческое духовенство [Мельников, 2019, *692, 693, 695*].

В Самарской губернии неокружники проживали в основном в Бузулукском уезде и пригороде Ерыклинск Ставропольского уезда [Гребнев, 1897, *482*].

Неокружническими стали Куреневские старообрядческие монастыри белокриницкого согласия, которые располагались в Ольгопольском уезде Подольской губернии. Изначально здесь существовал Никольский мужской монастырь, при котором позже возник Успенский женский скит. Монастырь был основан в 1675 году неподалеку от с. Куреневка. С 1860 года в Никольском монастыре была размещена кафедра старообрядческого епископа Балтского Варлаама (Рымарева). Его нахождение в обители в качестве архиерея было непродолжительным. В 1862 году в Москве Варлаам подписал «Окружное послание». Когда он возвратился в монастырь, то, применив силу, начал агитировать насельников признать это послание. В ответ монахи призвали на помощь местных ополченцев и заставили епископа Варлаама покинуть монастырь [Источники по истории Куреневских старообрядческих монастырей, 2014, *336*]. Из иноков монастыря был избран неокружнический архиепископ Антоний (Климов). Монастырь стал одним из главных центров противоокружничества [Субботин, 1865, *17*]. В конце XIX века в Куреневском мужском монастыре проживало более 20 иноков и более 20 призреваемых, а в женском скиту – около 50 инокинь и столько же призреваемых [Источники по истории Куреневских старообрядческих монастырей, 2014, *143–145, 146–151, 151–159*].

После издания в 1862 году «Окружного послания» старообрядцы города Бендеры Бессарабской губернии, как и многие бессарабские общины, становятся его противниками. Известно о связях бендерчан с таким авторитетным противоокружническим духовным центром, как Никольский мужской монастырь в Куреневке. В последней четверти XIX – начале XX века Бендеры ока-

зываются в центре церковных событий, связанных с перипетиями неокружнической иерархии. Более 30 лет здесь находился центр Бессарабской епархии, архиерейская кафедра и постоянно проживали неокружнические епископы – Тарасий (Москвичев), Симеон (Бельченков) и Петр (Иванов). В городе существовала Покровская моленная [Костромина, 2022, *15–20*].

Появление «Окружного послания» вызвало широкий резонанс среди старообрядцев Белокриницкой иерархии и привело к отделению большой группы верующих во главе с частью белокриницкого епископата. Возникла новая ветвь иерархии – неокружническая, в которой в дальнейшем произошло разделение на последователей двух епископов – Иосифа и Иова. Приходы старообрядцев-неокружников образовались в ряде губерний Российской империи. Неокружническими стали многие общины в Гуслицах, Вохне, Гжели, Калужской губернии, в Стародубье, Поволжье, Бессарабии, на Подолье, Екатеринославщине, Херсонщине и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

Боченков В.В. Старообрядчество калужского края. Ржев: Парадигма, 2014. 512 с.

Бриллиантов М.И. Шувойская беседа и материалы для истории раздора именуемых неокружников. М., 1903. 398 с.

Волоскова М.Н. Ржевские неокружники и их храмы // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 16. М., 2018. С. 44–45.

Воронцова Е.В., Сундукова Д.А. Старообрядческий скит в советской деревне: (не) заметное присутствие // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020. № 88. С. 83–102.

Гребнев М. Состояние раскола и сектантства в Самарской епархии в 1896 году // Самарские епархиальные ведомости. 1897. № 11. С. 480–487.

Гусляков Д.Ф. Корень раздора // Церковь. 1910. № 19. С. 493–497.

Дамаскин (Орловский), архимандрит. Из раскола – в Церковь. Житие мученика Алексия Зверева. М., 2019. 383 с.

Источники по истории Куреневских старообрядческих монастырей XIX – первой половины XX века. В 3 т. Т. 2. Киев; Куреневка, 2014. 388 с.

Костромина К.Н. Бендерские старообрядцы: столетнее эхо неокружнического разделения // Неокружническое движение в истории старообрядческой Белокриницкой иерархии: к 160-летию издания «Окружного послания». М., 2022. С. 15–20.

Летопись происходящих в расколе событий // Братское слово. В 2 т. Т. 1. М., 1888. С. 287–297.

Мельников И.А. Старообрядцы-неокружники Демянского района Новгородской области: история и современное состояние // Язык, книга и традиционная культура позднего русского Средневековья в науке, музейной и библиотечной работе. М., 2019. Вып. 10. С. 685–708.

Михайлов С.С. История г. Коломна и его окрестностей. Коломна, 2013. 208 с.

Михайлов С.С. Старообрядческие иноческие поселения в Западной Мещере в XVIII–XX вв. М.: Археодоксія, 2014. 144 с.

Михайлов С.С. «Черная моленная»: судьба старообрядческого храма в Орехово-Зуеве // Старообрядец. 2018. № 71. С. 8, 34.

Окружное послание старообрядческих епископов, изданное 24 февраля 1862 г.: напечатано с подлинника. М.: Тип. Рябушинского, 1911. 31 с.

Осипов В.И., Осипова А.В. Боровские неокружники: люди, община, храм // Неокружническое движение в истории старообрядческой Белокриницкой иерархии: к 160-летию издания «Окружного послания». М., 2022. С. 40–46.

Перекрестов Р.И. Ксенос. В 2 т. Клинцы: Клинцовская гор. тип., 2013. Т. 1. 606 с. Т. 2. 559 с.

Савинцев В.А. Епископ Павел (Туркин), старообрядец неокружник // Современные вопросы государства, права, юридического образования. Тамбов: Принт-Сервис, 2016. С. 105–111.

Субботин Н.И. Современные движения в расколе. М.: Университетская тип. (Катков и К°), 1865. 144 с.

Таранец С.В. Балтская епархия Древлеправославной Церкви Христовой (не приемлющей Окружного послания) в первой половине XX века // Липоване: история и культура русских старообрядцев. Вып. 6. Одесса, 2009. С. 124–129.

Шахов М.О. Старообрядческое мировоззрение: религиозно-философские основы и отношение к обществу: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2000. 377 с.

M.N. Voloskova
Postgraduate Student,
Chair of Russian History,
Smolensk State University
Smolensk, Russia;
Museum Researcher,
Museum of the History and Culture of the Old Believers
Borovsk, Russia

Parishes and Communities of Old Believers of the Belokrinitsky Hierarchy Wo do not Accept the «District message» of 1862 on the Territory of the Russian Empire in the Second Half of the XIX Century

The article is devoted to the history of the emergence and development of the parishes and communities of the Old Believers of the Belokrinitsa hierarchy, who did not accept the «District Message» of 1862 on the territory of the Russian Empire in the second half of the 19th century. The publication of the «Circumferential Message» in 1862 provoked a conflict in the Old Believer Church of the Belokrinitsky hierarchy and led to the separation from it of a large group of believers, headed by part of the Belokrinitsky episcopate. A new branch of the hierarchy arose - neo-okrugnicheskaya. The parishes of the Old Believers-neokruzhnikov were formed in many provinces of the Russian Empire. Most of the Old Believer villages of Guslits, the Kaluga province, a considerable number of Old Believers in Starodubye, the Volga region, Podolia, Bessarabia, Yekaterinoslav, Kherson, and so on, went over to the side of the neo-okruzhnikov. In the Moscow, Nizhny Novgorod and Kostroma provinces there were non-environmental sketes, and the Kurenevsky monastery operated in Podolia.

During the second half of the 19th century, the parishes and communities of the Old Believers of the Belokrinitsky hierarchy, who did not accept the «District Message», developed and increased. Only with the beginning of the repressive policy of the Soviet state in the 1920s and 1930s, when the entire neo-okrugniy episcopate and a number of priests was destroyed, the branch of the Belokrinitskaya hierarchy that arose in 1862 began to gradually disappear.

Keywords: *second half of the 19th century; «District message»; 1862; Old Believers; Belokrinitskaya hierarchy; non-environment; conflict; parishes; Russian empire.*

REFERENCES

Bochenkov Viktor V.V. Old Believers of the Kaluga region [Staroobrjadchestvo kaluzhskogo kraja]. Rzhev, 2014. 512 p. (in Russian).

Brilliants M.I. Shuvoy conversation and materials for the history of discord called neokruzhnikov [Shuvojskaja beseda i materialy dlja istorii razdora imenuemyh neokruzhnikov]. Moscow, 1903. 398 p. (in Russian).

Voloskova M.N. Rzhev neokruzhniki and their temples [Rzhevskie neokruzhniki i ih hramy]. *Rzhevskie neokruzhniki i ih hramy,* 2018, Vol. 16. Pp. 44–45 (in Russian).

Vorontsova E.V., Sundukova D.A. The Old Believer skete in the Soviet village: (not) noticeable presence [Staroobrjadcheskij skit v sovetskoj derevne: (ne) zametnoe prisutstvie]. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. Series 1: Theology. Philosophy. Religious studies,* 2020. No. 88. Pp. 83–102 (in Russian).

Grebnev M. The state of schism and sectarianism in the Samara diocese in 1896 [Sostojanie raskola i sektantstva v Samarskoj eparhii v 1896 godu]. *Samara Diocesan Gazette. Samara,* 1897, No. 11. Pp. 480-487 (in Russian).

Guslyakov D. F. The root of discord [Koren' razdora]. *Cerkov',* 1910. No. 19. Pp. 493–497 (in Russian).

Damaskin (Orlovsky), Archimandrite. From the schism to the Church. The Life of the Martyr Alexei Zverev [Iz raskola – v Cerkov'. Zhitie muchenika Alekseja Zvereva]. Moscow, 2019, 383 p. (in Russian).

Sources on the history of the Kurenev Old Believer monasteries of the XIX–first half of the XX century: in 3 vols [Istochniki po istorii Kurenjovskih staroobrjadcheskih monastyrej XIX–pervoj poloviny XX veka: v 3 t.]. Vol. 2. Kiev: Kurenevka, 2014. 388 p. (in Ukrainian).

Kostromina K.N. Bendery Old Believers: a century-old echo of the neocircular division [Benderskie staroobrjadcy: stoletnee jeho neokruzhnicheskogo razdelenija]. *The neo-district movement in the history of the Old Believer Belokrinitskaya hierarchy: on the 160th anniversary of the publication of the «District Message,* 2022. Pp. 15–20 (in Russian).

Chronicle of the events taking place in the schism [Letopis' proishodjashhih v raskole sobytij]. Bratskoe slovo in two Vols, 1888, Vol. 1. Pp. 287–297 (in Russian).

Melnikov I.A. Old Believers-neokruzhniki of the Demyansky district of the Novgorod region: history and current state [Staroobrjadcy-neokruzhniki Demjanskogo rajona Novgorodskoj oblasti: istorija i sovremennoe sostojanie]. *Language, books and traditional culture of the late Russian Middle Ages in science, museum and library work*, 2019, Vol. 10. Pp. 685–708 (in Russian).

Mikhailov S.S. History of the city of Kolomna and its environs [Istorija g. Kolomna i ego okrestnostej]. Kolomna, 2013, 208 p. (in Russian).

Mikhailov S.S. Old Believer monastic settlements in Western Meschera in the XVIII-XX centuries [Staroobrjadcheskie inocheskie poselenija v Zapadnoj Meshhjore v XVIII-XX vv.]. Moscow, 2014, 144 p. (inRussian).

Mikhailov S.S. «Black Prayer»: the fate of the Old Believers' church in Orekhovo-Zuev [«Chjornaja molennaja»: sud'ba staroobrjadcheskogo hrama v Orehovo-Zueve]. *Old Believer*, 2018, No. 71, pp. 8, 34 (in Russian).

The district Epistle of the Old Believer Bishops, published on February 24, 1862: printed from the original. [Okruzhnoe poslanie staroobrjadcheskih episkopov, izdannoe 24 fevralja 1862 g.: napechatano s podlinnika]. Moscow, 1911. 31 p. (in Russian).

Osipov V.I., Osipova A.V. Borovsk neokruzhniki: people, community, temple [Borovskie neokruzhniki: ljudi, obshhina, hram]. *The neo-district movement in the history of the Old Believer Belokrinitskaya hierarchy: on the 160th anniversary of the publication of the «District Message».* 2022, pp. 40–46 (in Russian).

Perekrestov R.I. Xenos: In 2 vols [Ksenos: V 2 t.]. Klintsy, 2013 (in Russian).

Prugavin Aleksandr S. (2011) Staroobrjadchestvo vo vtoroj polovine XIX veka: ocherki iz novejshej istorii raskola. [Old Believers in the second half of the XIX century: essays from the modern history of the Schism]. Moscow, Vol. 1. 606 p., Vol. 2. 559 p. (in Russian).

Savintsev V.A. Bishop Pavel (Turkin), Old Believer neokruzhnik [Episkop Pavel (Turkin), staroobrjadec neokruzhnik]. *Contemporary issues of state, law, legal education.* Tambov, 2016. pp. 105–111 (in Russian).

Subbotin N.I. Modern movements in schism. [Sovremennye dvizhenija v raskole.]. Moscow, 1865. 144 p. (in Russian).

Taranets S.V. The Baltic Diocese of the Ancient Orthodox Church of Christ (which does not accept the District Message) in the first half of the XX century [Baltskaja eparhija Drevlepravoslavnoj Cerkvi Hristovoj (ne priemljushhej Okruzhnogo poslanija) v pervoj polovine XX veka]. *Lipovans: history and culture of Russian Old Believers,* Odessa, 2009, Vol. 6, pp. 124–129 (in Ukrainian).

Shakhov M.O. Old Believers' worldview: religious and philosophical foundations and attitude to society: abstract of the dissertation. [Staroobrjadcheskoe mirovozzrenie: religiozno-filosofskie osnovy i otnoshenie k obshhestvu: avtoreferat dis. ... doktora filosofskih nauk]. *Dissertation ... Doctor of Philosophy.* Moscow, 2000. 377 p. (in Russian).

И.А. Мартинкевич

Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет
Витебск, Республика Беларусь

УДК 369(476)«1943–1945»

DOI 10.35785/2072-9464-2025-69-1-153-170

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БССР (1943–1945 годы)

Ключевые слова: *социальное обеспечение; структура; организация; кадровое обеспечение; СССР; БССР; инвалиды; дома инвалидов; детские дома; пенсии; выплаты; материальная помощь; льготы; жилье.*

Статья посвящена становлению системы социального обеспечения БССР в первые послевоенные годы. Рассматриваются направления, по которым союзным и республиканским правительствами были приняты важнейшие решения, определившие содержание и развитие государственной

поддержки наиболее незащищенных слоев населения. Особое внимание в статье уделено формированию структуры и кадровому обеспечению органов социального обеспечения. Отмечено, что к 1945 году они уже представляли собой устойчиво работающую и понятную населению структуру со штатным расписанием, отделами, организованными по основным видам деятельности, зонами ответственности, полномочиями и подчиненностью. Вместе с тем работа в этом направлении не была лишена недостатков. Ощущалась кадровая проблема. Нехватка специалистов, имевших хоть какой-то опыт работы, соответствующую квалификацию, порой просто достаточный уровень образованности, негативным образом сказывалась на качестве оказания социальной помощи, усложняя и без того непростую ситуацию, обусловленную послевоенной действительностью. Тем не менее в этом направлении велась последовательная и планомерная работа.

Восстановление системы социального обеспечения БССР началось после освобождения первых территорий Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Оно носило плановый и координируемый характер. Вместе с тем это не было простым копированием довоенной структуры. Тяжелые последствия оккупации, трудности материального и организационного характера первых послевоенных лет обусловили и ее специфику. На процесс трансформации системы также оказали влияние ожидания советских граждан, которые после военного лихолетья надеялись на ощутимое улучшение качества жизни в ближайшей перспективе. В процессе перехода к мирной жизни было необходимо восстановить и в значительной степени перестроить структуру социального обеспечения. Большая часть проблем в этой сфере была связана со сложностями послевоенного времени. Работа по их устранению сопровождалась целым рядом трудностей материального и организационного характера [Опиок, 2020, *68*].

Уже осенью 1943 года вышло постановление СНК БССР о мероприятиях наркомата социального обеспечения БССР по восстановлению работы органов социального обеспечения в освобожденных от оккупации районах. Согласно документу, облисполкомы и райисполкомы должны были организовать областные, городские и районные отделы социального обеспечения на освобожденных территориях и укомплектовать их соответствующими кадрами. Работа велась под личным контролем наркома социального обеспечения БССР Е.Т. Гуценковой. За короткий срок в ее ведомстве совместно с облисполкомами были утверждены 14 заведующих отделами, назначены заведующие облсобесами по 10 областям и горрайсобесами по пяти восточным областям. Были определены важнейшие направления работы в освобожденных от немецких оккупантов городах и районах республики.

Приоритетным направлением деятельности наркомата в первые месяцы стала организация выплаты пенсий. На основании постановления СНК СССР от 28 апреля 1943 года городские и районные отделы социального обеспечения

в месячный срок со дня освобождения территории от оккупантов обязывались произвести перерегистрацию граждан, получавших пенсионные выплаты от государства до оккупации [НАРБ, ф. 4п, оп. 61, д. 109, *24*]. Выплаты возобновлялись со дня освобождения территории от оккупации в размерах, предусмотренных законодательством СССР и БССР. Важной особенностью послевоенного пенсионирования было то, что выплаты не осуществлялись лицам, в отношении которых имелись сведения о сотрудничестве с немцами во время оккупации. В соответствии с указаниями Главного управления информации Красной армии бывшие старосты, полицаи и другие участники созданных немцами отрядов и организаций не призывались в армию, а направлялись в фильтрационные лагеря НКВД. Если кто-то из них при освобождении от оккупантов территории БССР все же был призван в Красную армию и получил там ранение, военкоматами это расценивалось как преднамеренное сокрытие порочащих данных с целью попасть в действующую армию. Поэтому согласно пункту 4 постановления СНК СССР от 1943 года № 459 пенсии этим лицам назначать запрещалось, а все сведения о них следовало сообщать в соответствующие органы НКВД и НКГБ [НАРБ, ф. 102, оп. 4, д. 2, *5*].

Органы социального обеспечения возобновляли выплаты инвалидам Великой Отечественной войны, труда, Гражданской и империалистической войн и семьям умерших граждан. При городских и районных отделах социального обеспечения были организованы комиссии по назначению пенсий. В их состав, как правило, входили председатель – заведующий отделом социального обеспечения и члены комиссии: представители профсоюзной организации (основного профсоюза в данном городе или районе) и депутаты городского или районного совета депутатов трудящихся. Состав комиссии утверждался городским или районным советом депутатов трудящихся.

В письме председателю СНК БССР И.С. Былинскому 5 октября 1943 года нарком социального обеспечения БССР Е.Т. Гуценкова отмечала, что проведение перерегистрации граждан, получавших до оккупации пенсии от государства, а также организация артелей и ремонтных мастерских для трудоустройства инвалидов Великой Отечественной войны, труда и других групп стали главными направлениями деятельности наркомата [НАРБ, ф. 102, оп. 3, д. 1, *58*].

Возобновление выплат в освобожденных районах проходило в непростых условиях. Не хватало не только финансирования, но и порой самого необходимого для ведения учета и делопроизводства – бланков, справочников, удостоверений. Вместе с тем новые назначения пенсии рассматривались комиссией не позднее трех дней после получения всех необходимых документов от инвалида, а назначения и выплаты должны были осуществляться на основании соответствующих документов, подтверждающих право на пенсию. На каждого пенсионера заводилось личное дело со

всей необходимой документацией (пенсионными удостоверениями, бланками, законодательными материалами на начальный период работы в освобожденных районах отделы социального обеспечения снабжал наркомсобес РСФСР). К концу 1943 года в распоряжении наркомата БССР было 1100 таких книжек на персональных пенсионеров, что обеспечило их годовую потребность. Кроме того, через наркомсобес РСФСР было отпечатано 350 экземпляров законодательных справочников по социальному обеспечению, что позволило снабдить ими все областные, городские и районные отделы социального обеспечения. Были изготовлены 150 000 экземпляров пенсионных удостоверений для инвалидов. По предварительным подсчетам, этого количества должно было хватить на пять-шесть месяцев работы органов социального обеспечения [НАРБ, ф. 4п, оп. 61, д. 109, *24 об.*].

Для обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны протезами и ортопедической обувью под личную ответственность Е.Т. Гуценковой наркомсобесу БССР было поручено организовать протезные мастерские – по одной в Гомельской, Минской, Могилевской и Витебской областях. С этой целью наркомздрав СССР должен был направить для работы в протезных мастерских БССР 10 специалистов: врачей-протезников и ортопедов. Кроме того, наркомсобесу РСФСР поручалось выделить для БССР 2000 готовых протезов, сырье, инструменты и оборудование, а также 12 специалистов по протезному делу на начальный период работы протезных мастерских [НАРБ, ф. 102, оп. 3, д. 1, *57, 57 об.*].

Параллельно наркомат, областные, городские и районные отделы социального обеспечения занимались организацией в городах и райцентрах врачебно-трудовых экспертных комиссий (ВТЭК). Часть районов закреплялась за ближайшими ВТЭК для обслуживания инвалидов. Работу по организации комиссий проводили областные, городские и районные отделы социального обеспечения. По плану комиссии ВТЭК состояли из трех человек: заведующий городским или районным отделом социального обеспечения (он же председатель), врач и секретарь ВТЭК. Комиссии должны были комплектоваться квалифицированными врачами и проводиться совместно с городскими и районными здравотделами. Помещение для их работы предоставляли городские и районные советы депутатов трудящихся в амбулаториях наркомздрава БССР.

Сложнейшим направлением работы стала организация домов инвалидов. В первые послевоенные годы это считалось одной из приоритетных задач, поскольку с фронта возвращалось большое количество военнослужащих и многие из них частично или полностью утратили трудоспособность. Нередко по возвращении они не находили своего дома или семьи [Шуняков, 2020, *58–59*]. Бывали случаи, когда от инвалида отворачивались родные и близкие или фронтовик сам не хотел обременять семью и по этой причине не возвращался

домой. В такой ситуации государство стремилось предоставить хотя бы минимальную помощь для них. Были организованы дома инвалидов в Гомельской области – один дом на 100 коек, Могилевской – один дом на 100 коек, Витебской – один дом на 150 коек, Минской – один дом на 150 коек, Полесской – один дом на 100 коек. Всего на этом этапе было создано пять домов инвалидов на 600 человек. Во вторую очередь планировалось основать еще пять домов на 480 коек в таких областях, как Белостокская (один дом на 100 коек), Барановичская (один дом на 100 коек), Брестская (один дом на 100 коек), Вилейская (один дом на 100 коек), Пинская (один дом на 80 коек). Для этого облсоветы депутатов своими решениями предоставляли областным собесам соответствующие помещения и оборудование для домов инвалидов. В учреждения такого типа принимались в первую очередь инвалиды Великой Отечественной войны, а направление в дома инвалидов производилось по путевкам облсобесов. Заявки на постельные принадлежности и обмундирование были направлены Госплану СССР и представлялись на рассмотрение СНК БССР [НАРБ, ф. 4п, оп. 61, д. 109, *24 об.*].

Следует отметить, что первые мероприятия социального обеспечения были направлены на помощь остро нуждающимся в государственной поддержке категориям населения, прежде всего пенсионерам, фронтовикам-инвалидам и их семьям [Мох, 2024, *88*]. Они носили не столько системный, сколько чрезвычайный характер. На заседании бюро ЦК КП(б)Б 19 декабря 1944 года и в постановлении СНК БССР и ЦК КП(б)Б о мерах помощи семьям фронтовиков и инвалидам Великой Отечественной войны отмечалось, что всем обкомам, горкомам и райкомам областным, городским и районным исполкомам советов депутатов, центральному комитету профсоюзов и ЦК ЛКСМБ было поручено провести сбор средств для оказания помощи семьям фронтовиков и инвалидов Великой Отечественной войны.

В городах и населенных пунктах, на фабриках, заводах, в колхозах, совхозах и МТС с этой целью было поручено организовать массовые воскресники и декадники помощи семьям фронтовиков. Кроме того, во внеурочное время предписывалось изготавливать предметы ширпотреба, ремонтировать квартиры, осуществлять заготовку и поставку топлива, провести сбор одежды и продуктов питания. Для организации и проведения работы по сбору средств, поступающих в фонд помощи семьям фронтовиков и инвалидов Великой Отечественной войны, их учета и последующего распределения создавались специальные комиссии: республиканская (в составе Далидовича, Гуценковой, Воднева, Чистогова, Мазурова, Умрейко), областные и районные в составе заведующих отделами государственного и социального обеспечения, председателя общества Красного Креста, секретаря обкома и райкома ЛКСМБ, начальника политотдела военкомата и заведующего отделом народного образования.

Параллельно с реализацией практических мер была развернута кампания по информированию населения о проводимой работе. С этой целью редакторам республиканских, областных и районных газет предписывалось постоянно освещать в печати работу коллективов и отдельных лиц, оказывающих помощь семьям фронтовиков и инвалидов Великой Отечественной войны [Там же, *18*]. К примеру, в газете «Советская Беларусь» за 16 декабря 1944 года в статье «Больше внимания защитникам советской Родины» отмечалось, что забота и помощь со стороны государства широка и многообразна и выражается в государственных пособиях семьям защитников Родины, павших при исполнении воинского долга, пенсиях инвалидам Отечественной войны, в праве внеочередного получения работы трудоспособными членами семей фронтовиков, первоочередного получения детьми фронтовиков мест в детских яслях, садах и домах, освобождении от платы за обучение в школах и высших учебных заведениях детей рядового, сержантского и старшинского состава Красной армии, различных льготах по налогам и поставкам государству, уменьшении квартплаты для семей фронтовиков.

Вместе с тем не замалчивались и негативные проявления в работе. В частности, отмечалось, что только по Могилевской области прокуратурой были выявлены грубейшие нарушения законов, охраняющих права семей военнослужащих. Так, в Могилевском горжилуправлении были обнаружены 73 заявления семей фронтовиков на предоставление им квартир, лежавшие без рассмотрения по вине начальника жилуправления Ефременко на протяжении более двух месяцев. За допущенную волокиту его сняли с работы. Подобные случаи были не единичными по республике [Советская Белоруссия, 1944, 16 декабря]. Тема оказания социальной помощи государством достаточно широко освещалась в прессе и в последующем [Советская Белоруссия, 1944, 8 февраля].

Следует сказать, что ни одно из обозначенных выше направлений работы не могло эффективно реализовываться без четко выстроенной системы социального обеспечения, которую требовалось не только заново восстанавливать, но и адаптировать под нужды реалий того времени, что в условиях послевоенной действительности сделать было довольно сложно. Это понимало и руководство наркомата социального обеспечения. Чтобы ускорить процесс комплектования отделов в районах заведующими и другими работниками, Е.Т. Гуценкова лично выезжала в освобожденные районы БССР для проведения вышеуказанных мероприятий [НАРБ, ф. 102, оп. 3, д. 1, *58*]. Интенсивная работа по комплектованию необходимыми сотрудниками структуры социального обеспечения вскоре принесла первые результаты. В докладной записке председателю СНК БССР и секретарю ЦК КП(б)Б П.К. Понамаренко о состоянии работы и укомплектовании руководящими кадрами органов социального обеспечения в районах БССР, осво-

божденных от немецких оккупантов, указывалось, что с момента освобождения районов БССР от оккупации была проведена перерегистрация граждан, ранее получавших пенсию от государства, и зарегистрировано 6487 пенсионеров, из которых 1667 прошли переосвидетельствование на ВТЭК. Назначены пенсии на общую сумму 362 066 руб. и выплачены на сумму 181 046 руб. Такая неполная выплата объяснялась тем, что в ряде районов, частично освобожденных от немецких оккупантов, банки еще не возобновили свою работу.

За это время в артелях кооперации инвалидов, на предприятиях и в учреждениях было трудоустроено 502 инвалида Великой Отечественной войны и труда. Оказана денежная помощь, выдана одежда и обувь 280 человекам, восстановлено четыре дома инвалидов: три в Могилевской и один в Гомельской. В Речице организован дополнительно один дом. В них размещено 165 инвалидов Отечественной войны и труда и престарелых [Там же, *45*].

Несмотря на первые успехи в работе по социальному обеспечению, в ЦК КП(б)Б на этом этапе нередко поступали сведения, что отдельные организации относились к областным и районным отделам социального обеспечения и к кооперации инвалидов как к второстепенным, менее важным по сравнению с другими государственными органами. Это приводило к подбору кадров для данной системы по остаточному принципу и негативно отражалось на решении проблем по назначению и выплате пенсий, организации протезирования и трудоустройства инвалидов, созданию артелей инвалидов. В ЦК КП(б)Б оценивали подобное отношение к органам социального обеспечения на местах как вредное и антипартийное. Чтобы искоренить подобные проявления, ЦК КП(б)Б требовало усилить кадровую работу областных и районных отделов социального обеспечения. С этой целью рекомендовалось принимать на работу в собесы сотрудников соответствующей квалификации, способных разбираться в законодательстве по гособеспечению, своевременно реализовывать мероприятия на практике [Там же, *46*]. Однако проблема нехватки специалистов решалась непросто. В докладной записке П.К. Пономаренко руководитель наркомсобеса Е.Т. Гуценкова отмечала, что проблема с кадрами медленно меняется в лучшую сторону. К примеру, в Добрушский райсобес был направлен сотрудник Гореликов, который работал там ранее, но райком партии задействовал его на другой работе, а в райсобес назначили Гладышева, который не обеспечивал работу. В целом по БССР ситуация с руководящими кадрами также складывалась непросто: из 44 заведующих райсобесами впервые работали на этих должностях 36. Чтобы повысить квалификацию в области пенсионного обеспечения для заведующих райсобесами, наркоматом был проведен пятидневный семинар по Гомельской области. В дальнейшем их планировали проводить и в других областях. Очевидно, что такие меры не могли оказать существенного влияния, для этого требовалась системная работа.

Ситуация усложнялась тем, что существовала определенная недооценка значения работы органов социального обеспечения со стороны отдельных партийных и советских органов, поэтому профильному наркомату трудно было обеспечить выполнение задач, возложенных на органы социального обеспечения [Там же, *42, 43 об*].

Тем не менее конец 1943 года ознаменован рядом важнейших организационных решений, результатом которых стало принятие положения об образовании отдела по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при областных, городских и районных исполнительных советах депутатов трудящихся [НАРБ, ф. 4п, оп. 3, д. 1251, *91*]. Согласно документу, перед созданным отделом были поставлены задачи по обеспечению пособиями и пенсиями семей военнослужащих рядового, сержантского состава Красной армии и Военно-морского флота и семей партизан в соответствии с действующим законодательством. В обязанности отдела входило также трудоустройство и проведение мероприятий по удовлетворению их материально-бытовых нужд. Создаваемая структура должна была обеспечивать и контролировать предоставление льгот семьям военнослужащих и партизан, а также рассмотрение от них жалоб и заявлений.

Отдел являлся органом облисполкома и управления по гособеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при Совнаркоме БССР. В своей деятельности он подчинялся как областному совету депутатов, так и Управлению по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при Совнаркоме БССР. Во главе отдела стоял заместитель председателя облисполкома, который одновременно являлся заведующим отделом. Он назначался облисполкомом и утверждался начальником Управления по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при Совнаркоме БССР. Заведующий отделом издавал приказы на основании и во исполнение законов, постановлений правительства СССР и правительства БССР, приказов и инструкций начальника Управления по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при Совнаркоме БССР, решений и распоряжений областного Совета депутатов и его исполнительного комитета. Приказы заведующего отделом были обязательны для отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при исполкомах городских и районных советов депутатов.

В ведении отдела были вопросы обеспечения пособиями и пенсиями семей партизан и военнослужащих рядового и сержантского состава Красной армии и Военно-морского флота. Отдел разрабатывал и осуществлял мероприятия по трудоустройству указанных семей, оказывал их членам содействие в получении профессионально-технического образования, производственных навыков и квалификации. Принимал меры по устройству детей военнослужащих и партизан в детские учреждения (детские сады, ясли), а также по передаче в семьи трудящихся на воспитание (патронаж) детей

военнослужащих и партизан, оставшихся без родителей. Разрабатывал и проводил мероприятия по удовлетворению материально-бытовых нужд семей военнослужащих и партизан (снабжение топливом, улучшение жилищных условий и т.д.). В его задачи входила также проверка выполнения законов и постановлений правительства СССР и БССР, приказов и инструкций управления, решений и распоряжений исполкома областного совета депутатов трудящихся, осуществление систематического контроля за работой отделов при исполкомах городских и районных советов депутатов, проведение периодически ревизии их деятельности. Отдел должен был непосредственно руководить работой отделов при городских и райисполкомах, рассматривать жалобы и заявления по всем вопросам обслуживания семей военнослужащих и партизан и принимать необходимые меры. Финансирование отделов происходило через местный бюджет [Там же, *86–87*].

Структура отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при исполкомах облсоветов депутатов, трудящихся БССР выглядела следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Структура и должностные оклады отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при исполкомах облсоветов депутатов, трудящихся БССР

Наименование должностей	Количество штатных единиц	Должностные оклады по группам		
Заведующий отделом (зам. председателя облисполкома)	1	1400	1200	1000
Заместитель заведующего отделом	1	1200	1050	900
Старший инспектор	1	750	650	600
Инспектор (1 из 8 районов)	–	650	600	550
Юрист	1	750	700	650
Главный бухгалтер	1	750	650	600
Статистик	1	350	300	300
Инспектор по кадрам и секретной переписке	1	750	650	600
Секретарь	1	300	250	250
Машинистка	1	250	250	250
Уборщица	2	150	150	150
Старший бухгалтер-ревизор (1 на 8 районов)	1	650	600	550

Составлено по: [НАРБ, ф. 4п, оп. 3, д. 1251, *91*].

Также было утверждено штатное расписание отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при исполкомах горсоветов, городов, имеющих районное деление (табл. 2).

Таблица 2

Структура и должностные оклады отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при исполкомах горсоветов, городов, имеющих районное деление

Наименование должностей	Количество штатных единиц	Должностные оклады по группам			
		Должностные оклады по группам			
		1	2	3	4
Зав. отделом (зам. председателя исполкома)	1	По ставкам зам. председателя исполкома			
Старший инспектор	1	700	650	600	550
Инспектор (1 на 3 района)	–	650	600	600	500
Старший бухгалтер	1	650	600	600	500
Делопроизводитель-машинистка	1	225	225	225	225

Составлено по: [НАРБ, ф. 4п, оп. 3, д. 1251, *92*].

Штатное расписание отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при исполкомах горсоветов, городов, не имевших районного деления, выглядело так (табл. 3).

Таблица 3

Структура и должностные оклады отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при исполкомах горсоветов, городов, не имеющих районного деления

Наименование должностей	Количество штатных единиц	Должностные оклады по группам			
		Должностные оклады по группам			
		1	2	3	4
Зав. отделом (зам. председателя исполкома)	1	По ставкам зам. председателя исполкома			
Старший инспектор	1	700	650	600	500
Инспектор (1 на 2500 семей военнослужащих)	–	650	600	550	500
Старший бухгалтер	1	650	600	550	500
Старший счетовод (1 на 800 семейств военнослужащих)	–	400	375	350	325
Машинистка	1	225	225	225	225

Составлено по: [НАРБ, ф. 4п, оп. 3, д. 1251, *93*].

В сельской местности штатное расписание отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при райисполкомах имело следующий вид.

Таблица 4

Структура и должностные оклады отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих при райисполкомах

Наименование должностей	Количество штатных единиц	Должностные оклады по группам		
		Должностные оклады по группам		
		1	2	3
Зав. отделом (зам. председателя исполкома)	1	По ставкам зам. председателя исполкома		
Старший инспектор	1	600	550	600
Инспектор (1 на 2500 семей военнослужащих)	–	500	450	550
Старший бухгалтер	1	500	450	550
Старший счетовод (1 на 800 семейств военнослужащих)	–	375	350	350
Делопроизводитель-машинистка	1	200	200	225

Составлено по: [НАРБ, ф. 4п, оп. 3, д. 1251, *94*].

В отчете Наркомата социального обеспечения БССР за 1944 год и плане мероприятий на 1945 год отмечалось, что в соответствии с Постановлением СНК СССР от 2 апреля 1943 года и Постановлением СНК БССР от 9 октября 1943 года после освобождения районов БССР от немецких оккупантов органы социального обеспечения возобновили свою работу и приступили к перерегистрации граждан, ранее получавших пенсию от государства. Наркоматом были приняты срочные меры к укомплектованию кадрами органов социального обеспечения. Во всех областях проведены пятидневные семинары для заведующих районными и городскими отделами социального обеспечения по ознакомлению их с основным законодательством по пенсионированию, а в июне 1944 года в г. Гомеле состоялось республиканское совещание работников органов социального обеспечения [НАРБ, ф. 102, оп. 3, д. 4, *1*].

К концу 1944 года с учетом направлений работы, требовавших наибольшего внимания со стороны государства, были сформированы структура и штаты народного комиссариата социального обеспечения БССР. В его состав вошли управление гособеспечения, отделы гособеспечения инвалидов войны, гособеспечения инвалидов труда, сектор по персональным и академическим пенсиям, отдел по домам инвалидов Отечественной войны, труда и детдомам, по трудоустройству, бытовому обслуживанию и

протезированию, планово-производственный отдел, финансово-ревизионный отдел учета и отчетности, отдел колхозных касс взаимопомощи и спецотдел. К этому времени общая численность сотрудников наркомата социального обеспечения БССР составляла 57 человек.

Таблица 5

Структура и должностные оклады отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих при райисполкомах

Наименование должностей	Количество единиц	Месячный оклад (зарплата)	Всего в месяц
Нарком	1	1600	1600
Зам. наркома	2	1360	2720
Старший инспектор по кадрам	1	650	650
Заведующий приемной наркома	1	700	700
Секретарь наркома	1	400	400
Всего	6		6070
Управление гособеспечения			
Начальник управления	1	1200	1200
Врач по ВТЭК	1	800	800
Секретарь управления	1	300	300
Всего	3		2300
Отдел гособеспечения инвалидов войны			
Начальник отдела, он же зам. начальника управления	1	1000	1000
Старший консультант	2	700	700
Инспектор	1	500	500
Секретарь	1	300	300
Всего	5		3200
Отдел гособеспечения инвалидов труда			
Начальник отдела	1	1000	1000
Старший консультант	3	700	2100
Инспектор	1	500	500
Секретарь	1	300	300

Всего	6		3900
Сектор по персональным и академическим пенсиям			
Начальник отдела	1	750	750
Старший консультант	1	650	650
Секретарь	1	300	300
Всего	3		1700
Отдел по домам инвалидов Отечественной войны, труда и детдомам			
Начальник отдела	1	800	800
Старший инспектор	1	650	650
Методист по детдомам	1	650	650
Старший инспектор по подсобным хозяйствам домов инвалидов	1	600	600
Всего	4		2700
Отдел трудоустройства, бытового обслуживания и протезирования			
Начальник отдела	1	1000	1000
Старший консультант по трудоустройству и бытовому обслуживанию	1	700	700
Старший консультант по обучению инвалидов	1	700	700
Старший консультант по протезированию	1	800	800
Всего	4		3200
Планово-производственный отдел			
Начальник отдела	1	1000	1000
Старший экономист-плановик	1	600	600
Старший консультант по производству	1	700	700
Инженер-строитель	1	800	800
Секретарь	1	300	300
Всего	5		3400
Финансовый ревизионный отдел учета и отчетности			
Начальник отдела	1	1000	1000
Главный бухгалтер	1	900	900

Старший бухгалтер	1	600	600
Старший ревизор-бухгалтер	1	700	700
Ревизор-бухгалтер	1	600	600
Экономист-статистик	1	500	500
Кассир-счетовод	1	300	300
Всего	7		4600
Отдел колхозных касс взаимопомощи			
Начальник отдела	1	900	900
Старший консультант	1	700	700
Инспектор	1	500	500
Всего	3		2100
Спецотдел			
Начальник отдела	1	900	900
Старший консультант	1	600	600
Инспектор	1	400	400
Всего	3		1900
Административно-хозяйственный отдел			
Начальник отдела	1	750	750
Старшая машинистка	1	400	400
Машинистка	1	350	350
Архивариус	1	250	250
Экспедитор-регистратор	1	250	250
Курьер-уборщица	1	150	150
Шофер первого класса	2	500	500
Всего	8		3350
	57		38 420

Составлено по: [НАРБ, ф. 102, оп. 3, д. 1, *27, 27 об, 28*].

С восстановлением деятельности органов социального обеспечения БССР в отношении укомплектования кадров была проведена значительная работа. Основным звеном социального обеспечения теперь являлись райгорсобесы, поскольку в основном от них зависело эффективное и своевременное обслуживание пенсионеров. По этой причине главное внимание

было сосредоточено на укомплектовании их проверенными и работоспособными сотрудниками. Вместе с тем из-за нехватки специалистов большинство работников трудилось в этой системе впервые.

К 1 января 1945 года из 177 райсобесов было укомплектовано 174. Частично обеспечены кадрами оставались Сопоцкинский и Зельвенский район Гродненской области, а также Столинский район Пинской области. О низком уровне подготовки и квалификации заведующих областными отделами свидетельствует их уровень образования: из 12 человек, возглавлявших облсобесы, только один имел незаконченное высшее, четверо – среднее, четверо – незаконченное среднее и трое – низшее. Из 73 заведующих отделами социального обеспечения БССР только 7 получили высшее незаконченное образование, 21 – среднее, 44 – незаконченное среднее, 92 – низшее. Большинство из них ранее не имело отношения к сфере социального обеспечения и слабо представляло специфику работы. Ситуация осложнялась тем, что только за отчетный период руководящие районные кадры менялись несколько раз. К примеру, в Климовичском районе сменилось пять заведующих, в Добрушском, Уваровичском, Речицком и других – по два и более заведующих отделами социального обеспечения. Все это препятствовало системной и последовательной работе и снижало ее эффективность [НАРБ, ф. 102, оп. 3, д. 4, *9–11*].

Следует отметить, что государственными и партийными органами принимались определенные меры по устранению указанных проблем. Только за 1944 год состоялось семь заседаний коллегий наркомата социального обеспечения, на которых изучались итоги проверки работы ВТЭК в Витебской и Могилевской областях. Были заслушаны доклады о работе кооперации инвалидов и перспективах на 1945 год. Рассматривались вопросы работы органов социального обеспечения Гомельской, Витебской, Могилевской и других областей, а также состояние работы Минского протезного завода и Гомельской протезной мастерской. 24 октября 1944 года заседание СНК БССР было посвящено результатам проверки работы отделов социального обеспечения Минска. Своеобразным итогом заседаний коллегий стало принятие плана работы на 1945 год, в течение которого предполагалось провести сплошную проверку пенсионных дел и правильности назначения пенсии по всем областям БССР, внести в Правительство проект по уточнению отдельных вопросов пенсионного законодательства. Совместно с наркоматом здравоохранения наркомсобес должен был организовать Врачебно-трудовые экспертные комиссии (ВТЭК) в эвакогоспиталях для определения группы инвалидности эвакуируемых на родину инвалидов Великой Отечественной войны. В системе кооперации инвалидов планировалось организовать обучение и переобучение инвалидов Отечественной войны, потерявших трудоспособность по своей прежней квалификации.

Для повышения квалификации работников органов социального обеспечения БССР за 1945 год было решено организовать курсы для 250 сотрудников. С целью укрепления продовольственной базы домов инвалидов в планах была организация при каждом доме инвалидов подсобного хозяйства. В Витебске планировалось организовать протезную мастерскую [Там же, оп. 3, д. 4, *12–14*]. Все эти меры сыграли важную роль в оформлении послевоенной системы социального обеспечения БССР.

Таким образом, начиная с освобождения первых районов БССР и до начала 1945 года правительством БССР и партийными органами была проведена значительная работа по организации социальной помощи наиболее незащищенным группам населения. В первую очередь усилия были направлены на выплату пенсий и поддержку инвалидов Великой Отечественной войны. Работа в этом направлении постепенно стала приобретать системный характер. Уже к концу 1944 года важным достижением стало выстраивание в условиях послевоенного времени, по сути, новой системы социального обеспечения. К этому моменту она представляла собой устойчиво работающую и понятную населению структуру со штатным расписанием, отделами, организованными по основным видам деятельности, зонами ответственности, полномочиями и подчиненностью. Вместе с тем работа в этом направлении не была лишена недостатков. Наиболее остро ощущалась кадровая проблема. Нехватка специалистов, имевших хоть какой-то опыт, соответствующую квалификацию, порой просто достаточный уровень образованности, негативным образом сказывалась на качестве оказания социальной помощи, усложняя и без того непростую ситуацию, обусловленную послевоенной действительностью. Тем не менее в этом направлении велась последовательная и планомерная работа. Организовывались курсы повышения квалификации, осуществлялся подбор специалистов. Немаловажным фактором дальнейшего развития послевоенной системы социального обеспечения стало то, что она не была консервативной системой, не принимавшей какие-либо инновации, а стремилась реагировать на вызовы, которые ставила перед ней реальность. В дальнейшем эффективность ее работы во многом будет обусловлена своевременностью принимаемых мер на фоне социально-экономического развития республики.

ЛИТЕРАТУРА

Мох Е.Н. Детские дома в системе государственных учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей в БССР: типы, функции, роль в социализации воспитанников (1944–1956 гг.). // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2024. № 3(71). С. 88–93.

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1251.

НАРБ. Ф. 4п. Оп. 61. Д. 109.

НАРБ. Ф. 102. Оп. 3. Д. 1.

НАРБ. Ф. 102. Оп. 3. Д. 4.

НАРБ. Ф. 102. Оп. 4. Д. 2.

Опиок Т.В. Восстановление социальной сферы в освобожденных осенью 1943 – весной 1944 г. районах БССР // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2020. № 2(239). С. 68–74.

Советская Белоруссия. 1944. 16 декабря.

Советская Белоруссия. 1944. 8 февраля.

Шуняков Д.В. Послевоенная демобилизация офицерских кадров вооруженных сил СССР и связанные с ней проблемы (1945–1948 годы) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2. С. 53–60.

I.A. Martsynkevich
PhD in History, Associate Professor,
Chair of Social Sciences and Humanities,
Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University
Vitebsk, Republic of Belarus

Structural and Functional Characteristics of the Social Security System of the BSSR (1943–1945)

The article is devoted to the formation of the social security system of the BSSR in the first post-war years. The article examines the areas in which the Union and Republican governments made the most important decisions that determined the content and development of state support for the most vulnerable segments of the population. Particular attention is paid to the formation of the structure and staffing of social security agencies. It is noted that by 1945 it already represented a steadily operating and understandable structure for the population with a staffing table, departments organized by main types of activity, areas of responsibility, powers and subordination. At the same time, work in this direction was not without shortcomings. There was a personnel problem. The shortage of specialists with at least some work experience, appropriate qualifications, sometimes just a sufficient level of education, negatively affected the quality of social assistance, complicating the already difficult situation caused by the post-war reality. Nevertheless, consistent and systematic work was carried out in this direction.

Keywords: *social security; structure; organization; staffing; THE USSR; BSSR; disabled people; homes for the disabled; orphanages; pensions; payments; material aid; privileges; housing.*

REFERENCES

Mokh E.N. Orphanages in the system of state institutions for children left without parental care in the BSSR: types, functions, role in the socialization of pupils (1944–1956) [Detskie doma v sisteme gosudarstvennyh uchrezhdenij dlya detej, ostavshihsya bez popecheniya roditelej v BSSR: tipy, funkcii, rol' v socializacii vospitannikov (1944–1956 gg.)]. *Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities.* 2024. No. 3(71). Pp. 88–93 (in Russian).

Opiok T.V.[Restoration of the social sphere in the regions of the BSSR liberated in the fall of 1943 – spring of 1944 [Vosstanovlenie social'noj sfery v osvobozhdennyh osen'yu 1943 – vesnoj 1944 g. rajonah BSSR]. *Proceedings of BSTU. Series 6: History, Philosophy.* 2020. No. 2(239). Pp. 68–74 (in Russian).

Shuniakov D.V. [Post-var demobilization of officer cadres of the Armed Forces of the Ukrainian SSR and related problems (1945–1948) [Poslevoennaya demobilizaciya oficerskih kadrov vooruzhennyh sil SSSR i svyazannye s nej problemy (1945–1948 gody)]. *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and social sciences.* 2020. No. 2. Pp. 53–60 (in Russian).

Sovetskaya Belorussiya. 1944. December 16 (in Russian).

Sovetskaya Belorussiya. 1944. February 8 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB – Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 4p. List 3. Record 1251 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB – Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 4p. List 61. Record 109 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB – Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 102. List 3. Record 1 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB – Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 102. List 3. Record 4 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB – Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 102. List 4. Record 2 (in Russian).

Л.И. Ивонина

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 94(100)

DOI 10.35785/2072-9464-2025-69-1-170-183

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МИССИЯ ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ НА ЕЕ ВОСТОЧНЫХ ГРАНИЦАХ

Ключевые слова: *Габсбургская монархия; экспансия; камерализм; цивилизационный дискурс; социальные и пространственные иерархии; ориентализм.*

Геополитическая экспансия Габсбургской монархии в XVIII веке привела к глубоким перестановкам в ее внутренней структуре власти. Чтобы установить более жесткий контроль над экономическими ресурсами и укрепить власть императорского двора в Вене, были усилены централистские тенденции. Этот многообразный процесс был неразрывно связан с легитимизирующим дискурсом, стремившимся навязать однородные культурные ценности и социальные нормы, которые, как считалось, должны способствовать будущим культурным и социально-экономическим преобразованиям. В конечном итоге навязывание этих ценностей и норм привело к построению сильного финансово-военного государства и облегчило строительство империи. Хотя многие из них, такие как бережливость и трудолюбие, были частью реформистских дискурсов камералистов, их культурная основа находилась под сильным влиянием других идей Просвещения, таких как цивилизационный дискурс и теория стадий развития. Ориенталистские метафоры способ-

ствовали построению социальных и пространственных иерархий внутри империи Габсбургов. В то время как гомогенизация и интеграция способствовали созданию будущей Австрийской империи, дискурс, который сопровождал эти процессы, одновременно содействовал установлению и легитимации неравенства между центром и периферией Габсбургской монархии.

В начале XVIII века влияние дома Габсбургов в Европе резко возросло. Это было связано с территориальным расширением державы на восток благодаря военным победам над Османской империей, а также на запад и юг по итогам войны за Испанское наследство (1701–1714). Несмотря на потерю Силезии в войне за Австрийское наследство (1740–1748), благодаря аннексии Галиции в 1772 и 1795 годах, приобретению Иннфиртеля в 1779 году, а также Венеции и Далмации в 1797 году Габсбургская монархия стала крупным геополитическим игроком в Европе. Именно тогда, задолго до 1806 года, начался процесс превращения Австрийского дома в Австрийскую империю.

Расширение государства, с одной стороны, а с другой – соперничество с Пруссией приводило правящую элиту к мнению, что традиционную структуру габсбургской композитарной монархии, основанную на авторитете местной знати, организованной в рейхстаги, и довольно слабых центральных институтах, надо менять. Еще в 1713 году император Священной Римской империи Карл VI издал Прагматическую санкцию, провозгласившую единство и неделимость владений Габсбургов [Die Pragmatische Sanktion, 1913]. К тому же возросшее культурное разнообразие все больше и больше ставило под сомнение имперскую культурную парадигму – католицизм Контрреформации. Все это способствовало глубоким изменениям в строительстве империи Габсбургов в Центральной Европе. Императорский двор укреплял свой фискально-военный аппарат, сочетая централизацию и полицентризм. Это позволяло центру устанавливать административный контроль над владениями в чешских и австрийских землях и идти на компромиссы на венгерских, итальянских и фламандских территориях.

Как известно, реформы в европейских государствах в XVIII веке проводились в рамках просвещенного дискурса. Как этот дискурс побуждал Вену по-разному относиться к своим владениям по обе стороны воображаемой линии, отделяющей Восток от Запада?

В зарубежной историографии данная проблема так или иначе затрагивается в целом ряде исследований и коллективных изданий [Kann, 1974; Hochedlinger, 2009; Pieper, 2012; Wolff, 1995; Ingrao, 2000; Balázs, 1997; Sandl, 1991; Melton, 1982]. Среди них наиболее ценными представляются работы французского историка Г. Гарнера и австрийского историка К. Капса [Garner, 2001; 2003; Kaps, 2012; 2015; 2017]. Российские и украинские историки преимущественно концентрируют внимание на реформах Марии-Терезии и Иосифа I, а также специфике национальных процессов на окраинах государства Габсбургов [Хаванова, 2007; Клопова, 2016; Ивонин, 2021; Левицкий,

1926; Буркут, 2009; Шуп'яна, 2013]. В их работах подчеркивается, что целью политики центра было создание культурно гомогенизированной и политически лояльной элиты для монархии, обретавшей черты централизованного государства. В то же время в перспективе это объективно способствовало формированию национального самосознания и просвещенного патриотизма: сначала в рамках сословных наций, но в перспективе – в рамках своих национальных сообществ. Конкретно задача, обозначенная в данной статье, в русскоязычной историографии еще не ставилась.

Усилия Габсбургов, направленные на укрепление государства, определялись местом, отведенным каждой отдельной территории и ее народу в воображаемой иерархической шкале. Наиболее отчетливо это можно проследить в дискуссиях, связанных с камералистскими реформами. Камерализм был философской доктриной эпохи Просвещения, которая оказывала сильное влияние на имперские реформы Габсбургов. Его влияние было особенно заметно в политике Марии Терезии после 1748 года. Первоначально камерализм включал в себя ряд методов, направленных на обеспечение государства достаточными финансовыми доходами. Вместе с тем камеральные науки постепенно разработали общую экономическую теорию развития и социального прогресса. Содействие денежному и товарному обращению было одним из главных рецептов стимулирования экономики. Поздние теоретики камерализма, например профессор Венского университета Й. фон Зонненфельс, требовали отмены коммерческих монополий и реформы гильдий. В арсенале камералистов также присутствовал протекционизм [Vocelka, 2001, *87*]. Их политическая экономия была направлена на обеспечение экономического равновесия между отдельными территориями государства.

Один из основных выводов камералистов заключался в том, что параллельного увеличения налоговых поступлений и производства можно добиться, только заставив население работать усерднее. Оценка качества рабочей силы играла важную роль в камеральных трактатах и социальной статистике. Такие категории, как «лень», «праздность» или «трудолюбие», «грязный» или «порядочный», являлись ключевыми параметрами для оценки экономической эффективности населения. При этом классификация природных ресурсов и потенциала населения в работах теоретиков камерализма соответствовала таксономиям из естественной истории, например Карла Линнея. Камералисты уделяли больше внимания классификации природных ресурсов, чем теориям создания богатства, разработанным ранними либералами и физиократами [Sandl, 1999, *330–339*]. В 1684 году Филипп Вильгельм фон Хернигк, еще не иерархизируя народы во владениях Габсбургов, подчеркнул трудолюбие силезских ткачей, немецких крестьян в горных районах Богемии (Чехии) и жителей Вены [Hörnigk, 1984, *91–92*].

Опубликованные за пределами Габсбургской монархии энциклопедические работы указывали на различия территорий уже довольно давно. Так, запись о Богемии и Венгрии в «Историческом Атласе» (Амстердам, 1720) приписывала венгерскому населению жестокий характер и декларировала его культурную близость с османами. «Немецкий» статус Богемии как части Священной Римской империи в них игнорировался, и считалось, что она похожа на Венгрию [Gueudeville, Châtelain, 1720, *71–72*]. Французская энциклопедия предлагала своим читателям точку зрения, согласно которой Венгрия была страной между «Азией и Европой», и восхваляла трудолюбие чешского населения [Wolff, 1995, *184*]. В докладе в Лондон в 1765 году британский посол в Вене лорд Стормонт назвал крепостное право в Богемии главным препятствием на пути «роста благосостояния и производства». При этом он подчеркнул плодородие почвы и хорошие условия для сельского хозяйства, которые преобладали в западных провинциях [Kaps, 2017, *136*].

Имперскими чиновниками также были отмечены пространственные иерархии. Ключевым документом в этом плане являются Politische Anmerkungen (Политические комментарии) к отчетам об Австрии и Богемии, заказанные Военным советом и составленные в 1770–1771 годах советником Главного суда Карлом Йозефом Кавальером фон Хауэром в рамках реформирования системы комплектования императорской армии. Основанная на отчетах армейских офицеров на окружном уровне, оценка Хауэра учитывала здоровье, моральное поведение и трудовую активность населения, а также аграрные структуры, экономическую деятельность и особенности управления в отдельных районах. В общих чертах в этих отчетах население чешских земель классифицировалось как «ленивое», «инертное» и «грязное» чаще, чем таковое в Верхней и Нижней Австрии или Штирии. Немцы в Крайне и некоторых районах Богемии и Моравии были определены как более прилежные и трудолюбивые, чем славяне [Dickson, 1987, *390*].

Как бы то ни было, камералистская таксономия стала важным фактором укрепления и расширения государства Габсбургов в XVIII веке. В то же время классификация различных территорий и их народов в сочетании с другими антропологическими и моральными категориями стала основой для построения пространственных и социальных иерархий.

Камералистский реформистский дискурс был связан с культурной географией, которая выражала инаковость, особенно в сравнении Венгрии с Азией. В описательных статистических работах 1790–1830-х годов определяющими характеристиками населения Венгрии были «праздность», «бедность», «пьянство», склонность к суеверию и незначительный талант к ремеслам. Статистики не просто описывали, но и интерпретировали данные с использованием работ камералистов, стремясь оценить степень развитости или отсталости Венгрии. Что касается влахов, хорватов и сербов, то их

считали «дикими естественными людьми», которых необходимо «цивилизовать», прежде чем они смогут внести свой вклад в социальный и экономический прогресс. На практике это означало обучение их кодексам поведения и социальным нормам, которые способствовали бы их экономическому и гражданскому развитию. Описание данных народов резко контрастировало с описаниями немцев. Проживавшие в Трансильвании саксонцы изображались статистиками М. Лебрехтом и Л.Й. Мариенбургом как прилежные, трудолюбивые и бережливые. Иерархизация ставила исследуемые народы «как можно ближе к природе», исключая их из сообщества просвещенных и культурных людей, чем легитимировала имперскую политику колонизации. Так, в 1790-х годах путешественник граф Хофман описывал Банат Тимишоары как «пустой, дикий и болотистый» и призывал к освоению пустующих земель. Фактически уже реформы крепостного права при императоре Иосифе II вынудили многих немецких колонистов селиться на пустующих землях в 1780-х годах [Colin, 1999, *18*].

Камералистская таксономия не только оценивала потенциал различных групп населения, но и была тесно связана с ориенталистскими представлениями, основанными на дихотомии «Запад – Восток». Тенденцию к ориентализму демонстрировало выделение культурной инаковости. Ориентализм оправдывал цивилизаторскую миссию, поскольку положение «диких» или «естественных» людей можно было улучшить с помощью политики центра. Это предполагало институциональные и правовые изменения, переселение, а также передачу знаний и социальное обучение. По сути, сочетаясь с цивилизационным дискурсом Просвещения, камерализм рождал ориенталистские понятия, которые создавали социокультурную иерархию, чтобы легитимировать реформы и усилить интеграцию внутри империи. Камерализм и ориентализм были взаимосвязанными инструментами в руках имперских элит. Кажется немного парадоксальным, что таксономии, сочетающие камеральные, антропологические, моральные категории и изобретенные для того, чтобы уменьшить региональное неравенство, на деле привели к возникновению социальных и этнических стереотипов [Vari, 2003, *39–40*]. Построение различий между западными и восточными провинциями подчеркивает имперский характер правления Габсбургов.

Ярким примером построения иерархических моделей в Габсбургской монархии являлась Галиция, которая была аннексирована Веной после первого раздела Польши в 1772 году. От других «неавстрийских» территорий Галиция отличалась тем, что была включена в состав монархии Габсбургов не в результате традиционных брачных союзов между династиями или международного договора. Поэтому, в отличие от присоединения Венгрии, Трансильвании или Баната, Вена была озабочена созданием политической легитимности на бывшей польско-литовской территории. Культурное и

идеологическое строительство сочеталось с социальной и политической интеграцией. Габсбурги не чувствовали себя связанными историческими традициями или политико-правовыми моделями, когда приступили к организации управления приобретенной провинцией. Для легитимации политического правления активно использовался камералистский реформистский дискурс. Экономисты, статистики, армейские офицеры и чиновники публиковали трактаты, путевые отчеты и брошюры, где рассматривали Галицию как отсталый регион. По их мнению, это была территория, которая «еще не стала столь же развитой, как ее соседи» и которую нужно «цивилизовать» [Maner, 2007, *30–63*; Hacquet, 1791, *8*; 1794, *IX*; Kortum, 1790, *66, 134*; Bredetzky, 1809, *119*; 1812, *51*].

Описания плохих и «грязных» дорог, «ленивого», «невежественного» и «грязного» местного населения, лишенного социальной дисциплины, главным образом из-за пьянства, приводились как неоспоримые доказательства его «дикого» и «варварского» характера. Учитывались и социальные иерархии. Почти все группы: крестьяне, греко-католическое духовенство, низшее дворянство и особенно евреи – были включены в ориенталистский нарратив как «грязные». Но некоторые атрибуты, например «лень», были закреплены за низшей социальной группой, то есть за крестьянами. Особенно скептическими были оценки населения в горных районах провинции [Bredetzky, 1809, *30, 66, 130, 147, 156*; Kortum, 1790, *72–73, 109, 129*; Kratter, 1786, *165, 221, 226*; Traunpaur, 1787, *79, 85, 99, 105, 181, 190*].

Большинство этих характеристик распространялось и на высшее дворянство. Система сурового крепостничества в регионе описывалась как «тирания» и «деспотизм», которые удерживали крестьян в состоянии рабства. Аристократия изображалась неспособной вести эффективное хозяйство из-за отсутствия «предприимчивости» и «бережливости», проводились параллели между «ленью» крестьян и землевладельцев. Однако эти описания не мешали восхвалять высокую культуру польской аристократии, несмотря на то что ее материальные условия и образование считались недостаточно хорошими [Bredetzky, 1812, *9*; Kortum, 1790, *18, 51, 181*].

Подобные представления породили призывы «цивилизовать» Галицию, опираясь на философию Просвещения. Офицер А.Г. Траунпаур писал в 1787 году, что польские аристократы должны сотрудничать и «обеспечить своим соотечественникам то спасительное Просвещение, от которого они до сих пор были так далеки» [Traunpaur, 1787, *75–76, 174*]. Два десятилетия спустя протестантский суперинтендант в Галиции С. Бредецкий сообщил о случае захоронения якобы мертвого человека, который позже очнулся. Местные жители, посчитав его «призраком», отрезали ему голову и ноги. Бредецкий заявил, что «во второй раз этот несчастный человек стал печальной жертвой невежества и варварства народа, находившегося так низко на лестнице культуры» [Bredetzky, 1809, *129–130*].

Изображенное невежественным и суеверным, население Галиции должно было получить образование в соответствии со стандартами Просвещения, поддерживаемыми Веной. Помимо этого, переселенные немецкие крестьяне и ремесленники должны были стать «носителями» имперской культуры (Kulturträger). Ожидалось, что они будут распространять сельскохозяйственные методы и ремесленные навыки по всей Галиции в обмен на поддержку государства в виде налоговых льгот, гражданских прав и прав на ремесла. Между первым указом о поддержке колонистов в Галиции в 1774 году и прекращением льгот в 1785 году в регионе обосновалось от 9 до 15 тысяч поселенцев [Bredetzky, 1812, *88–90*]. В целом статистические работы, путевые отчеты и брошюры положительно отзываются о новых жителях, восхваляя их высокий уровень культуры по сравнению с галицкими крестьянами и ремесленниками. Но иногда образ Галиции как бедного региона ставился под сомнение. Бредецкий, например, считал, что климат в Галиции «менее суровый», чем в Венгрии, что городская культура Львова «процветала» и что Галиция экспортировала столько же зерна, сколько Венгрия [Bredetzky, 1812, *62–63*]. Он также свидетельствовал об ограниченном использовании новой техники местным населением и отмечал, что только в ряде случаев поселенцы переняли галицкий образ жизни, а не наоборот. Такие немцы тоже были «ленивы» и пребывали целыми днями в тавернах [Bredetzky, 1812, *122–123*].

Случаи переезда коренных жителей в австрийские земли оценивались негативно, поскольку политика поселений была тесно связана с цивилизаторской миссией Габсбургов: считалось, что именно имперская культура должна распространиться в Галицию, а не наоборот. Свидетельства о провале цивилизаторской миссии использовались в отчетах для подтверждения идеи о том, что население региона невозможно цивилизовать. Отсталость стала важной этнической характеристикой.

Еще более четко культурное превосходство было выражено в статистических трактатах и отчетах о путешествиях, в которых проводилась параллель между Галицией и заморскими колониями других европейских держав. Авторы таких сочинений неоднократно отождествляли Галицию с Перу, Эльдорадо, Испанской Америкой, Индией, Южным морем и Сибирью. Польских еврейских торговцев сравнивали с «орангутангами» и индийскими факирами [Bredetzky, 1809, *194–195*; Kaps, 2012, *97–116*]. Здесь ориентализм переплетался с развитием раннего расизма, исключавшего значительную часть населения Галиции из человечества.

Эти представления способствовали созданию в 1776 году Галицкой придворной канцелярии, которая стала частью Австро-Богемской канцелярии. Императрица Мария Терезия полагала, что Галиция должна быть переустроена по образцу Богемии и Моравии, которые более похожи на нее, чем другие земли [Maner, 2007, *43*]. В Галиции построение региональных и со-

циокультурных иерархий с целью узаконить расширение государства Габсбургов на восток было более очевидным, чем в Венгрии. В то время как власти признавали поликультурный характер Галиции и предоставили Русинской унитарной церкви равные права с греко-католической церковью (1774), а также патенты толерантности еврейскому населению в 1785 и 1789 годах, цивилизаторский дискурс был связан с претензиями Вены на культурное превосходство. В 1786 году юрист, а затем режиссер львовского театра Франц Краттер открыто заявил, что только распространение немецкой культуры с позиции социальных и гражданских норм чистоты, трудолюбия и трезвости может помочь Галиции преодолеть ее жалкое положение [Kratter, 1786, *130*].

Вместе с тем, хотя государственные служащие единодушно изображали крестьян Галиции как «ленивых», «праздных», «инертных» и «пьяных», они называли основной причиной этих качеств злоупотребления землевладельцев. Тезис о культурной инаковости стал одной из теоретических основ реформ аграрной структуры Галиции. Данные реформы ограничивали максимальное количество барщинных дней в неделю (1781), отменяли ряд чрезвычайных повинностей крепостных (1775, 1786), а также расширяли их личные свободы, такие как свобода брака, выбор профессии и мобильность (1782). Все эти меры были частично названы актами цивилизации против варварства [Rosdolsky, 1992, *73, 82–83, 175, 186–190*]. Во время визита в Галицию в 1788 году будущий император Франц II похвалил политику своего дяди Иосифа II, заявив, что его реформы превратили крепостных из рабов в свободных людей [Maner, 2007, *55*]. Хотя категория «раб» использовалась и в других провинциях для нападок на крепостное право, особенность реформ в Галиции заключалась именно в поиске решения «крестьянского вопроса» в цивилизаторской миссии. Последняя не ограничивалась элитами центра, пытавшимися внедрить просвещенные доктрины на периферии. Периферийные элиты тоже стремились легитимировать себя и свои действия под новым знаменем: они самоориентировались и тем самым становились частью имперского аппарата.

Однако процесс был далеко не односторонним. В ходе внедрения всех реформ большинство галицких землевладельцев яростно выступали против них, утверждая, что недовольство крестьян вызвано их «естественными особенностями», которые можно преодолеть только принудительным трудом [Wangermann, 2004, *189*]. Здесь периферийные элиты присвоили себе часть цивилизаторской миссии, но перевернули ее с ног на голову. Они стремились сохранить традиционный социальный порядок и распределение ресурсов.

По мере постепенного неприятия радикальной реформы Иосифа II антиреформистский дискурс стало поддерживать чиновничество. После неурожаев 1785–1787 годов некоторые местные чиновники начали винить в низком урожае зерна не очевидные причины – плохую погоду, а дефектный

нрав крепостных. Это было истолковано как следствие реформ, чрезмерно сокративших повинности [Wangermann, 2004, *192, 194, 198, 201*]. После провала аграрной реформы советник Галицкой губернаторской канцелярии во Львове Э.Т. Кортум назвал крепостных «галицкими илотами» и сравнил их с «дикими людьми в Южном море». Крепостные, по его словам, смотрели на сокращение барщины точно так же, как коренные жители Тихого океана «на европейские корабли». Они не воспользовались возможностью улучшить свое положение, а обратили свою свободу в порок, чаще посещая еврейских трактирщиков, которые продавали им спиртное в кредит [Kortum, 1790, *109, 134, 147–148, 165–166*].

Провал реформистского проекта в 1790 году не означал провала цивилизаторской миссии и исчезновения ориенталистских метафор. Однако после Иосифа II ориентализм уже не был связан с реформами или с попытками интегрировать Галицию в государство Габсбургов. Он рассматривал культурные различия как фиксированные и даже как часть социальных и пространственных иерархий. Именно в этот период характеристики крестьян («лень» и «пьянство») стали восприниматься не как результат социальных и институциональных ограничений, которые можно улучшить, а как «естественные» черты, присущие «естественному человеку» [Kaps, 2015, *219–225*]. Так на рубеже XIX века культурные различия в Габсбургской Галиции постепенно трансформировались из реформистских метафор в этнические стереотипы.

Завершая статью, можно констатировать, что геополитическая экспансия Габсбургской монархии привела к глубоким перестановкам в структуре власти. Чтобы установить эффективный контроль над ресурсами и политической властью на местах, Венский двор активизировал централистские тенденции. Этот процесс был неразрывно связан с цивилизаторской миссией Габсбургов, стремившихся навязать однородные культурные ценности и социальные нормы во всех владениях короны. Западные провинции (австро-чешское ядро) считались пригодными для социально-экономического прогресса, а к восточным владениям – Венгрии, Трансильвании, Банату и Галиции – отношение было скептическим. Плохое трудолюбие, неспособность к бережливости и трезвости легко переводились современниками в характеристики «диких» и «естественных» людей. Иногда эти регионы сравнивали с колониальными пространствами других держав и их коренными народами, которые нужно было «цивилизовать». При помощи камеральной таксономии просвещенная имперская элита обосновывала культурную инаковость восточных территорий, тогда как местные элиты наряду с критикой социальных реформ Вены объясняли культурную неполноценность своего народа социально-этническими характеристиками. В конечном итоге это привело к построению социальных и пространственных иерархий внутри державы Габсбургов, что легитимировало неравное обращение между центром и периферией. Невозможность создания однородной имперской культуры и, как следствие,

общий провал цивилизаторской миссии Габсбургов во многом способствовали появлению этнических стереотипов в Габсбургской монархии и в перспективе возникновению национального движения.

ЛИТЕРАТУРА

Буркут І.Г. Русинство: минуле і сучасність. Чернівці, 2009. 384 с.

Ивонин Ю.Е. Государи, политики, полководцы Священной Римской империи XVI–XVIII вв. М.: Русайнс, 2021. 246 с.

Клопова М.Э. Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М., 2016. 282 с.

Левицкий К. Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі спомніків. Львів, 1926. 529 с.

Хаванова О.В. Школа как государственное дело: реформа образования в монархии Габсбургов в XVIII веке // Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.) / отв. ред. Р. Гришина. СПб.: Алетейя, 2007. С. 66–89.

Шуп'яна М. Реформування суспільного та державного життя в Австрійській імперії за часів правління імператриці Марії Терезії (1740–1780 рр.) // Вісник Львівського університету. Серія «Юридична». 2013. Вип. 58. С. 126–134.

Balázs Éva H. Hungary and the Habsburgs, 1765–1800: An Experiment in Enlightened Absolutism. Budapest: Central European University Press, 1997. 304 p.

Bredetzky S. Reisebemerkungen über Ungern und Galizien. Vol. 2. Wien: Doll, 1809. 285 S.

Bredetzky S. Historisch-statistischer Beytrag zum deutschen Kolonialwesen in Europa, nebst einer kurzen Beschreibung derdeutschen Ansiedlungen in Galizien in alphabetischer Ordnung. Brünn: Joseph Georg Traßler, 1812. 195 S.

Dickson P.G.M. Finance and Government under Maria Theresia 1740–1780. Vol. 1. Appendix A. Oxford: Oxford University Press, 1987. 491 p.

Hacquet B. Hacquets neueste physikalisch-politische Reisen in den Jahren 1788, 89 und 90. Zweyter Theil. Nürnberg: Verlag der Raspischen Buchhandlung, 1791. 249 S.

Hacquets neueste physikalisch-politische Reisen in den Jahren 1791, 92 und 93. Dritter Theil. Nürnberg: Verlag der Raspischen Buchhandlung, 1794. 247 S.

Hörnigk Ph. Wilhelm von. Österreich über alles, wenn es nur will. Nach der Erstausgabe von 1684 in Normalorthographie übertragen und mit der Auflage von 1753 kollationiert sowie mit einem Lebensbild des Autors versehen / von Gustav Otruba. Wien: Bergland-Verlag, 1964. 217 S.

Hochedlinger M. The Habsburg Monarchy: From 'Fiscal-Military State' to 'Militarization' // The Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe: Essays in honour of P.G.M. Dickson, ed. Christopher Storrs. Farnham: Ashgate, 2009. 260 p.

Garner G. Caméralisme et territoire: Ètat, espace et économie dans le discours économique allemand au XVIIIe siècle // Revue du Nord 85 (octobre – décembre 2003). P. 729–745.

Garner G. Espace et territoire dans lediscours économique allemand de 1740 à 1820 // Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine. 48. No. 2/3. 2001. P. 35–36.

Gueudeville N., Châtelain H.A. Atlas Historique ou Nouvelle Introduction à l'Histoire, à la Chronologie, et à la Geographie Ancienne et Moderne. Vol. II. Amsterdam: Chez l'Honoré & Châtelain, 1720. 548 p.

Ingrao Ch. The Habsburg Monarchy 1618–1815. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univeristy Press, 2000. 324 p.

Kann R.A. A History of the Habsburg Empire 1526–1918. Berkeley: University of California Press, 1974. 646 p.

Kaps Kl. Ungleiche Entwicklung in Zentraleuropa: Galizien zwischen überregionaler Verflechtung und imperialer Politik (1772–1914). Wien: Böhlau, 2015. 539 S.

Kaps Kl. Creating Differences for Integration: Enlightened Reforms and Civilizing Missions in the Eastern European Possessions of the Habsburg Monarchy (1750–1815) // Enlightened Colonialism. Civilization Narratives and Imperial Politics in the Age of Reason. Cambridge: Palgrave Macmillam, 2017. P. 133–159.

Kaps Kl. Kulturelle differenzen des ökonomischen: galizische entwicklungsdiskurse im spannungsfeld räumlicher funktionalisierung und sozialer bruchlinien (1772–1848) // Historyka. Studia metodologiczne. 2012. T. XLII. S. 97–116.

Kratter Fr. Briefe über den itzigen Zustand von Galizien: Ein Beitrag zur Staatistik und Menschenkenntnis. Vol. 1, 2. Leipzig: Wucherer, 1786. 244 S.

Colin Th. The Anatomy of a Colonization Frontier: The Banat of Temešvar // Austrian History Yearbook. XXX. 1999. 280 p.

Kortum Tr.E. Magna Charta von Galicien, oder Untersuchung der Beschwerden des Galicischen Adels Pohlnischer Nation über die österreichische Regierung. Jassy, 1790. 365 S.

Maner H.-Ch. Galizien: Eine Grenzregion im Kalkül der Donaumonarchie im 18. und 19. Jahrhundert. München: IKGS-Verlag, 2007. S. 30–63.

Die Pragmatische Sanktion: Authentische Texte samt Erlaeuterungen und Uebersetzungen / hrsg. von G. Turba. Wien: Kaiserlich-Koeniglichen Schulbuecher Verlag, 1913. 202 S.

Pieper R. Financing an Empire: The Austrian Composite Monarchy, 1650–1848 // The Rise of Fiscal States: A Global History, 1500–1914, ed. Bartolomé Yun Casalilla, Patrick K. O'Brien and Francisco Comín Comín. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 164–191.

Sandl M. Ökonomie des Raumes: Der kameralwissenschaftliche Entwurf der Staatswirtschaft im 18. Jahrhundert. Köln: Böhlau, 1999. 518 S.

Traunpaur Alph.H. Dreyßig Briefe über Galizien oder Beobachtungen eines unpartheyischen Mannes, der sich mehr, als nur ein paar Monate in diesem Königreiche umgesehen hat. Wien: Wucherer u. Beer, 1787. 200 S.

Vari A. The Functions of Ethnic Stereotypes in Austria and Hungary in the Early Nineteenth Century // Creating the Other: Ethnic Conflict and Nationalism in Habsburg Central Europe, ed. Nancy Wingfield. New York: Berghahn Books, 2003. P. 39–56.

Vocelka K. Österreichische Geschichte von 1699–1815: Glanz und Untergang der höfischen Welt; Repräsentation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien: Ueberreuter, 2001. 542 p.

Wangermann E. Die Waffen der Publizität: Zum Funktionswandel der politischen Literatur unter Joseph II. Wien: Verlag für Geschichte und Politik, 2004. 252 S.

Wolff L. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford: Stanford University Press, 1995. 436 p.

L.I. Ivonina
PhD in History, Doctor, Professor,
Chair of Universal History,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

The Civilizing Mission of the Habsburg Monarchy on its Eastern Borders

The geopolitical expansion of the Habsburg Monarchy led to a profound reshuffling of its internal power structure. Centralist tendencies were reinforced to impose a tighter control on resources and political power by the imperial court in Vienna. This manifold process was inextricably linked to a legitimizing discourse that strived to impose homogeneous cultural values and social norms that

were considered conducive to future cultural and socio-economic transformation. The imposition of these values and norms ultimately led towards the construction of a strong fiscal-military state and facilitated empire-building. While many of these social norms, such as thriftiness and industriousness, were part of the reformist discourse of cameralists, their cultural framework was heavily influenced by other Enlightenment ideas, such as the civilization discourse and the theory of developmental stages. Orientalist metaphors contributed to construct social and spatial hierarchies within the Habsburg Empire. While integration strengthened the imperial framework, the discourse that facilitated these processes also contributed to the establishment and legitimation of unequal treatment between the centers and peripheries of the Habsburg Empire.

Keywords: *the Habsburg monarchy; expansion; cameralism; civilizational discourse; social and spatial hierarchies; orientalism.*

REFERENCES

Anglo-Dutch Momemt. Essays on the Glorious Revolution and its World Impact [Русинство: минуле і сучасність. Чернівці]. Editred by J. Israel, Cambridge, 1991. 502 p. (in Ukranian).

Acts and memoires of the negotiations of the Peace of Ryswick [Actes et mémoires des négociations de la Paix de Ryswick]. Edited by Jacques Bernard, Vols 1–4, La Haye, Adrian Moetjens, 1699. (Next editions: La Haye, Adrian Moyetien, 1707, 1725; Graz, 1974; Kessinger Publishing, 2009; Nabu Press, 2011) (in French).

Black J. The Treaty of Rijswick and the long-term development of anglo-continental relations. *Der Friede von Rijswick 1697*, hrsg. von H. Duchhardt, Mainz, 1998. Pp. 122–127 (in English).

Desprat J.-P. Madame de Maintenon (1635-1719) or the price of reputation [Madame de Maintenon (1635–1719) ou le prix de la reputation]. Paris, 2003. 489 p. (in French).

Duchhardt H. Balance of Power und Pentarchie. Munchen, 1997, 448 p. (in English).

Burcut I.G. Rusinstvo: minule I sechasnist [Rusinism: past and present]. Chervivzi, 2009. 384 p. (in Ukrainian).

Ivonin Ju.E. Gosudari, politiki, polkovodzi Svjaschennoi Rimskoj imperii XVI-XVIII vv. [Sovereigns, politicians, commanders of the Holy Roman Empire of the 16th–18th centuries]. Moscow: Ruisajns, 2021. 246 p. (in Russian).

Klopova M.E. Rusini, ruskije, ukrainzi. Nazionalnije dvizenija vostochnoslavjanskogo naselenija Falizii v XIX – nachale XX veka [Rusyns, Russians, Ukrainians. National movements of the East Slavic population of Galicia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow, 2016, 282 p. (in Russian).

Levizkij K. Istorija politichnoj dumki galizkich ukrainziv. 1848–1914. Na pidstavi spomnikiv [The History of the political thought of Galician Ukrainians. 1848–1914. On the back of the memories]. Lviv, 1926. 529 p. (in Ukrainian).

Havanova O.V. Shkola kak gosedarstvennoje delo: reforma obrasovanija v monarhiui Gabsburgov v XVIII veke [School as a State Affair: Education Reform in the Habsburg Monarchy in the 18th Century]. *Chelovek na Balkanah. Soziokulturnije ismerenija prozessa vodernisazii na Balkanah (seredina XIX – seredina XX v., otv. red. R. Grishina [The Person in the Balkans. Sociocultural Dimensions of the Modernization Process in the Balkans (mid-19th – mid-20th century).* Edited by R. Grishina. Saint-Peterburg: Aleteja Publishing, 2007. Pp. 66–89 (in Russian).

Shup'yana M. Reformuvannja suspilnogo ta derzavnogo zittja v Avstrijskoj imperii sa chasiv pravlinnja Marii-Teresii (1740–1780 rr.) [Reform of social and state life in the Austrian Empire during the reign of Empress Maria Theresa (1740–1780)], *Visnik Lvivskogo universitetu [Bulletin of Lviv University*]. *Series «Law»*, 2013, Vol. 58. Pp. 126–134 (in Ukrainian).

Balázs Éva H. Hungary and the Habsburgs, 1765–1800: An Experiment in Enlightened Absolutism. Budapest: Central European University Press, 1997. 304 p. (in English).

Bredetzky S. Reisebemerkungen über Ungern und Galizien [Travel Notes on Hungary and Galicia]. Vol. 2, Wien, Doll, 1809. 285 S. (in German).

Bredetzky S. Historisch-statistischer Beytrag zum deutschen Kolonialwesen in Europa, nebst einer kurzen Beschreibung derdeutschen Ansiedlungen in Galizien in alphabetischer Ordnung [Historical-statistical contribution to the German colonial system in Europe, together with a short description of the German settlements in Galicia in alphabetical order]. Brünn: Joseph Georg Traßler, 1812. 195 S. (in German).

Dickson P.G.M. Finance and Government under Maria Theresia 1740–1780, vol. 1, Appendix A, Oxford, Oxford University Press, 1987. 491 p. (in English).

HacquetB. Hacquets neueste physikalisch-politische Reisen in den Jahren 1788, 89 und 90. Zweyter Theil [Hacquet's latest physical-political travels in the years 1788, 89 and 90. Second part]. Nürnberg, Verlag der Raspischen Buchhandlung, 1791. 249 S. (in German).

Hacquets neueste physikalisch-politische Reisenin den Jahren 1791, 92 und 93. Dritter Theil [Hacquet's latest physical-political travels in the years 1791, 92 and 93. Third part], Nürnberg, Verlag der Raspischen Buchhandlung, 1794, 247 S. (in German).

Hörnigk Ph. Wilhelm von. Österreich über alles, wenn es nur will. Nachder Erstausgabe von 1684 in Normalorthographie übertragen und mit derAuflage von 1753 kollationiert sowie mit einem Lebensbild des Autors versehen [Austria above all, if it only wants. Translated from the first edition of 1684 into normal orthography and collated with the edition of 1753 and provided with a biography of the author]. Edited by Gustav Otruba, Wien: Bergland-Verlag, 1964. 217 S. (in German).

Hochedlinger M. The Habsburg Monarchy: From 'Fiscal-Military State' to 'Militarization'. *The Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe: Essays in honour of P.G.M. Dickson*, ed. Christopher Storrs, Farnham, Ashgate, 2009. 260 p. (in English).

Garner G. Caméralisme et territoire: Ètat, espace et économie dans le discours économique allemand au XVIIIe siècle [Cameralism and Territory: State, Space and Economy in 18th-Century German Economic Discourse]. *Revue du Nord 85*, octobre – décembre 2003. Pp. 729–745 (in French).

Garner G. Espace et territoire dans lediscours économique allemand de 1740 à 1820 [Space and Territory in German Economic Discourse from 1740 to 1820]. *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine*, 48, No. 2/3, 2001. Pp. 35–36 (in French).

Gueudeville N., Châtelain H.A. Atlas Historique ou Nouvelle Introduction à l'Histoire, à la Chronologie, et à la Geographie Ancienne et Moderne [Historical Atlas or New Introduction to History, Chronology, and Ancient and Modern Geography]. Vol. II, Amsterdam: Chez l'Honoré & Châtelain, 1720, 548 p. (in French).

Ingrao Ch. The Habsburg Monarchy 1618–1815, 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univerisity Press, 2000, 324 p. (in English).

Kann R. A. A History of the Habsburg Empire 1526–1918. Berkeley: University of California Press, 1974. 646 p. (in English)

Kaps Kl. Ungleiche Entwicklung in Zentraleuropa: Galizien zwischen überregionaler Verflechtung und imperialer Politik (1772–1914) [Unequal Development in Central Europe: Galicia between Supraregional Integration and Imperial Politics (1772–1914)]. Wien: Böhlau, 2015. 539 S. (in German).

Kaps Kl. Creating Differences for Integration: Enlightened Reforms and Civilizing Missions in the Eastern European Possessions of the Habsburg Monarchy (1750–1815). *Enlightened Colonialism. Civilization Narratives and Imperial Politics in the Age of Reason*, Cambridge, Palgrave Macmillam, 2017. Pp. 133–159 (in English).

Kaps Kl. Kulturelle Differenzen des Ökonimischen: Galizische entwicklungdiskurse im spannungsfeld RÄumischer funkzionalisierung und sozialer Bruchlinien **(**1772-1848**) [**Cultural Differences of the Economic: Galician Development Discourses in the Tension Field of Spatial Functionalization and Social Fault Lines (1772–1848)]. *Historian. Studio methodologically.* Vol. XLII, 2012. S. 97–116. (in German).

Kratter Fr. Briefe über den itzigen Zustand von Galizien: Ein Beitrag zur Staatistik und Menschenkenntnis [Letters on the current state of Galicia: A contribution to political science and human knowledge]. Vol. 1, 2. Leipzig, Wucherer, 1786. 244 S. (in German).

Colin Th. The Anatomy of a Colonization Frontier: The Banat of Temešvar. *Austrian History Yearbook*, XXX, 1999. 280 p. (in English).

Kortum Tr.E. Magna Charta von Galicien, oder Untersuchung der Beschwerden des Galicischen Adels Pohlnischer Nation über die österreichische Regierung [Magna Charta of Galicia, or Investigation of the Complaints of the Galician Nobility of the Polish Nation against the Austrian Government]. *Jassy*, 1790. 365 S. (in German).

Maner H.-Ch. Galizien: Eine Grenzregion im Kalkül der Donaumonarchie im 18. und 19. Jahrhundert [Galicia: A Border Region in the Calculations of the Danube Monarchy in the 18th and 19th Centuries]. München: IKGS-Verlag, 2007. 329 S. (in German).

Die Pragmatische Sanktion: Authentische Texte samt Erlaeuterungen und Uebersetzungen [The Pragmatic Sanction: Authentic Texts with Explanations and Translations], ed. G. Turba, Wien, Kaiserlich-Koeniglichen Schulbuecher Verlag, 1913, 202 s. (In German)

Pieper R. Financing an Empire: The Austrian Composite Monarchy, 1650–1848. *The Rise of Fiscal States: A Global History, 1500–1914,* ed. Bartolomé Yun Casalilla, Patrick K. O'Brien and Francisco Comín Comín, Cambridge: Cambridge University Press, 2012. Pp. 164–191 (in English).

Sandl M. Ökonomie des Raumes: Der kameralwissenschaftliche Entwurf der Staatswirtschaft im 18. Jahrhundert [Economics of space: The cameral scientific design of the state economy in the 18th century]. Köln: Böhlau, 1999. 518 S. (in German).

Traunpaur Alph.H. Dreyßig Briefe über Galizien oder Beobachtungen eines unpartheyischen Mannes, der sich mehr, als nur ein paar Monate in diesem Königreiche umgesehen hat [Thirty letters about Galicia or observations of an impartial man who has spent more than a few months in this kingdom]. Wien: Wucherer u. Beer, 1787. 200 S. (in German).

Vari A. The Functions of Ethnic Stereotypes in Austria and Hungary in the Early Nineteenth Century. *Creating the Other: Ethnic Conflict and Nationalism in Habsburg Central Europe.* Edited by Nancy Wingfield, New York, Berghahn Books, 2003. Pp. 39–56 (in English).

Vocelka K. Österreichische Geschichte von 1699–1815: Glanz und Untergang der höfischen Welt; Repräsentation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat [Austrian History from 1699–1815: Glory and Decline of the Courtly World; Representation, Reform and Reaction in the Habsburg Multi-Ethnic State]. Wien, Ueberreuter, 2001. 542 S. (in German).

Wangermann E. Die Waffen der Publizität: Zum Funktionswandel der politischen Literatur unter Joseph II [The Weapons of Publicity: On the Functional Change of Political Literature under Joseph II]. Wien, Verlag für Geschichte und Politik, 2004. 252 S. (in German).

Wolff L Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford, Stanford University Press, 1995. 436 p. (in English).

И.В. Дайнеко

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия

УДК 94(410)

DOI 10.35785/2072-9464-2025-69-1-184-194

ЧАРЛЬЗ ДЖЕЙМС ФОКС И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ АНТИФРАНЦУЗСКОЙ КОАЛИЦИИ

Ключевые слова: *парламент Великобритании; британская оппозиция; Французская революция; война второй коалиции; переговоры о мире.*

Французская революция 1789 года полностью изменила европейский политический ландшафт. Свержение монархии и образование Французской республики явилось катализатором нестабильности и роста популярности радикальных движений в других странах. Следствием этого стало вторжение иностранных государств во Францию и формирование в Европе новых политических блоков. Великобритания, возглавляемая премьер-министром Уильямом Питтом-младшим, выступала одним из главных инициаторов начала военных действий. Война первой коалиции против Франции позволила английскому кабинету отвлечь внимание парламента от внутренних проблем и подавить оппозиционные и радикальные движения. Так, в 1797 году лидер вигов Чарльз Джеймс Фокс и его соратники растеряли поддержку депутатов и популярность в народе. Вождь британской оппозиции отошел от дел и за последующие три года появился на парламентских заседаниях считанное количество раз, даже несмотря на завязавшуюся в 1798 году масштабную войну второй коалиции против Франции. В историографии исследовалась в основном деятельность Фокса как литератора и историка. В статье детально рассматриваются политическая деятельность главы британской оппозиции и роль его мирных инициатив в 1799–1802 годах при заключении Амьенского договора.

Французская революция 1789 года стала ключевым эпизодом мировой политики рубежа XVIII–XIX веков. Архитектура европейской безопасности, подстраиваясь под последствия этого события, претерпела кардинальные изменения. Если на первом этапе революции можно было говорить скорее об оценочно-наблюдательной роли крупнейших стран континента, то начиная с первых военных столкновений в 1792 году такие государства, как Великобритания, Австрия, Пруссия и Соединенные провинции, оказались активными участниками формирования новых политических блоков. Первая коалиционная война, продлившаяся до 1797 года, ярко высветила слабые места в рядах

союзников. На момент окончания конфликта единственной страной, противостоявшей Французской республике, осталась Великобритания, принявшая по большей части финансовое участие в континентальной распре и сосредоточившая свои усилия на борьбе с противником в американских и азиатских колониях. Во многом именно политический прагматизм премьер-министра Британской империи Уильяма Питта-младшего, сумевшего консолидировать парламент и сконцентрировать власть в своих руках, позволил стране продержаться дольше союзников и сохранить собственную целостность. По оценкам ряда исследователей, одним из факторов сохранения стабильности и роста влияния кабинета в Англии явился раскол в партии вигов и последовавший за этим неофициальный уход из парламента лидера либерального крыла («новых вигов») Чарльза Джеймса Фокса [Reid, 1969, *349*; Powell 1989, *239*]. Но в 1798 году вспыхнула война (как позже ее назвали – война второй коалиции), и неудачи в ходе конфликта, а также возникшее почти авантюристское стремление Питта-младшего к победе над Францией предоставили новые возможности в парламентской борьбе для Фокса. В статье рассматриваются позиция лидера «новых вигов» Чарльза Джеймса Фокса в отношении внешней политики Великобритании в 1798–1802 годах и его мирные инициативы после прихода к власти во Франции Наполеона Бонапарта.

Историография проблемы ограничена узкими рамками самого вопроса. Специальных работ, анализирующих роль Чарльза Джеймса Фокса во внешней политике Великобритании в период второй антифранцузской коалиции не было написано ни отечественными, ни зарубежными историками. В общих монографических исследованиях, посвященных личности Фокса, эта тема затрагивается вскользь. Обращаясь к работам зарубежных специалистов, необходимо отметить общую для всех трудов тенденцию: лидер британской оппозиции в период с 1797 по 1802 год представлен скорее, как писатель, историк, памфлетист и т.д., но не политик. Дж. Рассел, автор первой биографии Фокса, рассматривая время формирования и действия второй коалиции, посвятил целую главу литературной деятельности лидера вигов. В частности, исследователь детально рассмотрел переписку Фокса с ближним кругом об античной культуре [Russell, 1866, III, *145*], в то время как политической деятельности главы оппозиции было уделено только три страницы [Russell, 1866, III, *168–171*]. Другой историк, С. Уиллер спустя более чем 50 лет, в начале XX века, в своей работе посвятил политике Фокса в 1797–1802 годах всего пять страниц, рассмотрев прежде всего дискуссии о статусе Ирландии и положении ирландцев [Wheeler, 1907, *86*]. Международные отношения и война второй коалиции затронуты автором лишь частично. При этом позицию Фокса касательно личности Наполеона Уиллер фактически сокращает до вопроса об отмене работорговли и рабства [Wheeler, 1907, *90*]. Дж. Хаммонд, писавший свои труды в то же время, что и Уиллер, разобрал вопрос политической деятельности Фокса во времена

второй коалиции более подробно. Работа историка представляет собой политическую биографию главы вигов, где автор детально анализирует отдельные выступления Фокса в парламенте. Но, несмотря на вышесказанное, Хаммонд крайне мало внимания уделяет периоду с 1797 по 1802 год в жизни лидера британской оппозиции – всего две страницы главы [Hammond, 1903, *298–299*]. Исследователь упоминает, что, после того как Франция жестко отвергла предложение Англии о мирных переговорах в 1797 году, Фокс уходит из политики и возвращается полноценно вновь лишь в 1802 году [Hammond, 1903, *299*]. То есть фактически Хаммонд в работе пропустил несколько лет политической карьеры лидера вигов, поскольку источники о периоде обрывочны и не содержат достаточного, с точки зрения автора, количества информации [Hammond, 1903, *300*].

Незначительно изменилась ситуация в историографии вопроса в середине XX века. В 60–90-е годы необходимо отметить возросший интерес к личности Чарльза Джеймса Фокса, исследователями в оборот были введены новые виды источников, активно разрабатывались архивные материалы. В данный период можно выделить монографии Л. Рида [Reid, 1969], Д. Пауэлла [Powell, 1989], С. Эйлинга [Ayling, 1991], Л. Митчелла [Mitchell, 1992]. Для исследователей этого времени характерно рассмотрение личности Фокса сквозь призму его политической деятельности. Наиболее полно описал участие в дискуссиях главы левого крыла вигов в британском парламенте в период 1797–1802 годов Л. Рид в монографии «Чарльз Джеймс Фокс: “Человек для людей”». Историк детально рассмотрел в труде переписку Фокса с его ближайшими соратниками во время войны второй коалиции и пришел к выводу об ограниченном участии лидера оппозиции в политической жизни Британии на рубеже XVIII–XIX веков [Reid, 1969, *360*], хотя и наблюдались отдельные всплески активности (практически не связанные с конфликтом с Францией) [Reid, 1969, *354–356*]. Слабо затронута проблематика в общих работах, посвященных деятельности партии вигов в период Французской революции и коалиционных войн. Например, Ф. О’Горман в монографии «Партия вигов и Французская революция» подчеркнул возросшую роль в группировке вигов Портленда. Фокс, по мнению историка, остался на задворках британской политики к 1797 году и возглавлял лишь небольшую часть своих сторонников [O’Gorman, 1967, *214*]. Несколько развил мысль Ф. О’Гормана Р. Уиллис. Английский исследователь в статье, посвященной политике фокситов в период 1794–1801 годов, акцентировал внимание на постепенном уменьшении влияния Фокса и его сторонников в парламенте. Если в начале 90-х годов XVIII глава вигов пользовался огромной популярностью как среди депутатов, так и среди народа, то уже ближе к середине десятилетия оппозиция во главе с Фоксом составляла несколько десятков человек, на которых оказывалось постоянное давление

со стороны правительства Питта-младшего [Willis, 1976, *236*]. Таким образом, можно сделать вывод, что участие Фокса во внешней политике Великобритании на рубеже XVIII–XIX веков в зарубежной историографии является до сих пор слабо исследованной проблемой. Несмотря на расширение круга источников и улучшение качества работ историков в XX веке, остались прежние сложности с определением места Фокса в британской политике 1797–1802 годов, заключающиеся в использовании тезиса, что глава вигов в этот период был скорее историком и памфлетистом. В XXI веке личность Фокса в исследованиях историков окончательно отходит на второй план, а вопрос об участии лидера вигов во внешней политике Великобритании в период войны второй коалиции практически не рассматривается.

В отечественной историографии исследуемый вопрос почти не затрагивался. Специальные работы, анализирующие политическую деятельность Чарльза Джеймса Фокса в период войны второй коалиции, отсутствуют. В некоторой степени упоминал о слабости оппозиционного движения в 1797–1802 годах А.А. Егоров в монографии «У. Питт-младший: Решающие годы» [Егоров, 2017, *315*]. Отметила значительное уменьшение влияния вигов в британском парламенте на рубеже XVIII–XIX веков и М.П. Айзенштат [Айзенштат, 2007, *95*]. А.А. Куницын в своей кандидатской диссертации «Политическая и военная роль Англии в деятельности второй антифранцузской коалиции (1798–1802 гг.)» частично затронул вопрос роли влияния антимилитаристской риторики Фокса на британский парламент в 1800 году [Куницын, 2020, *167*].

«Клуб разорившихся игроков и нуждающихся авантюристов, которые ратуют за реформы, но ждут момента революции» [The Times, December 1797] – таким описанием наградила приверженцев Фокса, вышедших вместе со своим вождем из парламента к моменту окончания войны первой коалиции против Франции, газета «The Times» в декабре 1797 года. И действительно, после раскола в группировке вигов партия, как оппозиционная структура, практически прекратила существование. «Новые виги» – сторонники Фокса представляли собой довольно радикальную фракцию в парламенте, которой сторонились «беспартийные» (неопределившиеся) депутаты. К 1797 году большинство фокситов (в том числе и их лидер) уже покинуло парламент из-за отсутствия перспективы повлиять на политику государства. В то же время «старые виги» под руководством Портленда и Берка заметно отдалились от либеральных идеалов и поддержали консервативное правительство Питта-младшего. В результате на начало 1798 года в парламенте осталась лишь слабая оппозиционная прослойка, что позволило премьер-министру и его кабинету получить контроль над внутренней и внешней политикой государства.

Сам Фокс после отхода от парламентской деятельности отдыхал. Как пишет большинство исследователей, бывший вождь вигов на момент 1797–1799 годов предстает по большей части в образе писателя, памфлетиста, историка, но не политика [Russel, II, 1866, *165*; Wheeler, 1907, *90*; Reid, 1969, *349*].

Для многих представителей парламента такое поведение лидера британской оппозиции представлялось крайне возмутительным. Получивший депутатский мандат Фокс не исполнял свои функции, о чем ему по возвращении в декабре 1797 года в достаточно жесткой манере сообщил спикер палаты общин Генри Аддингтон [The parliamentary history of England, 34, 1819, *1066*]. Но совсем от политической деятельности Фокс в этот период не отошел. Вместо парламентской трибуны он выступал на отдельных неформальных встречах вигов, где критиковал курс, избранный Питтом-младшим. Вернуться в парламент Фокса заставило предложение Питта о введении новых налогов. Кроме того, глава «новых вигов» присутствовал на заседаниях парламента в декабре 1797 года, а также в первой половине 1798 года при рассмотрении вопроса об отмене работорговли (одного из важнейших в политической карьере Фокса) и во второй половине года при обсуждении ситуации в Ирландии (лидер вигов выступал против притеснений ирландцев по религиозному и национальному признаку). После ряда неудач в парламенте, когда все инициативы Фокса были отвергнуты обеими палатами, глава оппозиции вновь взял значительный перерыв вплоть до ноября 1799 года, пропустив и заседания, посвященные началу войны второй коалиции. Отсутствие главы либерального крыла вигов на сессиях, связанных со вступлением Великобритании на новый этап военного противостояния, вызывало серьезное недопонимание среди его сторонников. В 1797 году большая часть фокситов вслед за своим вождем покинула парламент, выражая таким образом протест против власти. Но в 1799 году бездействие Фокса отдельными представителями оппозиции и сочувствующими им депутатами воспринималось уже практически как окончание политической карьеры. Об этом может свидетельствовать переписка Фокса с Фицпатриком, где лидер вигов говорит о том, что раздал все свои долги и счастлив находиться в этот момент рядом с женой, читать книги, писать и наслаждаться жизнью. Фицпатрик с пониманием отнесся к словам своего друга, но отметил, что Фокс совсем потерял политические амбиции [Russel, 1866, III, *192*].

Сложившуюся политическую конъюнктуру изменил приход к власти во Франции Наполеона Бонапарта. Свергнув Директорию и фактически единолично возглавив республику, Наполеон изменил внешнеполитический курс страны. Франция нуждалась в мире после долгих и кровопролитных войн на континенте. Наполеон спустя месяц после переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 года по григорианскому календарю) в своем письме Георгу III предложил провести переговоры о мире. Это послание взбудоражило английскую общественность. Вышел из своего импровизированного отпуска и Чарльз Джеймс Фокс. Глава вигов увидел возможность вернуться в большую политику и повлиять на британскую дипломатию.

Обращение Наполеона к Георгу III стало четким рубежом в политической карьере Фокса. После достаточно долгого периода отсутствия лидер

вигов вернулся к привычной оппозиционной деятельности. Воодушевленный Фокс в письме барону Холланду в жесткой форме раскритиковал отказ премьер-министра Уильяма Питта-младшего (выступившего от имени Георга III) от мирных переговоров между Великобританией и Францией: «Позиция правительства оскорбляет интеллект английского народа. Как нелепо во время войны требовать от Бонапарта восстановления французской монархии или по крайней мере демонстрации того, что он может вести себя мирно, прежде чем начнутся переговоры» [Memorials and Correspondence of Charles James Fox, III, 1854, *175–176*].

3 февраля 1800 года состоялись парламентские дебаты, вызвавшие невероятный ажиотаж среди депутатов, поскольку ожидалась жаркая дискуссия между «фракцией войны» в лице Питта-младшего и его ближайших соратников (Аддингтон, Дандас и т.д.) и сторонниками мира (виги из числа фокситов, в том числе и сам их глава). Фокс, как позже написала леди Холланд (жена барона Холланда) в своем журнале, выступил с одной из самых пламенных речей в своей жизни [The journal of Elizabeth Lady Holland, 1909, *44*]. Лидер оппозиции привел внушительное количество аргументов в пользу мира с Францией. Приведем наиболее яркие: «Все аргументы, которые так часто вводили нас в заблуждение, все заверения в бедственном положении Франции и слабости врага выдвигаются и спустя семь лет самой тяжелой и пагубной борьбы, в которую была вовлечена Британия. Разве нам не говорили пять лет назад что Франция находилась в пропасти и была банкротом? Разве нам не говорили в качестве неопровержимого аргумента, что Франция не способна провести еще одну военную кампанию и ее силы истощены? … Мы из года в год придерживались подобных заверений и после неоднократных опровержений продолжаем серьезно говорить, что у нас те же самые шансы на успех. И без каких-либо аргументов или гарантий нам предлагают начать новый этап войны против Бонапарта, который предлагает переговоры о мире» [The parliamentary history of England, 34, 1819, *1354*]. Но, несмотря на красноречие Фокса, парламент большинством в 201 голос (265 за и 64 против) решил продолжать войну. В конфликте между Великобританией и Францией началась новая фаза военного противостояния, а глава вигов, разочарованный результатами дебатов, вновь ненадолго отошел от политики и занялся историей. Левое крыло вигов на этот период лишилось значительной доли поддержки среди неопределившихся депутатов, поскольку фракция фокситов без своего вождя в парламенте имела слишком малый вес и не могла рассчитывать, что ее собственные мирные инициативы рассмотрят в ходе сессий 1800 года.

Спустя 8 месяцев, 10 октября 1800 года, на ежегодном праздновании партией вигов первых выборов в Вестминстер Фокс произнес перед соратниками речь, посвященную войне с Францией. В ней глава британской оппозиции раскритиковал политику Питта с точки зрения вмешательства в дела иностранного государства, а также отметил ужасную тенденцию к уничтожению

свобод и продвижению к деспотизму [Holland, I, 1852, *186*]. Народ Франции избрал самостоятельно свою власть, следовательно, любое вмешательство в дела Франции – это посягательство на демократические основы. И хотя Фокс ранее несколько осуждал революционные методы борьбы за демократию (например, лидер вигов негативно оценивал якобинский террор 1793–1794 годов, считая, что это было кровавое преступление против человечности [Memorials and Correspondence of Charles James Fox, III, 1854, *167*]), поскольку был сторонником реформистского подхода, в октябре 1800 года, противореча ключевому вектору внешней политики Питта, глава английской парламентской оппозиции объявил войну второй коалиции одной из самых больших ошибок в истории Британии [Holland, I, 1852, *186*].

В начале 1801 года в составе правительства Великобритании произошли перестановки. Уильям Питт-младший покинул пост премьер-министра, который занимал 17 лет. Новым главой кабинета стал Генри Аддингтон, протеже Питта и один из его ближайших соратников. Фокс в письме Холланду так прокомментировал это назначение: «Аддингтон был премьер-министром де-юре, а Питт – де-факто» [Memorials and Correspondence of Charles James Fox, III, 1854, *188*]. Таким образом, с точки зрения вождя вигов ситуация в британской дипломатии изменилась незначительно. Однако Аддингтон имел гораздо меньший политический вес, чем Питт-младший. Это, по мнению Фокса, могло способствовать продвижению среди парламентариев мнения о необходимости проведения мирных переговоров, поскольку после отставки Питта отдельные сторонники продолжения войны колебались. Например, после назначения Аддингтона премьер-министром и в результате конфликта с монархом покинул пост министра иностранных дел Уильям Гренвиль, ранее безапелляционно выступавший за продолжение конфликта с Францией [Memoirs of the court and cabinets of George the third, 1853, *175*]. Вообще 1799–1801 годы в британской внешней политике зачастую исследователям представляются периодом фрагментации кабинета, когда, избавившись от любой более-менее влиятельной оппозиции в парламенте, Питт-младший допустил появление оппозиции в правительстве [Willis, 1976, *241*]. При Аддингтоне фрагментация кабинета лишь усугубилась, о чем, конечно же, знал Фокс.

25 марта 1801 года в ходе сессии нового объединенного парламента (по унии 1800 года в состав Великобритании вошла Ирландия, образовав Соединенное королевство Великобритании и Ирландии) Фоксу вновь представилась возможность убедить британских депутатов в необходимости мирных переговоров. Слияние парламентов играло на руку лидеру вигов. Часть парламентариев из числа ирландцев сочувственно относилась к политике Фокса благодаря его поддержке отмены актов, ограничивавших права католиков и национальных меньшинств. Получив слово на заседании парламента, глава вигов жестко раскритиковал тезисы Генриха Дандаса о необходимости ведения войны до по-

бедного конца [The parliamentary history of England, 34, 1819, *1070*]. Фокс аргументировал свою позицию сложной экономической обстановкой в Великобритании и отсутствием результатов у армии, которая осталась на 1801 год без союзников по коалиции: «Вы начали с глупости, а закончили бедой. Назовите мне хоть одну цель войны, которой вы добились! Назовите мне хоть одно зло, которое вы не навлекли на свою страну!» [The parliamentary history of England, 34, 1819, *1128*]. Речи Фокса все еще обладали магическими свойствами [Reid, 1969, *375*], как пишет исследователь Лорен Рид, благодаря чему он получил в парламенте значительную поддержку – 105 голосов. Однако этого было недостаточно. Большинство членов парламента все еще оставались сторонниками политики Питта и, следовательно, поддержали его преемника – Аддингтона. За продолжение конфликта высказался 291 депутат. Фокс был крайне расстроен таким итогом, нежелание главы вигов участвовать в парламентских сессиях лишь усилилось, о чем свидетельствует ответ на письмо Холланда: «Никогда еще письмо не приходило в худшее время, мой дорогой молодой человек, чем ваше сегодня утром» [Memorials and Correspondence of Charles James Fox, III, 1854, *189–190*].

Несмотря на крепкие позиции в парламенте «фракции войны», правительство Аддингтона в сентябре 1801 года инициировало переговоры с Францией. Великобритания была истощена долгим противостоянием, экономика переживала серьезный кризис, а внутриполитические проблемы требовали немедленного решения. Франции также была нужна передышка, Наполеону требовалось закрепить свою власть и стабилизировать ситуацию в завоеванных республикой землях. Фокса начало переговоров и подписание 1 октября 1801 года прелиминарного мира привело в восторг. На встрече со своими соратниками в октябре 1801 года глава вигов заявил о том, что «необходим мир на любых условиях, нельзя критически оценивать потерю острова в Вест-Индии или провинции в Средиземноморье. Территории никак не могут быть противопоставлены злу войны ни на месяц, ни тем более на год» [The manuscripts of J.B. Fortescue, 7, 1892, *16*]. Воодушевленный Фокс продолжил свои рассуждения на заседании парламента 3 ноября. Лидер парламентской оппозиции обратился к правительству с требованием незамедлительно заключить мир с Францией, поскольку каждая секунда промедления стоила Великобритании огромных финансовых и людских ресурсов: «С января 1800 года по октябрь 1801 года мы отвергли предложение мира и со времени дерзкого ответа прибавили 73 миллиона фунтов долга, чтобы вновь вернуться к предложению первого консула» [The Parliamentary History of England, 36, 1820, *72–73*].

25 марта 1802 года между Великобританией и Францией в городе Амьен был заключен мирный договор. Де-факто Фокс добился приемлемого для себя результата, хотя его роль в переговорах была минимальна. После окончания военных действий у главы британской оппозиции, по его словам, остались в парламенте лишь неосуществимые цели: «Парламентская реформа,

отмена всех религиозных испытаний, отмена работорговли и эмансипация католиков в Ирландии» (цит. по: [Reid, 1966, 377]). На этом основании Фокс после подписания мира сконцентрировался на исследовательской деятельности и приступил к написанию своего главного исторического труда «История ранней части правления Якова II» [Fox, 1808].

В итоге можно констатировать, что позиция Чарльза Джеймса Фокса в отношении внешней политики правительства Великобритании 1798–1802 годов заключалась в непрерывной критике военного конфликта с Францией. Лидер британской оппозиции всегда отстаивал пацифистские взгляды в парламенте. Несмотря на перерывы в несколько месяцев, Фокс возвращался и продолжал борьбу за мир, предложив свои варианты заключения мира. И хотя перемирие было подписано без участия Фокса, на практике его роль состояла в формировании положительного образа договора с Францией среди сомневавшихся депутатов парламента и членов правительства.

ЛИТЕРАТУРА

Айзенштат М.П. Британия Нового времени. Политическая история: учебное пособие. М.: КДУ, 2007. 204 с.

Егоров А.А. Уильям Питт Младший. 1784–1806: решающие годы. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2017. 444 с.

Куницын А.А. Политическая и военная роль Англии в деятельности второй антифранцузской коалиции (1798–1802 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 2020. 235 с.

Ayling S.E. Fox: the life of Charles James Fox. London: J. Murray, 1991. 271 p.

Fox C. A history of the early part of the reign of James the Second: with an introductory chapter. To which is added an appendix. London: Printed for W. Miller, by W. Savage, 1808. 654 p.

Hammond J.L. Le B. Charles James Fox: a political study. London: Methuen & Company, N. Y.: James Pott & Company, 1903. 370 p.

Holland H.R.V. Memoirs of the Whig party during my time. London: Longman, Brown, Green, and Longmans. 1852. Vol. 1. 291 p.

Memoirs of the court and cabinets of George the third. From original family documents. The duke Buckingam and Chandos, K.G. In 4 vols. Vol. 3. London: Hurst and Blackett, publishers, successors to Henry Colburn, 13, Great Marlborough street, 1853. 457 p.

Memorials and Correspondence of Charles James Fox. In 4 vols / ed. by J.R. Russel. London: R. Bentley, 1854. Vol. 3. 470 p. URL: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.31013/page/n7/mode/2up (дата обращения: 20.08.2023).

Mitchell L.G. Charles James Fox. Oxford: Oxford University Press, 1992. 338 p. URL: https://archive.org/details/charlesjamesfox00mit (дата обращения: 03.09. 2023).

O'Gorman F. The Whig party and the French Revolution. London: Melbourn, Macmillan, 1967. 276 p.

Powell D. Charles James Fox. London: Hutchinson, 1989. 283 p.

Reid L. Charles James Fox: a man for the people. Columbia: University of Missoury Press, 1969. 475 p.

Russel J.R. The life and times of Charles James Fox. London: Bentley, 1866. Vol. 3. 424 p.

The journal of Elizabeth Lady Holland (1791–1811) / ed. by The Earl of Ilchester. London: Longmans, Green, and Co, 1909. Vol. 2. 337 p.

The manuscripts of J.B. Fortescue preserved at Dropmore [being correspondence and papers of Lord Grenville 1698–1820] / ed. by Grenville. London: H.M.S.O. 1892. Vol. 7. 516 p.

The Parliamentary History of England, from the Earliest Period to the Year 1803: from which

last-mentioned epoch it is continued downwards in the work entitled, «Hansard's Parliamentary Debates» / ed. by W. Cobbet. Oxford: Oxford University Press, 1819. Vol. 34. 1562 p.

The Parliamentary History of England, from the Earliest Period to the Year 1803: from which last-mentioned epoch it is continued downwards in the work entitled, «Hansard's Parliamentary Debates» / ed. by Cobbet W. Oxford: Oxford University Press, 1820. Vol. 36. 1716 p.

The Times archive. December 1797. URL: https://www.thetimes.co.uk/archive/find/Fox/w:1797-12-07 (дата обращения: 07.09.2023).

Wheeler B. Charles James Fox. A commentary on his life and character. London: John Murray, 1907. 292 p.

Willis R.E. «An Handful of Violent People»: The Nature of the Foxite Opposition, 1794–1801 // A Quarterly Journal Concerned with British Studies. 1976. Vol. 8, no. 3. P. 236–254.

I.V. Dayneko
Assistant,
Chair of Foreign History and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia

Charles James Fox and British Foreign Policy during the Years of the Second Anti-French Coalition

The French Revolution of 1789 completely changed the European political landscape. The overthrow of the monarchy and the formation of the French Republic was a catalyst for instability and the growing popularity of radical movements in other countries. The consequence was the invasion of France by foreign countries and the formation of new political blocs in Europe. Great Britain, led by Prime Minister William Pitt, Jr. was one of the main initiators of the outbreak of hostilities. The war of the first coalition against France, allowed the British cabinet to divert the attention of Parliament from domestic problems and suppress opposition and radical movements. Thus, in 1797 the Whig leader Charles James Fox and his associates lost the support of MPs and popularity among the people. The «leader» of the British opposition withdrew from the business and for the next 3 years appeared at the parliamentary sessions only a few times, even despite the large-scale war of the second coalition against France that started in 1798. The historiography mainly studied Fox's activity as a writer and historian. The article examines in detail the political activities of the head of the British opposition and the role of his peace initiatives in 1799–1802 when the Treaty of Amiens was concluded.

Keywords: *British Parliament; British opposition; French Revolution; Second Coalition War; peace negotiations.*

REFERENCES

Ayzenshtat M. P. Britain of the New Age. Political history: textbook [Britaniya Novogo vremeni. Politicheskaya istoriya: uchebnoe posobie]. Moscow: KDU, 2007. 204 p. (in Russian).

Egorov A.A. William Pitt the Younger. 1784-1806: the decisive years [Uil'yam Pitt Mladshij. 1784–1806: reshayushchie gody]. Rostov-on-Don: Southern Federal University, 2017. 444 p. (in Russian).

Kunitsyn A. A. Political and military role of England in the activity of the second anti-French coalition (1798-1802) [Politicheskaya i voennaya rol' Anglii v deyatel'nosti vtoroj antifrancuzskoj koalicii (1798–1802 gg.)]. *Dissertation … of Candidate of History*. Moscow, 2020. 235 p. (in Russian).

Ayling S. E. Fox: the life of Charles James Fox. London: J. Murray, 1991. 271 p. (in English).

Fox C.J. A history of the early part of the reign of James the Second: with an introductory chapter. To which is added an appendix. London: Printed for W. Miller, by W. Savage, 1808. 654 p. (in English).

Hammond J.L. Le B. Charles James Fox: a political study. London: Methuen & Company, NewYork: James Pott & Company, 1903. 370 p. (in English).

Holland H.R.V. Memoirs of the Whig party during my time. London: Longman, Brown, Green, and Longmans. 1852. Vol. 1. 291 p. (in English).

Memoirs of the court and cabinets of George the third. From original family documents. The duke Buckingam and Chandos, K. G.: in 4 volumes. Vol. 3 London: Hurst and Blackett, publishers, successors to Henry Colburn, 13, Great Marlborough street, 1853. 457 p. (in English).

Memorials and Correspondence of Charles James Fox: in 4 volumes. Edited by J.R. Russel. London: R. Bentley, 1854. Vol. 3. 470 p. Available at: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.31013/page/n7/mode/2up (accessed on August 20, 2023) (in English).

Mitchell L.G. Charles James Fox. Oxford: Oxford University Press, 1992. 338 p. Available at: https://archive.org/details/charlesjamesfox00mit (accessed on September 3, 2023) (in English).

O'Gorman F. The Whig party and the French Revolution. London: Melbourn, Macmillan. 1967. 276 p. (in English)

Powell D. Charles James Fox. London: Hutchinson, 1989. 283 p. (in English).

Reid L. Charles James Fox: a man for the people. Columbia: University of Missoury Press, 1969. 475 p. (in English).

Russel J. R. The life and times of Charles James Fox. London: Bentley, 1866. Vol. 3. 424 p. (in English).

The journal of Elizabeth Lady Holland (1791–1811). Edited by The Earl of Ilchester. London: Longmans, Green, and Co. 1909. Vol. 2. 337 p. (in English).

The manuscripts of J.B. Fortescue preserved at Dropmore [being correspondence and papers of Lord Grenville 1698–1820]. Edited by Grenville. London: H.M.S.O. 1892. Vol. 7. 516 p. (in English).

The Parliamentary History of England, from the Earliest Period to the Year 1803: from which last-mentioned epoch it is continued downwards in the work entitled, «Hansard's Parliamentary Debates». Edited by Cobbet W. Oxford: Oxford University Press, 1819. Vol. 34. 1562 p. (in English).

The Parliamentary History of England, from the Earliest Period to the Year 1803: from which last-mentioned epoch it is continued downwards in the work entitled, «Hansard's Parliamentary Debates». Edited by Cobbet W. Oxford: Oxford University Press, 1820. Vol. 36. 1716 p. (in English).

The Times archive. December 1797. Available at: https://www.thetimes.co.uk/archive/find/Fox/w:1797-12-07 (accessed on September 7, 2023) (in English).

Wheeler B. Charles James Fox. A commentary on his life and character. London: John Murray, 1907. 292 p. (in English).

Willis R.E. «An Handful of Violent People»: The Nature of the Foxite Opposition, 1794–1801. *A Quarterly Journal Concerned with British Studies.* 1976. Vol. 8, No. 3. Pp. 236–254 (in English).

В.А. Карпушева, К.В. Козлова, К.В. Минкова

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

УДК 93/94+327

DOI 10.35785/2072-9464-2025-69-1-195-212

АРКТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР В ПАРАДИПЛОМАТИИ ГРЕНЛАНДИИ И ФАРЕРСКИХ ОСТРОВОВ

Ключевые слова: *Королевство Дания; Гренландия; Фарерские острова; автономии; Арктика; парадипломатия; внешние сношения; сепаратизм.*

В статье предпринята попытка рассмотреть основные направления парадипломатической деятельности датских автономий (Гренландии и Фарерских островов) путем анализа их Арктических стратегий 2024 года. В ходе исследования было установлено, что в отношении своих внешнеполитических приоритетов Дания, Гренландия и Фареры имеют больше противоречий, чем точек соприкосновения, поскольку каждая из частей Королевства преследует собственные интересы, в том числе и в Арктике. Обе автономии намерены расширить свое присутствие в регионе и заявляют о себе как о самостоятельных игроках, которые будут вести арктическую политику из Арктики. Называя Данию партнером в арктических стратегиях, ее автономии уже сейчас подчеркивают свою обособленность от бывшей метрополии. С учетом того, что в последние годы на выборах в Гренландии стабильно побеждают сторонники ее отделения от Дании, а также принимая во внимание обнародованный в апреле 2023 года проект Конституции Гренландии, уже в краткосрочной перспективе баланс сил в Арктике может измениться. Однако сейчас сложно сказать, каким именно образом: поскольку сама Дания, не желая утратить свою целостность, готова предоставлять автономиям больше прав, особенно в том случае, если их международная деятельность будет идти в русле внешней политики Копенгагена, весьма возможно превращение унитарной Дании в федеративное государство.

Возрастание геополитической напряженности заставило многих экспертов говорить об Арктике как о новом поле «Большой игры». Заметный интерес к региону проявляют неарктические государства, претендующие на мировое лидерство, прежде всего Китай. Данные процессы заставляют арктические страны переоценивать свою роль и место в Арктике, а значит – актуализировать свои арктические стратегии.

Королевство Дания занимает в регионе уникальное положение. Наличие двух автономий (Гренландии и Фарерских островов) в ее составе обеспечивает Данию жизненно важными ресурсами, к которым относятся

редкоземельные металлы, нефть, газ и рыба. Благодаря автономиям общая площадь континентального шельфа и исключительной экономической зоны, в рамках которой Дания имеет права на разведку и разработку природных ресурсов моря, является одной из крупнейших в мире и занимает 15-е место в общем рейтинге (4,8 млн км^2) [Exclusive economic zone, 2021]. На руку Датскому королевству играют и глобальные климатические изменения в Арктике: таяние морского льда открывает новые судоходные пути, что позволяет сократить время транспортировки грузов и получить экономическую выгоду от интенсификации судоходства по Северо-Западному и Северо-Восточному морским проходам. Увеличивается число круизных лайнеров и туристических маршрутов с Фарерскими островами и Гренландией в качестве мест прибытия.

Внешняя политика «европейской» Дании, имеющей крепкие исторические связи с соседними странами, обращена к соседям. Гренландия и Фарерские острова, напротив, больше ориентированы на Арктику. Остро осознавая свою региональную идентичность, эти автономии глубоко вовлечены во все происходящие там процессы – геополитические, экономические, экологические, культурные и т.д.

Являясь частями унитарного государства, Гренландия и Фарерские острова тем не менее обладают весьма широкими полномочиями в сфере внешних сношений, в том числе правом принимать самостоятельные решения по ряду вопросов без предварительного согласования с центральным правительством. При этом представления Копенгагена, Нуука (столицы Гренландии) и Торсхавна (столицы Фарерских островов) о национальных интересах и приоритетных векторах развития внешних сношений не всегда совпадают. Об этом говорят, в частности, принятая в 2023 году новая Стратегия внешней политики и безопасности Дании и Арктические стратегии двух ее автономий, увидевшие свет в 2024 году. Ярким доказательством непростых отношений между Данией и ее автономиями на арктическом направлении служит тот факт, что сама Дания уже четыре года живет без действующей Арктической стратегии. Действие предыдущего документа закончилось в 2020 году, а в 2022 году Копенгаген, Нуук и Торсхавн заключили соглашение о том, что создание общедатской Арктической стратегии начнется лишь после публикаций собственных Стратегий автономий [Sluterklæring fra fra, 2022]. Поскольку в 2024 году они были обнародованы, Стратегия Королевства уже находится в процессе разработки. Следует учитывать, что стремление двух автономий повысить свое значение в международных делах, особенно в Арктике, может затруднить отношения между их правительствами и центральными властями и актуализировать вопрос о потенциальной конфронтации с центром и росте сепаратизма в автономиях.

Относительно недавнее обнародование гренландской и фарерской арктических стратегий еще не нашло широкого отражения в научной лите-

ратуре и позволяет создать наиболее приближенное к реалиям сегодняшнего дня представление о подходах Датского королевства и его автономий к внешним сношениям, а также о сходстве и различиях их позиций в этой области. Кроме того, возможный выход Гренландии и Фарерских островов из состава Дании меняет существующий баланс сил в Арктическом регионе, где могут появиться новые игроки, национальные интересы которых будут отличаться от приоритетов Дании.

В связи с вытекающими из этой ситуации существующими и потенциальными проблемами настоящая статья призвана ответить на следующие вопросы: какой правовой статус имеют автономии в составе Датского королевства и каковы их полномочия в области внешних связей? Какова международная деятельность Гренландии и Фарерских островов, можно ли говорить об общих трендах в ее развитии? Какие интересы имеют датские автономии в Арктике? Насколько велики различия в представлениях Дании и ее автономий об арктической политике и угрожают ли эти различия территориальной целостности Датского королевства?

Термин «парадипломатия» для обозначения прямой международной деятельности субнациональных акторов, поддерживающей, дополняющей, корректирующей, дублирующей или оспаривающей дипломатию национальных государств, был введен в широкий научный оборот в 1990 году И. Духачеком и П. Солдатосом [Duchacek, 1990, *32*; Soldatos, 1990, *34*]. Позже в политической науке разгорелся спор о том, к каким именно субнациональным акторам может применяться этот термин. Дж. Пурнендра в монографии «Субнациональные правительства Японии в международных делах» первым заявил о том, что парадипломатия может быть присуща не только федеральным и квазифедеральным государствам, но и частям унитарных государств [Purnedra, 2005, *30*]. Позднее этот тезис был подтвержден одним из крупнейших исследователей парадипломатии А. Кузнецовым [Kuznetsov, 2015, *30–31*].

Описывая взаимодействие субнациональных акторов с центральным правительством, российский историк Ю.Г. Акимов выделяет следующие модели такого взаимодействия: параллельную (нейтральное отношение государства к внешним связям его субнациональных единиц), конфликтную (негативное, настороженное отношение центра к внешним связям региона), синергическую (взаимовыгодное сотрудничество двух уровней власти в сфере международной деятельности) [Акимов, 2021]. Акимов также вводит термин «ауксилиарная парадипломатия», обозначающий модель взаимодействия внешней политики центра и внешних связей субнационального актора, при котором последние выступают в качестве инструмента решения общенациональных задач. Однако, как отмечает и сам автор, ни один из этих типов не является самостоятельным, а значит, на практике наблюдается их взаимопересечение.

В контексте нашего исследования интересны работы датского политолога А. Грюдехоя: по его мнению, конфликта интересов между субнациональными единицами и федеральным центром не возникает до тех пор, пока внешние связи регионов отвечают национальным интересам государства [Grydehøj, 2014]. Более того, парадипломатия может быть «морально оправдана», если рассматриваемое субнациональное образование воспринимает себя как отдельную нацию. В этом случае парадипломатия используется как инструмент для утверждения позиций региона на международной арене при юридическом отсутствии соответствующего национального государства. Представленные теоретические построения помогут также определить, к какому типу взаимодействия субнациональных акторов и федерального центра относится парадипломатическая деятельность Гренландии и Фарерских островов.

В новейшей отечественной историографии вклад в изучение внешних связей Гренландии и Фарерских островов внесли В.В. Воротников и Д.Н. Збирун [Воротников, Збирун, 2024]. Исследователи установили прямую зависимость между расширенным правовым статусом автономий и относительно независимой реализацией ими внешних сношений, с одной стороны, и ростом недопонимания между Копенгагеном, Нууком и Торсхавном – с другой. Однако выход автономий из состава единой Дании представляется этим авторам маловероятным; более реальной им кажется модификация Королевства в той или иной форме. Р.М. Плюснин рассмотрел парадипломатию Фарерских островов на примере контактов с Российской Федерацией [Плюснин, 2023]. Автор пришел к выводу о том, что фарерский кейс является исключительным, так как может выступать в качестве примера проведения автономным субъектом европейской страны суверенной экономической политики в условиях санкционной войны между Россией и большинством европейских государств. Ряд аналитических материалов Н.Е. Белухина на портале РСМД охватывает вопросы как «суверенных амбиций» датских автономий [Белухин, 2022б], так и российского направления внешних связей Торсхавна [Белухин, 2022а]. Исследователь отмечает, что и Гренландия, и Фарерские острова используют инструменты давления на Копенгаген для расширения присутствия обеих датских автономий в арктической дипломатии. Более того, отношения с Россией продолжают играть важную роль в парадипломатической деятельности Фарер, что идет вразрез с интересами самой Дании и тем самым создает благоприятную почву для возникновения новых противоречий и усиления сепаратистских настроений.

Правовой статус автономий в составе Датского королевства и реализация внешних сношений. В составе Королевства Гренландия и Фарерские острова имеют особый статус, который регулируется Законом о Гренландском самоуправлении 1978 года [Lov om Grønlands, 1978], Законом о Гренландской

автономии 2009 года [Lov om Grønlands, 2009], Законом о самоуправлении Фарерских островов 1948 года [Lov om Færøernes, 1948] и Законом о передаче полномочий Фарерским островам 2005 года [Lov om de, 2005].

У обеих автономий имеются собственные местные правительства и парламенты, в их исключительном ведении находятся внутриполитические решения, имеющие первичное значение для их жителей. В сфере внешней политики обе территории также имеют ограниченные права – на участие в международных организациях; подписание международных соглашений, если они не противоречат Конституции Дании; экономическое сотрудничество, создание представительств при дипломатических миссиях Дании.

При этом правовой статус Гренландии и Фарер в составе Датского королевства неодинаков. Пункт 3 статьи 21 Закона о Гренландской автономии закрепляет ее право на получение независимости по итогам проведения соответствующего референдума [Lov om Grønlands, 2009]. Подобное право стало следствием признания датским правительством гренландцев в качестве отдельного народа с правом на самоопределение, а гренландский язык определяется как главный на территории автономии, несмотря на наличие двух официальных – регионального гренландского и общего датского. Обладая широким перечнем полномочий как на внутриполитическом уровне, так и в области внешних сношений, Гренландия при этом получает регулярное финансирование из Копенгагена в форме трансфертов, что, на первый взгляд, делает ее пребывание в составе Королевства достаточно комфортным.

Тем не менее в апреле 2023 года гренландское правительство обнародовало проект Конституции будущего независимого государства [Inatsit Tunngaviusussaq, 2023], что указывает на непреходящую актуальность вопроса об отделении от Дании для политического руководства Гренландии. Подобное напряжение в отношениях Нуука и Копенгагена вызвано не только травмами колониального прошлого Гренландии, но и ее стремлением играть все большую роль в формировании внутри- и внешнеполитической повестки государства, что не может не вызывать негативной реакции центральной власти. Впрочем, в случае выхода Гренландии из состава Дании обеим сторонам есть что терять. Для Дании такой шаг обернется неизбежной потерей большого количества природных ресурсов, утратой статуса арктической державы (и возможности сидеть за одним столом с такими крупными игроками, как США, Канада и Россия) [Denmark's strategic interests, 2016] и обретением нового международного актора, стремящегося играть более важную – и соответствующую размерам его территории – роль на международной арене [Белухин, 2022б]. Гренландия, в свою очередь, останется без трансфертов, которые сегодня играют значительную роль в развитии этой автономии. Таким образом, устраивающим обе стороны компромиссом могли бы стать федерализация Дании или подписание ею соглашений об ассоциации с Гренландией и Фарерами [Wilson, 2017, *516*]. Такое

развитие событий тем более вероятно, что, помимо всего прочего, Данию и ее автономии связывают очень тесные экономические узы, которые в случае отделения последних от Королевства неизбежно нарушатся.

В отличие от гренландцев, фарерцы не признаются датским правительством отдельным народом, несмотря на сложившееся в регионе мнение о собственной исключительности ввиду наличия отдельной культуры, языка, который также имеет там статус основного, и автономии в ряде внутри- и внешнеполитических вопросов [Воротников, Збирун, 2024, *100*]. Однако отношения Копенгагена с Торсхавном не менее сложные, чем с Нууком. В 2001 году власти Фарерских островов провели референдум о выходе из состава Королевства. Население проголосовало против такого шага исключительно по экономическим причинам, поскольку в этом случае автономия лишалась государственных трансфертов не через 15 лет, как предполагали фарерцы, инициируя дискурс о суверенитете, а всего через 4 года [Воротников, Збирун, 2024, *103*]. Тем не менее сам факт проведения такого референдума позволил Торсхавну вступить с центральным правительством в дебаты о праве на признание отдельной нацией. Важно подчеркнуть, что интересы Фарерских островов существенно отличаются от датских – особенно в сфере арктической политики и в вопросах выстраивания сотрудничества с международными партнерами. Так, развитые и критически важные для Фарерских островов экономические связи с Россией [Плюснин, 2023, *117*], не полностью прервавшиеся в 2022 году, вызывают недовольство у Копенгагена и его западных союзников, выступающих за общую солидарность в вопросах проведения санкционной политики против Российской Федерации [Белухин, 2022а].

В продолжение дискурса о неравном положении автономий необходимо обратиться к утратившей силу, но остающейся пока единственной релевантной основой для анализа Арктической стратегии Дании 2011–2020 годов. Проводя контент-анализ Стратегии, можно заметить, что вклад Гренландии в развитие Арктики оценивается в ней выше, чем вклад Фарер: в соответствующем контексте слово «Greenland» упоминается 377 раз, а слово «Faroe» – 125. Эти упоминания отражают усилия Гренландии по организации исследовательской и научной деятельности, а также совместный гренландско-датский опыт в различных сферах (например, проведение профильных конференций, публикация коллективных докладов, создание спецслужб и международных институтов, таких как Совместный комитет между Гренландией, Данией и США (*англ*. Joint Committee cooperation between Greenland, Denmark and the U.S.)). Фарерские острова в большей степени упоминаются в контексте организации поисково-спасательных операций и исследовательской деятельности. Кроме того, Стратегия особо подчеркивает «наиболее выгодное» расположение Гренландии относительно крупнейших мировых рынков – Европейского союза и США, фактически игнорируя географическую близость Фарерских островов к Великобритании и к странам ЕС [Denmark, Greenland and the Faroe Islands, 2011–2020].

Важно отметить, что в Арктической стратегии Дании 2011–2020 годов Гренландия и Фарерские острова фактически признаются в качестве самостоятельных игроков, поскольку в качестве ее авторов выступают и сама Дания, и ее автономии. Это указывает не только на признание особого статуса автономий в составе Королевства и на стремление центрального правительства к инклюзивности и репрезентации автономных сообществ, но и на то, что каждая из сторон имеет собственные интересы в Арктике и собственное видение арктической политики, что и побудило их сесть за стол переговоров [Denmark, Greenland and the Faroe Islands, 2011, *1*].

Прения о том, кто может лучше защитить внешнеполитические интересы фарерцев, как и в случае с Гренландией, создают протестный потенциал, который пока не вылился в серьезные формы сепаратизма, но уже сейчас осложняет отношения между Торсхавном, Нууком и Копенгагеном.

Парадипломатическая деятельность Гренландии. С момента обретения Гренландией статуса автономии в 2009 году расстановка сил на политической арене внутри региона не претерпела значительных изменений. На протяжении всего указанного периода первое и второе место по итогам региональных выборов занимали партия «Народное сообщество» и партия «Вперед», каждая из которых поддерживает выход Гренландии из состава Королевства Дания. Демократическая партия, выступающая за единство государства, наоборот, теряет свои позиции, что наиболее ярко отразилось на выборах 2021 года, по результатам которых партия впервые за восемь лет заняла четвертое, а не третье место [Белухин, 2021]. То, что население автономного региона на протяжении 15 лет делает выбор в пользу «Народного сообщества» и партии «Вперед», подтверждает тезис, что идея независимой Гренландии остается актуальной и по сей день.

Согласно программному документу партии «Народное сообщество», которая на настоящий момент является крупнейшей политической силой в Гренландии, «после введения самоуправления Гренландия быстро стала независимым международным игроком. Интерес к Арктике резко возрос, а значение Гренландии, геополитическое и геостратегическое, сейчас велико, как никогда» [Inuit Ataqatigiit, 2021, *6*]. В связи с этим в качестве одной из основных целей на данном направлении провозглашалась активизация подготовительной работы над Конституцией независимой Гренландии, проект которой, как упоминалось выше, был представлен в апреле 2023 года. Подобной позиции придерживаются и представители «Вперед». «Мы больше не должны считать себя страной, находящейся под колониальным господством, и мы должны взять на себя ответственность за это», – говорится на официальном сайте партии [Selvstændighed, 2024].

За практическую реализацию внешних связей в гренландском правительстве отвечает Департамент автономии и иностранных дел. Глава департамента и член политической партии «Вперед» Вивиан Мотцфельдт еще в

2018 году отмечала: арктическое направление является наиболее приоритетным в парадипломатической деятельности, что во многом обусловлено географическим расположением Гренландии [Greenland's Foreign Minister, 2018]. Это подтверждается и недавними новостями: так, в октябре текущего года в Вашингтоне прошло заседание Объединенного комитета США и Гренландии, в рамках которого представители обеих сторон определили основные приоритеты двустороннего сотрудничества на 2025 год. В рамках оговоренных приоритетов Арктика продолжает занимать ключевую позицию, поскольку стороны намерены «продвигать совместные инновационные проекты, которые укрепляют взаимопонимание в отношении арктического региона» [U.S.-Greenland Joint, 2024]. В ноябре прошла встреча Мотцфельдт и министра обороны Дании Лунда Поульсена, в ходе которой было озвучено обоюдное желание укрепить оборонное сотрудничество в вопросах, непосредственно касающихся безопасности в Арктике. Гренландка также подчеркнула важность предстоящего председательства Дании в Арктическом совете, поскольку Нуук намерен принимать в деятельности этого института самое активное участие, стремясь осуществлять арктическую политику непосредственно из Арктики, а также развивать сотрудничество по линии Север – Север [Denmark and Greenland to discuss, 2024].

В феврале 2024 года правительство Гренландии обнародовало собственную Арктическую стратегию, которая носит название «Nothing about us without us: Greenland’s Foreign, Security and Defense Policy 2024–2033 – an Arctic Strategy» («Ничего о нас без нас: внешняя политика, политика безопасности и обороны Гренландии – Арктическая стратегия») [Nothing about us, 2024]. Как и следует из названия, документ можно рассматривать как полноценную внешнеполитическую доктрину автономной территории. На данный момент именно эта стратегия позволяет составить наиболее полное представление о том, как Гренландия видит себя и свою деятельность в мире в последующие 10 лет. Очевидно, публикация проекта Конституции и общее содержание внешнеполитической стратегии призваны продемонстрировать международному сообществу серьезность намерений Гренландии относительно возможного выхода из состава Королевства.

Гренландия во многом уже мыслит в категориях суверенного государства, применяя для саморепрезентации слово «country» – страна. В введении к Стратегии упомянуто: «Гренландия и гренландский народ представляют собой независимый народ и нацию». Правительство Гренландии также ощущает ответственность за представление и защиту интересов Арктики в целом и народов, проживающих на территории региона. На стремление Гренландии принимать наиболее активное участие в вопросах, которые непосредственно касаются региона и всего его этнического населения, указывает и само название Стратегии. Политическое руководство автономии

убеждено, что именно Гренландия должна играть ведущую роль в делегации Дании в Арктическом совете, поскольку деятельность в рамках организации должна осуществляться «Арктикой из Арктики».

Основной целью Гренландии в Арктике провозглашается противодействие возникновению гонки вооружений в регионе и сохранение его мирного статуса. Отражено в Стратегии и упомянутое выше намерение автономии взять на себя ведущую роль в период председательства Дании в Совете в 2025–2027 годах [Nothing about us, 2024, *11–13*]. Гренландия также выражает свою готовность налаживать связи и с прочими арктическими государствами, например с Канадой: так, в Стратегии ставится цель создания свободы передвижения для общин инуитов, коренных народов Арктики, между обоими государствами [Nothing about us, 2024, *21*]. На данный момент своим наиболее важным стратегическим партнером среди арктических государств Гренландия видит Соединенные Штаты. Подтверждением этому служит и то, что раздел Стратегии, посвященный взаимодействию с США, занимает достаточно высокое положение в сравнении с прочими пунктами (4 из 12). Гренландия намерена расширять и углублять двусторонние связи с арктическими штатами США, прежде всего с Аляской. Более того, планируется расширение поля действия оборонного соглашения 1951 года [Nothing about us, 2024, *17*], что, вероятно, позволит Вашингтону разместить новые военные объекты на территории автономии с последующим укреплением его статуса как форпоста Соединенных Штатов в Арктике.

Кроме того, политическое руководство Гренландии стремится развивать сотрудничество с Исландией, упомянутой ранее Канадой, а также с азиатскими странами, проявляющими в последние годы большой интерес к Арктике, например с Китаем, Японией, Республикой Кореей и Индией. Помимо этого, в Стратегии упомянуто, что в круг партнеров Нуука впоследствии также могут войти Сингапур и Вьетнам [Nothing about us, 2024, *31*]. В первую очередь необходимость подобных связей политическое руководство Гренландии обосновывает собственным стремлением к «постоянному и долгосрочному присутствию» в Юго-Восточной Азии, к расширению торговых связей и к налаживанию диалога между Гренландией и азиатскими наблюдателями в Арктическом совете «на благо Арктики».

Говоря о видении себя как глобального игрока, Гренландия выражает стремление к более активному участию в деятельности ООН. В Стратегии говорится: «История показала, что нам [Гренландии] необходимо иметь место за столом, если Гренландия хочет, чтобы ее голос был услышан». Можно предположить, что подобным образом политическое руководство автономного региона косвенно заявляет о своем желании в дальнейшем стать полноправным членом ООН. В отличие от Фарерских островов, эта датская автономия не имеет ассоциированного членства и в организациях семьи ООН. Помимо ООН, Гренландия стремится к развитию многостороннего сотрудничества с рядом

региональных организаций (ЕС, Северный совет и пр.), а также выступает за создание Арктического североамериканского форума – межправительственной организации, деятельность которой будет направлена на разрешение проблем арктического региона совместно с государствами Северной Америки. Это доказывает, что Гренландия во многом представляет себя локомотивом благоприятных изменений в Арктике, а значит, готова выступить в качестве инициатора новых переговорных платформ для реализации общих интересов акторов [Nothing about us, 2024, *29*].

Особо актуальными проблемами в контексте внешних связей для Гренландии являются обеспечение безопасности и организация обороны, а также борьба с изменением климата. В соответствующих разделах Стратегии вновь подчеркивается важность сотрудничества с «ближайшими партнерами и союзниками» Данией (которая уже воспринимается как внешний актор) и США и с «соседями» – Канадой и Исландией. Гренландский политический истеблишмент намерен улучшить общую подготовку вооруженных сил и гражданского населения в сотрудничестве с иностранными государствами-партнерами, чтобы «повысить готовность граждан к тому дню, когда Гренландия обретет независимость» [Nothing about us, 2024, *41*].

Таким образом, Гренландия видит себя сильным и независимым игроком на международной арене, прежде всего в Арктическом регионе, и стремится к тому, чтобы ее голос был услышан и имел вес.

Парадипломатическая деятельность Фарерских островов. После 2005 года, когда Фарерские острова получили еще больше автономии в рамках Датского королевства, политическая ситуация в автономии претерпела изменения. Последние два десятилетия отмечены ростом политической активности, изменениями во внутри- и внешнеполитической ситуации и дебатами по поводу дальнейшей политической и экономической самостоятельности. Следует отметить, что в среднем фарерские партии разделяют мысль о необходимости сохранения автономии и ее расширения, однако наиболее проблемной точкой являются споры о пределах этого самоуправления.

Так, например, наиболее представленные в Легтинге, фарерском однопалатном парламенте, партии можно разделить на два крупных блока – юнионистские, то есть поддерживающие сохранение Фарер в составе Королевства, и сепаратистские, которые выступают за независимость Фарерских островов. В то же время с момента принятия Акта 2005 года серьезных сдвигов в соотношении сил между ними не происходило, а их представленность в парламенте автономии оставалась на привычном уровне – примерно по половине на каждый из блоков.

Такое отсутствие явного доминирования идеи сохранения в составе Королевства или обретения Фарерскими островами независимости тем не менее все еще препятствует развитию автономии. Показательно, что дебаты

о необходимости принять собственную конституцию неоднократно возникали с 2005 года, однако до конкретных действий полемика не дошла. Примечательным примером в этом отношении является тот факт, что в феврале 2017 года власти заявили, что запланировали проведение референдума о фарерской конституции на апрель 2018 года. Тогда премьер-министр Фарерских островов Аксель Йоханнесен заявлял, что посредством конституции и референдума фарерцы смогут закрепить свое право на самоопределение и принять решение относительно своего дальнейшего развития – в русле сближения с Копенгагеном или отдаления от него [Referendum on Faroese, 2017]. Однако в указанную дату, равно как и в 2018 году, референдум не был проведен, в том числе потому, что законодатели не смогли договориться о положениях конституции, которые удовлетворили бы последователей обеих позиций [Faroese constitutional, 2018].

Правительство Фарерских островов как институт наделено всеми полномочиями для ведения переговоров и заключения соглашений в соответствии с международным правом от имени Королевства Дания, если такие соглашения касаются исключительно вопросов развития автономии. В мае 2024 года была опубликована Арктическая стратегия Фарерских островов, рассматривающая приоритеты развития Фарер в этом регионе на ближайшие годы и в продолжительной перспективе [Arctic Policy, 2024]. Публикация этого документа завершила первый этап формулирования новой общей для всего Королевства стратегии в отношении Арктики. Как и в случае с Гренландией, фарерская Стратегия больше сконцентрирована на арктических сюжетах, однако в тексте прослеживается позиция фарерских властей и по ряду более глобальных вопросов.

В тексте документа нашли отражение примечательные идеи, связанные с тем, как автономия видит свою дальнейшую деятельность в Арктике. Следует отметить, что Фареры называют себя арктической страной, защищая свои права на принятие собственных решений в арктических вопросах. Так, в рамках Стратегии Фарер обозначено, что «будучи арктической страной… они играют жизненно важную роль в совместных усилиях по смягчению последствий изменения климата и созданию прочной базы знаний для необходимой адаптации (к изменениям в регионе. – *В. К., К. К., К. М.*)» [Arctic Policy, 2024, *3*].

Как и Гренландия, Фарерские острова считают, что основная деятельность Дании в арктическом регионе должна осуществляться «Арктикой из Арктики», акцентируя внимание на собственном стремлении быть активным и заметным игроком, в том числе и в Арктическом совете. В перспективе Торсхавн намерен развивать это стремление «обрести независимый голос во всех актуальных организациях и сферах сотрудничества» [Arctic Policy, 2024, *10*], что сигнализирует о цели отмежеваться, например, от кол-

лективного представительства с Данией и Гренландией в Арктическом совете. Подобная идея уже находит отражение в формате ассоциированного членства Фарер в организациях семьи ООН, например в ФАО, ИМО, ВОЗ и ЮНЕСКО, что позволяет им самостоятельно отстаивать свои интересы в ряде областей на международной арене.

Немалое значение для фарерских властей играют и процессы, происходящие в арктической зоне, так как они напрямую влияют на жизнь островов. Так, например, милитаризация Арктики повышает конфликтогенность региона, а изменение климата как открывает новые возможности для судоходства, так и несет угрозы для окружающей среды. Значимым для Фарерских островов в контексте данных процессов может стать председательство Дании в Совете в 2025–2027 годах, которое является шансом активно проявить себя на данном направлении. Подобное намерение отражено и в Стратегии, гласящей, что в рамках своей деятельности в различных организациях и проектах, касающихся Арктики, Торсхавн планирует добиваться сохранения низкой геополитической напряженности в регионе, а также оказывать положительное влияние на развитие самих Фарер, экспортируя товары и технологии и налаживая международные связи с заинтересованными в Арктике игроками [Arctic Policy, 2024, *11*].

В тексте Стратегии Фарерских островов также отмечается, что США играют «выдающуюся роль» в контексте сохранения безопасности и стабильности Арктики и фарерское руководство намерено выстраивать эффективную коммуникацию с заинтересованными партнерами. Помимо США, такими партнерами признаются Великобритания, Канада и северные страны, формирующие ландшафт безопасности в регионе. Немалое значение в этом отношении, по мнению составителей Стратегии, может сыграть и тот факт, что с вступлением Швеции и Финляндии в НАТО все члены Арктического совета, за исключением России, являются частью Альянса. Это открывает дополнительные возможности для проецирования приоритетов и интересов НАТО на Арктику, что, по мнению Фарер, позволит «сохранить Арктику в качестве региона мира и стабильности» [Arctic Policy, 2024, *8*]. Кроме того, как и Гренландия, Фарерские острова намерены развивать контакты и с неарктическими партнерами, которые заинтересованы в развитии региона, например с Японией, Республикой Корея и Китаем.

Исходя из вышеперечисленного, можно отметить, что сегодня и эта датская автономия стремится заявить о себе на международной арене – или по крайней мере в Арктике, где сосредоточены основные интересы Торсхавна. Заметными шагами в сторону самостоятельности и повышения собственной значимости являются позиционирование себя в качестве арктической страны и публикация Арктической стратегии, призванной показать международному сообществу, что Фареры могут выступать в качестве

независимого партнера держав, имеющих интересы в регионе. Их правительство стремится к членству в международных институтах и в будущем хотело бы рассчитывать на самостоятельное представительство в Арктическом совете, что также говорит о стремлении автономии к суверенитету или по меньшей мере лишь формальной зависимости от Дании.

Соотношение подходов Дании, Гренландии и Фарерских островов к реализации внешней политики в арктическом регионе. Анализ датской, гренландской и фарерской Арктических стратегий позволяет сделать вывод, что на этом направлении Копенгаген имеет с Нууком и Торсхавном больше противоречий, нежели точек соприкосновения. Хотя Дания, Гренландия и Фарерские острова разделяют общую заинтересованность в сохранении демилитаризованного статуса Арктики и в мирном развитии региона, автономии, которые фактически являются датскими вратами в Арктику, критикуют Копенгаген за недостаточные усилия в реализации заданного политического курса. И Гренландия, и Фарерские острова едины в том, что дела Арктики должны решаться непосредственно из Арктики, что явственно указывает на амбиции автономий добиться большей самостоятельности в данном вопросе. Это отражается и в стремлении Гренландии выступить инициатором создания Арктического североамериканского форума, а также в ее претензиях на ведущую роль в делегации Королевства в Арктическом совете. Того же подхода придерживается и политическое руководство Фарерских островов, которые во многом стремятся утвердиться в регионе в качестве независимого игрока. В случае, если обе автономии обретут независимость, нельзя гарантировать, что их интересы не будут противоречить друг другу, поскольку подобная общность целей создает почву для конкуренции между Гренландией и Фарерами.

Хотя в Датской внешнеполитической стратегии 2023 года говорится о продолжении кооперации датского правительства с региональными властями в целях «обеспечения низкой напряженности, продолжительного развития и защиты» в Арктике, международная деятельность автономий не получила в ней широкого освещения (они упомянуты в ее тексте всего один раз [Foreign and Security, 2023, *12*]). Не была сформулирована и позиция Копенгагена в отношении самого факта реализации их внешних связей. Более того, новая Стратегия откровенно противоречит ряду интересов датских автономий. Так, Копенгаген намеревается сохранять строжайшие санкции против России, что подразумевает существенное сокращение, если не полное прекращение, двусторонних экономических связей [Foreign and Security, 2023, *14*]. Все это также способствует росту сепаратистских настроений внутри каждой из упомянутых автономий.

Согласно классификации Ю.Г. Акимова, взаимодействие датских автономий с Копенгагеном можно охарактеризовать как параллельное с элементами конфликтного. Действительно, во многом Дания нейтрально относится к внешним связям Гренландии и Фарерских островов, поскольку направления

внешних сношений в большей степени соответствуют общенациональным интересам единой Дании. В первую очередь это касается Арктического региона, где, как уже было отмечено ранее, все составляющие части Королевства преследуют единые цели. Тем не менее общее недовольство автономных регионов мерами, принимаемыми Копенгагеном, становится причиной дестабилизации внутриполитической обстановки, возникновения и усиления «суверенных амбиций» Нуука и Торсхавна. Подобная ситуация, в свою очередь, вызывает недовольство со стороны центрального правительства, так как Копенгаген намерен сохранить единство Королевства.

Таким образом, Датское королевство не едино в формировании приоритетов своей внешней политики, что наиболее ярко отражено в рассмотренных стратегических документах. Такая ситуация возникла из-за широких полномочий автономий в отношении выстраивания собственных внешних связей, а также из-за географического положения Дании и ее автономий относительно друг друга, поскольку расположение на карте мира тоже играет ключевую роль в очерчивании основного круга партнеров. Наивысшим уровнем сепаратизма отличается именно Гренландия, на что оказало влияние как признание датчанами гренландцев независимой нацией, так и публикация проекта Конституции автономии. Значение обоих автономных регионов для Королевства действительно велико, и потенциальное обретение ими суверенитета нанесло бы удар как по глобальным амбициям североевропейского государства, так и по его экономическому положению.

ЛИТЕРАТУРА

Акимов Ю.Г. Международная деятельность субнациональных акторов и внешняя политика государства: варианты взаимодействия и интерпретации // Сравнительная политика. 2021. Т. 12, № 3. С. 33–41.

Белухин Н. Больше не «рыбное место»? Будущее российско-фарерских связей под вопросом // РСМД. 2022а. URL: https://clck.ru/3EwyR5 (дата обращения: 15.12.2024).

Белухин Н. «Непокорные острова». Гренландия и Фареры лелеют суверенные амбиции // РСМД. 2022б. URL: https://clck.ru/3EwyNZ (дата обращения: 15.12.2024).

Белухин Н. Переполох на «урановом острове» // РСМД. 2021. URL: https://clck.ru/3FHsN7 (дата обращения: 15.12.2024).

Белухин Н. Североевропейские автономии в борьбе за независимую политику // РСМД. 2024. URL: https://clck.ru/3EwygC (дата обращения: 15.12.2024).

Воротников В.В., Збирун Д.Н. Проблема сепаратизма Гренландии и Фарерских островов во внешней политике Королевства Дания // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. № 2. С. 97–111.

Плюснин Р.М. Внешняя торговля Фарерских островов в 2014–2022 гг.: разворот на Россию // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. № 1. С. 114–122.

Протокол восьмой сессии Постоянного форума по вопросам коренных народов // Экономический и социальный совет ООН. 2009. URL: https://clck.ru/3EwyMA (дата обращения: 15.12.2024).

Arctic Policy of The Faroe Islands // The Government of The Faroe Islands. 2024. URL: https://clck.ru/3EwzWC (дата обращения: 13.12.2024).

Denmark and Greenland to discuss Arctic defence cooperation amid global tensions // RCI. 2024. URL: https://clck.ru/3FHsFr (дата обращения: 15.12.2024).

Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020 // Udenrigsministeriet. 2011. URL: https://clck.ru/3Ewz67 (дата обращения: 14.12.2024).

Denmark's strategic interests in the Arctic: It's the Greenlandic connection, stupid! // The Arctic Institute. 2016. URL: https://clck.ru/3EwyT2 (дата обращения: 13.12.2024).

Duchacek I.D. Perforated Sovereignties: Towards a Typology of New Actors in International Relations // Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units / ed. by H.J. Michelmann, P. Soldatos. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 1–33.

Exclusive economic zone (EEZ). Map of the world // International Institute for Law of the Sea Studies. 2021. URL: https://clck.ru/3EwyXz (дата обращения: 15.12.2024).

Faroese constitutional referendum unlikely to be held in the short term // Nationalia. 2018. URL: https://www.nationalia.info/brief/11155/faroese-constitutional-referendum-unlikely-to-be-held-in-the-short-term (дата обращения: 15.12.2024).

Foreign and Security Policy strategy // Ministry of Foreign Affairs of Denmark. 2023. URL: https://clck.ru/3Ewz9z (дата обращения: 15.12.2024).

Grydehøj A. Goals, Capabilities, and Instruments of Paradiplomacy by Subnational Jurisdictions // Local Actions in a Global Context: Paradiplomacy by Subnational Jurisdictions / ed. by A. Grydehøj [et al.]. Brussels: Centre Maurits Coppieters, 2014. P. 10–20.

Kuznetsov A. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs. London & New York: Routledge, 2015. 184 p.

Nothing About Us Without Us. Greenland's Foreign, Security and Defense Police 2024–2033 – an Arctic Strategy // Government of Greenland. 2024. URL: https://clck.ru/3EwzNH (дата обращения: 15.12.2024).

Referendum on Faroese Constitution to be held on 25 April 2018 // The Government of the Faroe Islands. 2017. URL: https://www.government.fo/en/news/news/referendum-on-faroese-constitution-to-be-held-on-25-april-2018 (дата обращения: 13.12.2024).

U.S.-Greenland Joint Committee Statement // U.S. Embassy & Consulate in the Kingdom of Denmark. 2024. URL: https://clck.ru/3FHsDM (дата обращения: 13.12.2024).

Greenland's Foreign Minister: Arctic attention means a lot // High North. 2018. URL: https://clck.ru/3FHsE2 (дата обращения: 13.12.2024).

Havret // Udenrigsministeriet. URL: https://clck.ru/3EwyKL (дата обращения: 13.12.2024).

Inatsit Tunngaviusussaq Pillugu Isumalioqatigiissitat isumaliutissiissutaat // KNR. 2023. URL: https://clck.ru/3EwyMn (дата обращения: 14.12.2024).

Inuit Ataqatigiit Kattuffiat Politisk arbejdsprogram 2021–2024 // Inuit Ataqatigiit. 2021. URL: https://clck.ru/3FHsCW (дата обращения: 15.12.2024).

Lov om de færøske myndigheders overtagelse af sager og sagsområder // Retsinformation. URL: https://clck.ru/3FHs5z (дата обращения: 16.12.2024).

Lov om Færøernes Hjemmestyre 1948 // Retsinformation. URL: https://clck.ru/3FHsA7 (дата обращения: 16.12.2024).

Lov om Grønlands hjemmestyre 1978 // Retsinformation. URL: https://clck.ru/3FHs5Y (дата обращения: 16.12.2024).

Lov om Grønlands Selvstyre // FAO. 2008. URL: https://clck.ru/3FHs6X (дата обращения: 15.12.2024).

Orientering nr. 10/2024 // Rigsombudsmanden i Grønland. 2024. URL: https://clck.ru/3EwymN (дата обращения: 14.12.2024).

Selvstændighed // Siumut. 2024. URL: https://clck.ru/3FHsJK (дата обращения: 14.12.2024).

Sluterklæring fra fra møde i Udenrigs-, Sikkerheds- og Forsvarspolitisk Kontaktudvalg i Tórshavn den 9. juni 2022. // Statsministeriet. 2022. URL: https://clck.ru/3EwycF (дата обращения: 14.12.2024).

Wilson P. An Arctic 'cold rush'? Understanding Greenland's (in)dependence question // Polar Record. 2017. Vol. 53, no. 5. URL: https://doi.org/10.1017/S003224741700047X (дата обращения: 15.12.2024).

V.A. Karpusheva
Intern,
the Center for Canadian Studies,
Saint Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

K.V. Kozlova
Intern,
the Center for Canadian Studies,
Saint Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

K.V. Minkova,
PhD in History, Doctor, Professor,
Chair of American Studies,
Saint Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Arctic Vector in the Paradiplomacy of Greenland and the Faroe Islands

This article attempts to examine the main areas of paradiplomatic activity of the Danish autonomies (Greenland and the Faroe Islands) by analysing their Arctic Strategies of 2024. It is stressed that Denmark, Greenland and the Faroes have more contradictions than points of convergence regarding their foreign policy priorities, as each part of the Kingdom has its own interests, including those in the Arctic. Both autonomies intend to expand their presence in the region and claim to be independent players that will conduct Arctic politics from the Arctic. By naming Denmark as a partner in their Arctic strategies, the autonomies are already emphasizing their separation from the former metropolis. Given that Greenland's secession from Denmark proponents have consistently won elections in recent years, and given Greenland's draft constitution published in April 2023, the balance of power in the Arctic might shift in the short term. However, it is yet difficult to define its direction, since Denmark itself, not wanting to lose its integrity, is eager to grant more rights to its autonomies, especially if their external activities are in line with Copenhagen's foreign policy. It is highly likely that a unitary Denmark could become a federal state.

Keywords: *Kingdom of Denmark; Greenland; Faroe Islands; Arctic; paradiplomacy; foreign relations; separatism.*

REFERENCES

Akimov Yu.G. International Activities of Subnational Actors and Foreign Policy of the Nation State: Models of Interaction and Interpretations [Mezhdunarodnaia deiatel'nost' subnatsional'nykh aktorov i vneshniaia politika gosudarstva: varianty vzaimodeistviia i interpretatsii]. *Comparative Politics.* 2021. Vol. 12. No. 3. Pp. 33–41 (in Russian).

Belukhin N. No longer a «fish place»? The future of Faroese-Russian ties in doubt [Bol'she ne «rybnoe mesto»? Budushchee rossiisko-farerskikh sviazei pod voprosom]. *RSMD*. 2022a. Available at: https://clck.ru/3EwyR5 (accessed on December 15, 2024) (in Russian).

Belukhin N. «Unruly island». Greenland and the Faroes cherish sovereign ambitions [«Nepokornye ostrova». Grenlandiia i Farery leleiut suverennye ambitsii]. *RSMD*. 2022b. Available at: https://clck.ru/3EwyNZ (accessed on December 15, 2024) (in Russian).

Belukhin N. Disturbance on «uranium island» [Perepolokh na «uranovom ostrove»]. *RSMD*. 2021. Available at: https://clck.ru/3FHsN7 (accessed on December 15, 2024) (in Russian).

Belukhin N. Northern European autonomies in the struggle for independent politics [Severoevropeiskie avtonomii v bor'be za nezavisimuiu politiku]. *RSMD*. 2024. Available at: https://clck.ru/3EwygC (accessed on December 15, 2024) (in Russian).

Vorotnikov V.V., Zbirun D.N. The Problem of Greenlandic and Faroese Separatism in the Foreign Policy of the Kingdom of Denmark [Problema separatizma Grenlandii i Farerskikh ostrovov vo vneshnei politike Korolevstva Daniia]. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, 2024, No. 2. Pp. 97–111 (in Russian).

Pliusnin R.M. Foreign trade of the Faroe Islands in 2014–2022: a turn to Russia [Vneshniaia torgovlia Farerskikh ostrovov v 2014–2022 gg.: razvorot na Rossiiu]. *Scientific and analytical bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2023, No. 1. Pp. 114–122 (in Russian).

Minutes of the eighth session of the Permanent Forum on Indigenous Issues [Protokol vos'moi sessii Postoiannogo foruma po voprosam korennykh narodov]. *UN Economic and Social Council*. 2009. Available at: https://clck.ru/3EwyMA (accessed on December 15, 2024) (in Russian).

Arctic Policy of The Faroe Islands. The Government of The Faroe Islands. 2024. Available at: https://clck.ru/3EwzWC (accessed on December 13, 2024) (in English).

Denmark and Greenland to discuss Arctic defence cooperation amid global tensions. RCI. 2024. Available at: https://clck.ru/3FHsFr (accessed on 15 December 2024) (in English).

Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020. Udenrigsministeriet. 2011. Available at: https://clck.ru/3Ewz67 (accessed on December 14, 2024) (in English).

Denmark's strategic interests in the Arctic: It's the Greenlandic connection, stupid! *The Arctic Institute*. 2016. Available at: https://clck.ru/3EwyT2 (accessed on December 13, 2024) (in English).

Duchacek I.D. Perforated Sovereignties: Towards a Typology of New Actors in International Relations. *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units. Ed. by H.J. Michelmann*, *P. Soldatos*. Oxford: Oxford University Press, 1990. Pp. 1–33 (in English).

Exclusive economic zone(EEZ). Map of the world. *International Institute for Law of the Sea Studies*. 2021. Available at: https://clck.ru/3EwyXz (accessed on December 15, 2024) (in English).

Faroese constitutional referendum unlikely to be held in the short term. Nationalia. 2018. Available at: https://www.nationalia.info/brief/11155/faroese-constitutional-referendum-unlikely-to-be-held-in-the-short-term (accessed on December 15, 2024) (in English).

Foreign and Security Policy strategy. *Ministry of Foreign Affairs of Denmark*. 2023. Available at: https://clck.ru/3Ewz9z (accessed on December 15, 2024) (in English).

Grydehøj A. Goals, Capabilities, and Instruments of Paradiplomacy by Subnational Jurisdictions. *Local Actions in a Global Context: Paradiplomacy by Subnational Jurisdictions*. Edied by A. Grydehøj et al. Brussels: Centre Maurits Coppieters, 2014. Pp. 10–20 (in English).

Kuznetsov A. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs. London & New York: Routledge, 2015. 184 p. (in English).

Nothing About Us Without Us. Greenland's Foreign, Security and Defense Police 2024–2033 – an Arctic Strategy. *Government of Greenland*. 2024. Available at: https://clck.ru/3EwzNH (accessed on 15 December 2024) (in English).

Referendum on Faroese Constitution to be held on 25 April 2018. The Government of the Faroe Islands. 2017. Available at: https://www.government.fo/en/news/news/referendum-on-faroese-constitution-to-be-held-on-25-april-2018 (accessed on December 13, 2024) (in English).

U.S.-Greenland Joint Committee Statement. U.S. Embassy & Consulate in the Kingdom of Denmark. 2024. Available at: https://clck.ru/3FHsDM (accessed on December 15, 2024) (in English).

Greenland's Foreign Minister: Arctic attention means a lot. High North. 2018. Available at: https://clck.ru/3FHsE2 (accessed on December 13, 2024) (in English).

The Harbour [Havret]. *Ministry of Foreign Affairs*. Available at: https://clck.ru/3EwyKL (accessed on December 13, 2024) (in Danish).

Opinion of the Consultative Committee on the Constitution [Inatsit Tunngaviusussaq Pillugu Isumalioqatigiissitat isumaliutissiissutaat]. *KNR*. 2023. Available at: https://clck.ru/3EwyMn (accessed on December 14, 2024) (in Danish).

Social Working Group Political Work Program 2021–2024 [Inuit Ataqatigiit Kattuffiat Politisk arbejdsprogram 2021-2024]. *Social Working Group*. 2021. Available at: https://clck.ru/3FHsCW (accessed on December 15, 2024). (in Danish).

Act on the takeover of cases and matters by the Faroese authorities [Lov om de færøske myndigheders overtagelse af sager og sagsområder]. *Retsinformation*. Available at: https://clck.ru/3FHs5z (accessed on December 16, 2024) (in English).

Act on the Home Rule of the Faroe Islands 1948 [Lov om Færøernes Hjemmestyre 1948]. Retsinformation. Available at: https://clck.ru/3FHsA7 (accessed on December 16, 2024) (in Danish).

Act on the Home Rule of the Faroe Islands 1978 [Lov om Grønlands hjemmestyre 1978]. Retsinformation. Available at: https://clck.ru/3FHs5Y (accessed onDecember 16, 2024). (in English).

Act on Greenland Self-Government [Lov om Grønlands Selvstyre]. *FAO*. 2008. Available at: https://clck.ru/3FHs6X (accessed on December 15, 2024). (in Danish).

Orientation no. 10/2024 [Orientering nr. 10/2024]. Rigsombudsmanden i Grønland [The Ombudsman for Greenland]. 2024. Available at: https://clck.ru/3EwymN (accessed on December 14, 2024) (in Danish).

Independence [Selvstændighed]. *Siumut*. 2024. Available at: https://clck.ru/3FHsJK (accessed on December 14, 2024) (in Danish).

Closing statement from the meeting of the Foreign, Security and Defense Policy Contact Committee in Torshavn on 9 June 2022 [Sluterklæring fra fra møde i Udenrigs-, Sikkerheds- og Forsvarspolitisk Kontaktudvalg i Tórshavn den 9. juni 2022]. *Ministry of State*. 2022. Available at: https://clck.ru/3EwycF (accessed on December 14, 2024) (in Danish).

Wilson P. An Arctic ‘cold rush’? Understanding Greenland’s (in)dependence question. *Polar Record*, 2017, vol. 53, no. 5. Available at: https://doi.org/10.1017/S003224741700047X (accessed on December 15, 2024) (in English).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Мария Игоревна – ассистент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: istlit-1@yandex.ru.

Андреев Сергей Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета. E-mail: smol.an@mail.ru.

Бочкарев Арсентий Игоревич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета. E-mail: kat@nstu.ru.

Волоскова Марина Николаевна – аспирант кафедры истории России Смоленского государственного университета; научный сотрудник Музея истории и культуры староверия (г. Боровск). E-mail: lotaringiyaa@yandex.ru.

Дайнеко Илья Владиславович – ассистент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: idayneko@sfedu.ru.

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета. E-mail: ivonins@rambler.ru.

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; главный научный сотрудник НОЦ «Смоленский центр квантитативной филологии» Смоленского государственного университета. E-mail: vkarasik@yandex.ru.

Карпушева Виктория Алексеевна – стажер Центра канадских исследований Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: vikarpusheva@gmail.com.

Козлова Кристина Васильевна – стажер Центра канадских исследований Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: kristina.kozlova22@yandex.ru.

Ли Лусы – аспирант кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы. E-mail: 1368683201@qq.com.

Мартинкевич Иван Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного ордена Дружбы народов медицинского университета (Республика Беларусь). E-mail: janka.m@mail.ru.

Минкова Кристина Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: k.minkova@spbu.ru.

Мишнова Анна Викторовна – аспирант кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: mishnovaa@mail.ru.

Новикова Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и математических наук Смоленской государственной сельскохозяйственной академии. E-mail: t.s.novikova@sgsha.ru.

Потапова Евгения Владимировна – магистр филологии, стажер-исследователь НОЦ «Смоленский центр квантитативной филологии» Смоленского государственного университета. E-mail: jenni_p@mail.ru.

Стрельцов Алексей Александрович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода и ИТЛ Института филологии, журналистики и МКК Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: al-astr@yandex.ru.

Суханова Ирина Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: irinaserova5@yandex.ru.

Федоренко Валентина Вячеславовна – аспирант кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: valentina_fedorenko98@mail.ru.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Артеменков (Смоленск, председатель)

Михаил Николаевич Артеменков – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой государственно-правовых дисциплин, ректор Смоленского государственного университета

И.В. Романова (Смоленск, зампредседателя)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

В.А. Волков (Москва)

Владимир Алексеевич Волков – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета

А.Б. Каменский (Москва)

Александр Борисович Каменский – доктор исторических наук, профессор, руководитель школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В.С. Кошелев (Минск, Республика Беларусь)

Владимир Сергеевич Кошелев – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета

А. Молнар (Дебрецен, Венгрия)

Ангелика Молнар – доктор, PhD, доцент Института славистики Дебреценского университета

Л.В. Рацибурская (Нижний Новгород)

Лариса Викторовна Рацибурская – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Ф.Б. Успенский (Москва)

Федор Борисович Успенский – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

Н.А. Фатеева (Москва)

Наталья Александровна Фатеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета

И.Р. Чикалова (Минск, Республика Беларусь)

Ирина Ромуальдовна Чикалова – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

THE EDITORIAL COUNCIL

M.N. Artyomenkov (Smolensk, The Chairperson)

Mikhail Nikolaevich Artyomenkov – Candidate of history, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Rector of Smolensk State University

I.V. Romanova (Smolensk, Deputy Head)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

V.A. Volkov (Moscow)

Vladimir Alekseyevich Volkov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Moscow State Pedagogical University

A.B. Kamensky (Moscow)

Alexander BorisovichKamensky – Doctor of history, Professor, Head of School of History of the National Research University Higher School of Economics

V.S. Koshelev (Minsk, The Republic of Belarus)

Vladimir Sergeyevich Koshelev – Doctor of history, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Belarusian State University

A. Molnar (Debrecen, Hungary)

Angelka Molinar – Doctor of sciences, PhD, Associate Professor, the Institute of Slavic Studies at the University of Debrecen

L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod)

Larisa Viktorovna Ratsiburskaya – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

F.B. Uspensky (Moscow)

Fedor Borisovich Uspensky – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of philology, professor, Director of V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

N.A. Fateyeva (Moscow)

Natalya Alexandrovna Fateyeva – Doctor of philology, Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Z.A. Kharitonchik (Minsk, The Republic of Belarus)

Zinaida Andreyevna Kharitonchik – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University

I.R. Chikalova (Minsk, The Republic of Belarus)

Irina Romualdovna Chikalova – Doctor of history, Professor, Head of the Department of World History and Theory and Methods of Teaching, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; Leading Researcher, the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.В. Романова (гл. редактор)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

А.В. Тихонова (зам. гл. редактора)

Анастасия Владимировна Тихонова – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, заместитель директора по науке Смоленского государственного музея-заповедника

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

С.Ю. Артемова

Светлана Юрьевна Артемова – доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета

Л.И. Ивонина

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета

Д.Е. Комаров

Дмитрий Евгеньевич Комаров – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории казачества и социально-гуманитарных наук Смоленского казачьего института промышленных технологий и бизнеса (филиала) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

А.В. Королькова

Анжелика Викторовна Королькова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Л.В. Павлова

Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Т.Г. Попова

Татьяна Георгиевна Попова – Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почетный работник сферы образования РФ, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка (второго) факультета иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

О.Е. Похаленков

Олег Евгеньевич Похаленков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

А.М. Ранчин

Андрей Михайлович Ранчин – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ю.Л. Цветков

Юрий Леонидович Цветков – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

С.Н. Андреев, Л.В. Павлова (филологические науки)
Л.И. Ивонина, А.В. Тихонова (исторические науки)

EDITORIAL BOARD

I.V. Romanova (Editor-in-chief)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Departmentof Literature and Journalism, Smolensk State University

A.V. Tikhonova (Vice Editor-in-chief)

Anastasia Vladimirovna Tikhonova – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Departmentof History of Russia, Smolensk State University, Deputy Director of Science, Smolensk State Museum Reserve

R.V. Belyutin (Executive Editor)

Roman Vyacheslavovich Belyutin – Doctor of philology, Associate Professor, Head of the Department of the German Language, Smolensk State University

S.N. Andreev

Sergey Nikolayevich Andreev – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the Foreign Languages, Smolensk State University

S.Yu. Artemova

Svetlana Yurievna Artemova – Doctor of philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Theory of Literature, Tver State University

L.I. Ivonina

Lyudmila Ivanovna Ivonina – Doctor of history, Professor, Professor of the Department of World History and International Relations, Smolensk State University

D.Y. Komarov

Dmitry Yevgenyevich Komarov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of the History of Cossack and Social and Humanitarian Sciences, Smolensk Regional Cossack Institute of Industrial Technologies and Business (branch) of K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management

A.V. Korolkova

Anzhelika Viktorovna Korolkova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

L.V. Pavlova

Larisa Viktorovna Pavlova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

T.G. Popova

Tatiana Georgijevna Popova – Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Education of RF, Doctor of Philology, Professor, Professor of the English Department as the Second Language at the Faculty of Foreign Languages, Military University named after Prince Alexander Nevsky, Russian MoD

O.Y. Pokhalenkov

Oleg YevgenyevichPokhalenkov – Doctor of philology, Associate Professor, Professor of the Departmentof Literature of the Institute of Philology and Mass Media, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski

A.M. Ranchin

Andrei Mikhailivich Ranchin – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Yu.L. Tsvetkov

Yuriy Leonidovich Tsvetkov – Doctor of philological sciences, professor at the department of foreign literature of the Institute for Humanities, Ivanovo State University

EDITORS OF SECTIONS

S.N. Andreev, L.V. Pavlova (Philology)
L.I. Ivonina, A.V. Tikhonova (History)

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2023 года** во всех почтовых отделениях России открыта подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета».**

Журнал включен в подписной каталог Почты России. Подписка осуществляется во всех отделениях почтовой связи и в онлайн-сервисе podpiska.pochta.ru.

Журнал выходит 4 раза в год. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость **полугодовой** подписки – 1144 руб. 44 коп.

Система доставки – **адресная**.

Индексы в Объединенном каталоге

Подписной индекс **– ПН182**

Адрес редакции и издателя:

214000, Смоленская область, Смоленск, ул. Пржевальского, 4
Смоленский государственный университет
Тел.: (4812) 700231, факс: (4812) 383157
E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия Смоленского государственного университета

Выходит 4 раза в год
2025, № 1(69)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *Е.А. Воропаева, И.В. Марусова, О.В. Папко*
Редактор англоязычных текстов *П.В. Силаев*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов*

Дата выхода 26. 03. 2025. Формат 70x100 1/16.
Усл. п. л. 18,0 Тираж 300 экз.

Отпечатано: Типография ИП Суркова Н.Н.
Смоленская область, г. Смоленск, ул. Б. Советская, д.12/1

Цена свободная